

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

МИНИСТЕРСТВО ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ И ЭКОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное учреждение
«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРИРОДНЫЙ ЗАПОВЕДНИК «БАСЕГИ»

Д.В. НАУМКИН

**ПТИЦЫ КУНГУРСКОЙ ОСТРОВНОЙ
СОСНОВО-БЕРЕЗОВОЙ ЛЕСОСТЕПИ**

Монография

Пермь 2013

УДК 598
ББК 28.693.35
Н 34

Наумкин Д.В.
Н 34 Птицы Кунгурской островной сосново-березовой лесостепи / Тр. ГПЗ «Басеги». Вып. 3. – Пермь: Изд. Богатырев П.Г., 2013. – 226 с.: ил.

ISBN 978-5-93214-067-3

В монографии изложены результаты исследований орнитофауны уникального ботанико-географического района Пермского края - Кунгурской островной сосново-березовой лесостепи, проводившихся с 1994 по 2006 гг. Представлены краткая характеристика природных условий, история изучения птиц этого региона. Обобщены оригинальные и литературные данные о 227 видах птиц. Видовые очерки содержат информацию о статусе, характере пребывания, распространении вида в зональной лесостепи Урала, Пермском крае и экстразональной Кунгурской лесостепи, материалы по экологии, в том числе относительной численности в предпочитаемых местообитаниях, и ее динамике. Значительную часть монографии составляют главы о структурных особенностях орнитофауны, современных тенденциях в ее развитии, а также о проблемах сохранения видового разнообразия и среды обитания птиц на исследуемой территории.

Для орнитологов, зоологов, охотоведов, специалистов в области охраны охраны окружающей среды, преподавателей естественнонаучных дисциплин высшей и средней школы, аспирантов и студентов биологических и географических специальностей.

УДК 598
ББК 28.693.35

Печатается по решению научно-технического совета Государственного природного заповедника «Басеги»

Рецензенты: с.н.с ГНУ «Всероссийский научно-исследовательский институт охотничьего хозяйства и звероводства им. Б.М. Житкова», д.б.н. **А.П. Савельев** (г. Киров);
доцент, заведующий кафедрой зоологии ФГБОУ ВПО «Пермский гуманитарно-педагогический университет», к.б.н. **Н.А. Литвинов** (г. Пермь)

ISBN 978-5-93214-067-3

© Наумкин Д.В., 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Физико-географическая характеристика Кунгурской островной сосново-березовой лесостепи	11
Материалы и методы исследования	27
История изучения орнитофауны	33
Систематический обзор птиц	40
Структурные особенности орнитофауны	163
Видовой состав	163
Характер пребывания и отношение к территории	164
Биотопическое распределение	170
Численность	186
Фауногенетический анализ	192
История формирования и современные тенденции в развитии орнитофауны	199
Реконструкция ландшафтно-климатических условий обитания птиц в раннем и среднем голоцене	199
Динамика орнитофауны в голоцене	204
Проблемы сохранения биологического разнообразия и среды оби- тания птиц	211
Антропогенная трансформация ландшафтов. Влияние антропо- генных факторов	211
Охраняемые виды птиц	220
Охраняемые природные территории и их значение для охраны птиц	222
Заключение	226
Алфавитный указатель русских названий птиц	227
Алфавитный указатель латинских названий птиц	
Список литературы	

ВВЕДЕНИЕ

Экстразональные ландшафты, нарушающие «монотонность» природной обстановки ландшафтных зон, как правило, отличаются повышенным биологическим разнообразием. Необычное и нередко уникальное сочетание видов, вызванное особым «пограничным» географическим положением, наличие среди них редких и исчезающих привлекает внимание исследователей. Кунгурская островная сосново-березовая лесостепь, расположенная на территории Камского Предуралья, в юго-восточной части Пермского края, представляет собой как раз такое природное явление. Наследие давно прошедших эпох, последнее пристанище южных степных пришельцев – растений, насекомых, птиц – она подобна острову посреди прикамских лесов, и в настоящее время не связана с зональной лесостепью Уральского региона. Этот обедненный вариант лесостепной биоты, находящейся на северном рубеже распространения, является уникальным феноменом в современных природных условиях Среднего Урала.

Комплексное научное исследование любой территории должно охватывать все присутствующие на ней природные компоненты. Без этого невозможна организация рационального природопользования, широко постулируемая в настоящее время властными структурами различных уровней. Реально складывающиеся ситуации, как правило, довольно далеки от этого. Наглядным примером служит история орнитофаунистических исследований различных регионов России (Иванов, 1960). Территория Урала на сегодняшний день также остается недостаточно изученной в орнитофаунистическом отношении (Данилов, 1984; Шепель, 1992; Рябицев, 2001б), несмотря на провозглашение тотальной инвентаризации орнитофауны региона первоочередной задачей еще в 1960-е (Иванов, 1960) и 1980-е (Ильичев, 1989) годы

прошлого столетия. Во многом это следствие длительного пренебрежения к орнитологической фаунистике в нашей стране (непрестижному направлению зоологической науки), а также ситуации, сложившейся в связи с распадом СССР. Если во многих республиках бывшего Союза были изданы республиканские фаунистические сводки, то аналогичной работы по РСФСР никогда не существовало (Коблик и др., 2006). Таким образом, инвентаризация отечественной авифауны является сегодня актуальной и важной для изучения и сохранения биоразнообразия проблемой. Этим определяется наш интерес к орнитофауне Кунгурской лесостепи, изученность которой остается недостаточной.

Начало орнитофаунистических исследований этого района Урала можно отнести к периоду знаменитых академических экспедиций XVIII века. Через г. Кунгур и его окрестности проезжали экспедиционные отряды И.Г. Гмелина (в 1733 г.), И.И. Лепехина (в 1770 г.), П.С. Палласа (в 1771 г.), И.П. Фалька (в 1772 г.). Наиболее значительные фаунистические работы XIX - XX веков – Л.П. Сабанеева (1872; 1874), С.Л. Ушкова (1927), Е.М. Воронцова (1949) – также содержат орнитологические материалы из различных районов Кунгурской лесостепи. До настоящего времени работа Е.М. Воронцова (1949) остается единственным опытом монографического описания орнитофауны Камского Предуралья в административных границах Пермского края.

Возвращаясь к району наших исследований, необходимо отметить, что относительно изученной фауну птиц можно считать лишь в его северной части, вблизи г. Кунгура и с. Кишерть, благодаря длительному существованию университетского стационара на территории заказника «Предуралье» (Шепель, Зиновьев, 1999; Стенно, Воронов, 2000). Южная часть Кунгурской лесостепи обследована лишь эпизодически (сезонные и «неполные» стационары, в трактовке В.К. Рябичева (2001б). Не случайно именно здесь не так давно были сделаны

интересные орнитологические находки (Казаков и др., 2003). В последнее время орнитологические исследования проводятся в рамках кадастровых работ, поддерживаемых на государственном уровне, поскольку очевидно, что без полного и всестороннего представления о природных ресурсах той или иной административной территории немислима и организация рационального природопользования и охрана отдельных видов. По сравнению с недавним прошлым, они значительно активизировались (Лапушкин и др., 1995а, б; Лапушкин, Казаков, 2000; Шепель, 2000; 2001; 2004; Лапушкин и др., 2003; Казаков и др., 2003; Фишер, Казаков, 2003; Шепель, Фишер, 2004; и др.), в том числе в заповедниках Пермского края (Бояршинов и др., 1989; Лоскутова и др., 1998; Курулюк, 2001; Колбин, 2006). Современный список краевой орнитофауны включает 283 вида (Шепель, 2006).

Актуальность исследований связана с еще одним немаловажным обстоятельством. Процессы радикального преобразования природной среды, охватившие территорию европейской России в XX в., в полной мере коснулись и Урала. Все природные зоны этого обширного региона в той или иной степени подверглись антропогенной трансформации. Следствием разноплановой хозяйственной деятельности явилось не только сокращение лесопокрытых и степных площадей, занятых первичными фитоценозами, но и общая деградация характерных для них экосистем (Кириков, 1952; 1959; Формозов, 1962; Максимов, 1962; Ильичев, Фомин, 1988; и др.). Это относится как к зональным, так и к экстразональным сообществам.

До начала массовой колонизации Сылвенско-Иренского междуречья русским крестьянством, то есть приблизительно до середины XVII в., Кунгурская лесостепь вряд ли испытывала значительные антропогенные нагрузки. Состояние природных комплексов этой территории, по всей вероятности, мало отличалось от условий зональной лесостепи. Позднейшая антропогенная трансформация затронула в

первую очередь растительный покров; как следствие, изменилось состояние и других компонентов лесостепных экосистем, в частности, орнитофауны. Формирование современной орнитофауны Кунгурской лесостепи происходило на фоне кардинальных изменений природной среды. В результате резко снизилась численность множества консервативных видов, обладающих наиболее стойкими адаптациями к жизни в условиях лесостепи и нетерпимых к соседству с человеком, и наоборот, экологически пластичные виды, осваивая новые либо освобожденные экологические ниши, значительно увеличили свою численность и распространение (Коровин, 2004). У целого ряда видов антропогенного ландшафта наблюдается активный процесс синантропизации (Голованова, 1969; 1989; Рябов, 1982; Константинов, 1984; Фуфаева, 2004; и др.). В последние десятилетия на фауну и население птиц влияют (в той или иной степени) и те глобальные изменения, которые происходят в экономике сельского хозяйства и структуре землепользования (Галушин и др., 2001; Коровин, 2001), в том числе и в районах Кунгурской лесостепи (Накаряков, Суслонов, 2002; 2004). В настоящее время не остается сомнений, что комплексное изучение и реальная охрана птиц в районе наших исследований могут осуществляться лишь при условии организации ООПТ высоких рангов – заповедника, национального или природного парка, способных сохранить последние фрагменты лесостепных сообществ для будущего. Однако в планах правительства по созданию новых заповедников и национальных парков на 2003-2015 годы Уральский регион не фигурирует (Охраняемые природные территории России..., 2003). Нет подобных планов (по созданию в крае природных парков) и у краевой администрации.

Настоящая работа – первая обобщающая сводка по птицам юго-восточных районов Пермского края, находящихся в основном в границах Кунгурской островной лесостепи. На основании собственных и

литературных данных составлен максимально полный фаунистический список орнитофауны Кунгурской лесостепи, включающий 227 видов, принадлежащих к 19 отрядам и 52 семействам. Для этого привлекали все возможные источники; помимо литературных данных, использовали опросные сведения (достоверность которых не вызывала сомнений) и материалы личных архивов. Тщательному анализу были подвергнуты записи о поступлении таксидермических экспонатов в Главной книге и фондовой картотеке Кунгурского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (далее – Кунгурский музей). Собранные в ходе полевых исследований материалы представляют собой первый опыт качественного и количественного эколога-фаунистического анализа орнитофауны в пределах отдельно взятого геоботанического района Пермского края. История формирования орнитофауны Кунгурской лесостепи и особенности ее экологических связей со средой впервые рассматриваются с позиций общей постледниковой голоценовой эволюции биоты на Среднем Урале.

Полученные данные могут быть использованы в качестве основы будущих кадастровых исследований на этой территории, специальных исследований различных групп и отдельных видов птиц. Кроме того, они имеют значение для дальнейшего развития сети особо охраняемых природных территорий на юго-востоке края (Демидова, Наумкин, 1996; Акимов и др., 1999; Акимов, 2002) и стратегии охраны редких видов (Шепель и др., 1997; Шепель, 1997; 2004). Собранные орнитофаунистические материалы вошли в отчеты «Природа проектируемого национального парка «Сылвенский»: предварительные данные» (1995), «Оценка современного состояния памятников природы, расположенных на территории г. Кунгура» (1995), «Проект организации и внутреннего устройства национального парка «Сылвенский» (1998). Важным практическим аспектом работы является обработка и подготовка каталогов таксидермической коллекции Кунгур-

ского музея, а также использование материалов в научно-просветительских целях (музейная педагогика и дополнительное образование в рамках областных конференций Научного общества учащихся).

Во время сбора полевых материалов автору пришлось сотрудничать с многими людьми, которые участвовали в наблюдениях или помогали в их организации. Автор считает приятным долгом выразить признательность своим учителям: научному руководителю, д.б.н. А.И. Шепелю и зав. кафедрой зоологии позвоночных и экологии ПГНИУ, д.б.н. Е.А. Зиновьеву. Автор также искренне признателен за помощь в сборе материалов пермским орнитологам к.б.н. М.И. Демидовой, В.А. Лапушкину и В.П. Казакову. Кроме того, автор благодарен В.Г. Аристову, В.А. Алексеенко, В.А. Вертипрахову, Н.С. Возжаеву, Л.А. Долгих, В.В. Казаринову, Б.Д. Курсанину, А.А. Пермякову, В.М. Поповой, П.Н. Родимову, А.В. Рыбкину, П.Н. Сивинских, А.А. Фуфаевой, С.В. Чуприянову, которые любезно поделились сведениями о личных наблюдениях тех или иных видов. Особую признательность за ценные консультации и помощь хочется выразить зав. кафедрой зоологии беспозвоночных и водной экологии ПГНИУ к.б.н. Н.Н. Панькову, бывшему директору заповедника «Басеги» к.б.н. Н.М. Лоскутовой и сотруднику ПермНИПИнефть И.А. Лаврову. Искренняя благодарность моей жене Н.Н. Козловой за помощь и постоянную поддержку. Работа не могла бы быть подготовлена без всестороннего содействия и дружеского участия коллективов Кунгурского музея (директор С.М. Мушкалов) и Кунгурской лаборатории-стационара ГИ УрО РАН (зав. лаб. к.г.н. О.И. Кадебская).

ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КУНГУРСКОЙ ОСТРОВНОЙ СОСНОВО-БЕРЕЗОВОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Кунгурская островная сосново-березовая лесостепь (далее – Кунгурская лесостепь) расположена в юго-восточной части Пермского края (рисунок 1). В качестве самостоятельной ботанико-географической единицы она впервые была выделена П.Н. Крыловым (1878), им же в ботаническую литературу введен термин «лесостепь», предложенный на основании знакомства с природой этого региона (Овеснов и др., 2007). Согласно литературным данным (Шилова, 1982; 1983), ее площадь составляет около 10 тыс. км², а территория включает следующие административные районы: западную часть Кишертского и Суксунского районов, Ординский район, северную и центральную часть Октябрьского района, восточную часть Уинского и Кунгурского районов. Как нам кажется, площадь Кунгурской лесостепи С.И. Шиловой завышена. Общая площадь перечисленных административных территорий составляет, по данным цифровых карт Роскартографии, около 7300 км², в границах, описанных в литературе (Шилова, 1982; 1983), и в соответствии с картосхемой (рисунок 1), предложенной С.А. Овесновым (1997). Кроме того, в состав Кунгурской лесостепи, несомненно, входит юго-западная часть Березовского района, нижнее течение р. Шаквы, где распространены типично лесостепные растительные сообщества.

Высокая хозяйственная освоенность лесостепных районов Пермского края сильно сглаживает естественные ботанико-географические границы, тем не менее, для специалистов они вполне очевидны. Особенно явно выражена западная граница Кунгурской ле-

состепи, проходящая по долине р. Ирень. Это связано с геологичес-

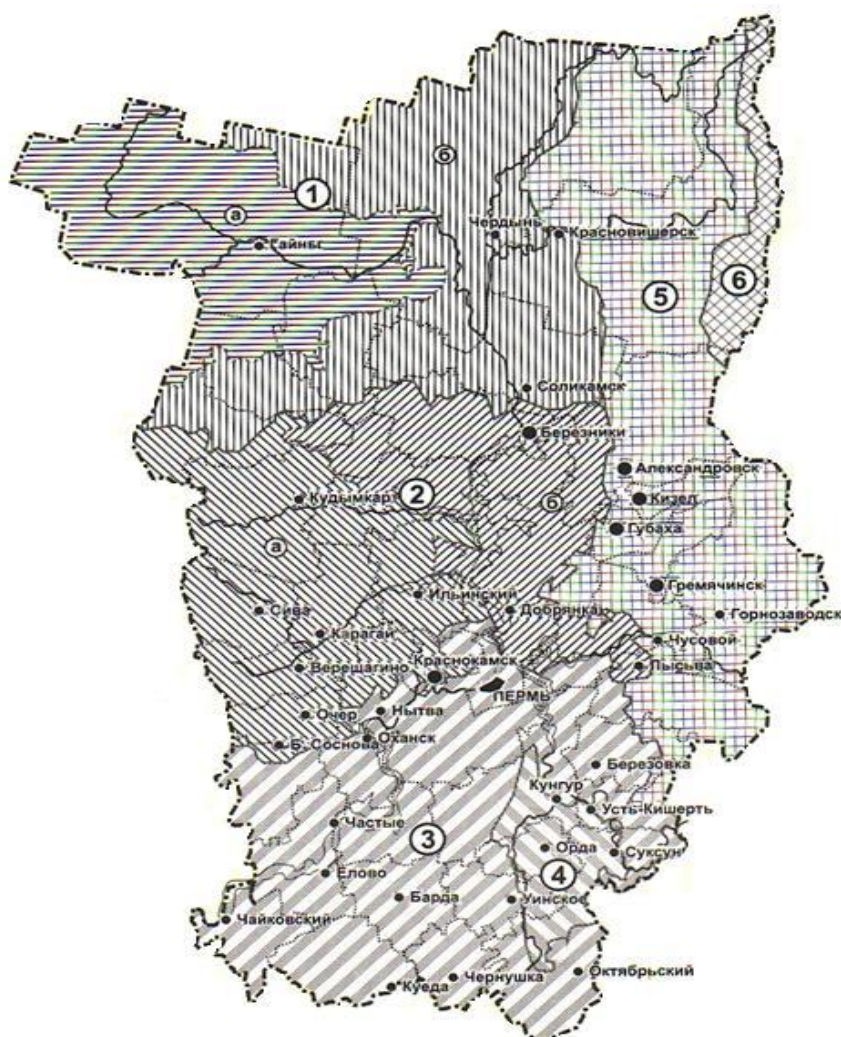

Рис. 1. Ботанико-географическое районирование Пермского края (по: Овеснов и др., 2007).

1 – район среднетаежных пихтово-еловых лесов; 1а – подрайон северо-европейских сосновых и еловых лесов; 1б – подрайон Камско-Печорских Западноуральских пихтово-еловых лесов; 2 – район южнотаежных пихтово-еловых лесов; 2а – подрайон с преобладанием сельскохозяйственных земель; 2б – подрайон с преобладанием вторичных мелколиственных лесов; 3 – район широколиственно-елово-пихтовых лесов; 4 – район островной Кунгурской лесостепи; 5 – район средне- и южнотаежных предгорных пихтово-еловых и елово-пихтовых лесов; 6 – район северо- и среднетаежных кедрово-еловых горных лесов.

кими причинами – именно вдоль р. Ирени южнее г. Кунгура проходит линия замещения нижнепермских отложений кунгурского яруса терригенными породами уфимского яруса верхней перми. Река Ирень является и границей распространения лесостепных почв, и, соответственно, характерного для них остепненного растительного покрова.

От с. Енапаево на р. Ирени южная граница лесостепи идет в направлении с. Тюш и д. Мосино и далее – в соседнюю Свердловскую область, в сторону Красноуфимской лесостепи, расположенной южнее, и представляющей собой столь же уникальное природное явление. Северо-восточная граница Кунгурской лесостепи выражена не столь явно, она проходит по долине р. Сылвы, охватывая ее правобережье в административных границах Суксунского и Кишертского районов. Ниже г. Кунгура она тянется по обоим берегам р. Сылвы на север до с. Серга. Окрестности этого села являются наиболее северным форпостом степной растительности (Сергинская каменистая степь), хотя ее небольшие фрагменты встречаются и севернее – до с. Насадка, а целый ряд видов проникает на север еще дальше – в таежную зону, однако там они не играют особой роли в составе растительного покрова.

В отличие от зональных лесостепей европейской части России, Кунгурская лесостепь имеет ярко выраженный сибирский облик (Пономарев, 1948). Преобладание открытых ландшафтов, низкая лесистость, флористическое своеобразие растительных группировок и другие особенности позволили выделить эту территорию в отдельный геоботанический район, значительно отличающийся от прочих районов таежного Прикамья (Данилова, 1958). Примечательно, что даже болотные фитоценозы карстовых воронок Кунгурской лесостепи по ряду черт весьма близки болотным формациям Зауралья, и не имеют аналогов в Пермском крае (Генкель, 1957; 1974).

В геоморфологическом отношении территория Кунгурской лесостепи входит в состав области холмисто-увалистого рельефа расчлененных возвышенностей Среднего Прикамья, в район денудационной возвышенной равнины Уфимского плато. В настоящее время доминирующая роль в рельефообразовании описываемой территории принадлежит эрозионным и карстовым процессам.

Основным элементом, определяющим общий характер рельефа

Рис. 2. Карстовые воронки в окр. д. Чувирята (Ординский район)
Фото Е.П. Дорофеева

Рис. 3. Гипсовые обнажения Подкаменной горы, р. Сылва (Кунгурский район)
Фото С.А. Винокурова

исследуемого района, является протянувшийся в меридиональном направлении Сылвенский кряж – высоко приподнятая, расчлененная логами и речными долинами северная оконечность Уфимского плато. Преобладание карстующихся сульфатных и карбонатных пород обуславливает активное протекание здесь карстовых процессов и возникновение разнообразных карстовых форм рельефа (рисунок 2). Карстовые явления на территории Кунгурской лесостепи – весьма значимый геоэкологический фактор, оказывающий влияние на большинство других природных компонентов: микроклимат, водный режим и химический состав вод, состав растительности и животное население тех или иных участков. По склонам логов и речных долин нередко встречаются мощные рифовые образования и сульфатно-карбонатные обнажения артинского и кунгурского ярусов нижнего отдела пермской

системы, изобилующие трещинами, нишами, отдельными скалами-останцами (рисунок 3).

Территория Кунгурской лесостепи относится к бассейну р. Сылвы и ее самого крупного притока – р. Ирень. Участки, занятые остепненными фитоценозами, встречаются в низовьях рек Иргины, Барды, Шаквы и Бабки, а также левобережных притоков р. Ирени – рек Аспа, Сып, Турка, однако их верховья лежат уже за пределами рассматриваемого геоботанического района.

Долина р. Сылвы по характеру поперечного профиля относится преимущественно к асимметричному типу. Особенно отчетливо он проявляется на ее извилистых участках. Глубина вреза долины достигает 100 и более метров (рисунок 4). Комплекс аккумулятивных форм в долине р. Сылвы представлен узкой (менее 10 м) поймой, часто выклинивающейся, нередко с прирусловым валом, более широкой (100-120 м) первой надпойменной террасой, делювиальным шлейфом и отдельными, плохо сохранившимися фрагментами второй и третьей надпойменных террас. Для русел притоков р. Сылвы характерны извилистость, наличие галечниковых кос, отмелей и островов, а также наличие обнажений коренных пород по берегам (рисунок 5).

Рис. 4. Долина нижнего течения р. Сылвы у с. Каширино (Кунгурский район)
Фото И.Э. Клокова

Рис. 5. Река Ирень в Ординском районе
Фото С.А. Винокурова

Реки бассейна Сылвы относятся к типу с четко выраженным весенним половодьем, летне-осенними дождевыми паводками и длительной устойчивой зимней меженью. В их питании преимущественное значение имеют талые воды. По условиям водного режима исследуемая территория относится ко II гидрологическому району, где до 60% осадков стекает в реки, причем распределение речного стока внутри года является относительно равномерным (Ресурсы поверхностных вод СССР, 1978).

Весеннее половодье обычно начинается в апреле. Характерные среднемноголетние даты вскрытия р. Сылвы: 7.IV (раннее вскрытие); 24.IV (среднее); 7.V (позднее). Паводки бывают, как правило, высокие, нередко пойма и низкие надпойменные террасы полностью затапливаются. После таких наводнений в понижениях рельефа надпойменных террас долго сохраняются временные водоемы. Гидрограф стока для нижнего течения р. Сылвы имеет чаще всего многопиковую форму (в связи с возвратом холодов или дождевыми паводками); в отдельные годы может быть один пик.

Летне-осенняя межень продолжительна, как правило, прерывается дождевыми паводками, которые бывают в это время почти ежегодно; обычно они достаточно интенсивны и имеют затяжной характер. Зимняя межень также отличается устойчивостью и большой продолжительностью. В среднем период зимней межени составляет 140-160 дней. Характерные среднемноголетние даты наступления ледостава для р. Сылвы следующие: ранний – 19.X; средний – 11.XI; поздний – 2.XII. С началом ледообразования водность рек быстро снижается, минимум ее наступает, как правило, в марте. В период установления ледостава, а также во время весеннего половодья на р. Сылве часто наблюдаются заторы, которые вызывают значительные подъемы уровня воды.

В нижнем течении р. Сылвы после постройки Камского водохранилища сформировался обширный извилистый Сылвенский залив – основное место концентрации водоплавающих и околоводных птиц в пределах Кунгурской лесостепи (Еремченко, Возжаев, 1984; Наумкин, Демидова, 2002). В низовьях р. Сылвы распространены преимущественно пойменно-долинные озера (старицы) с пологими заболоченными берегами и невысокой минерализацией воды. Наиболее значительны из них Вяткинские озера (рисунок 6), которые в настоящее

Рис. 6. Озера Вяткинского заказника (Кунгурский район)
Фото П.Н. Родимова

Рис. 7. Кижертские озера (с. Кижерт)
Фото С.В. Чуприянова

время фактически превратились в заливы Камского водохранилища, и их уровень напрямую зависит от колебаний уровня Сылвенского залива. В период схода льда их заполняемость водой минимальна, площадь водного зеркала значительно сокращена. Слабый подъем воды начинается в первой декаде мая. Карстовые озера в нижнем течении р. Сылвы малочисленны. На Сергинском карстовом участке (территория к северу от Вяткинского заказника) отмечено 24 карстовых озера небольших размеров (Горбунова и др., 1992).

Выше г. Кунгура, в среднем течении р. Сылвы, озера карстового типа по количеству преобладают над пойменными и старичными. На семи участках Кижертского карстового района выявлено более сотни таких озер. В основном они занимают понижения на дне кар-

стовых депрессий (Мазуевские и Бурцевские озера), некоторые расположены в воронках на дне и склонах карстовых котловин, в воронках на коренных и низких аккумулятивных террасах (Кишертские озера). При небольшой площади отдельные карстовые озера могут достигать значительной глубины (десятки метров). Минерализация озерных вод колеблется от 61 до 2477 мг/л. Наибольшей минерализацией отличаются некоторые озера Мазуевской карстовой депрессии и долины р. Иргины (Горбунова и др., 1967).

Кишертские озера, расположенные в черте райцентра Усть-Кишерть (рисунок 7), представляют особый интерес как место массового отдыха и гнездования водоплавающих и околоводных птиц. Они являются объектами длительного орнитологического мониторинга (Лапушкин, Казаков, 2000; Чуприянов и др., 2004). То же можно сказать и об озере Чаечном в Уинском районе (Шураков и др., 1981; 1985). Это крупное карстовое озеро расположено на первой надпойменной террасе р. Сухой Телес (притока р. Ирень) на окраине с. Воскресенск. Большая часть водного зеркала озера покрыта сплавной; озеро активно заболачивается. Это характерная особенность многих карстовых озер Кунгурской лесостепи (Горбунова и др., 1967).

Климат Кунгурской лесостепи умеренно-континентальный, со значительными годовыми и суточными колебаниями метеопоказателей. По ряду черт он ближе к климату южной тайги, чем широколиственно-таежной подзоны (Нешатаев, 1973; Симкин, 1974). Большое влияние на распределение атмосферных осадков и температурный режим оказывает атмосферная циркуляция. Вторжения холодных арктических масс воздуха вызывают похолодания в теплую часть года, и сильные морозы зимой. В то же время с притоком теплых воздушных масс с Атлантики связаны потепления, и даже оттепели в зимнее время. Почти во все месяцы теплой части года, за исключением второй половины июня и июля, отмечаются заморозки на почве, а в отдельные

годы могут отмечаться отрицательные температуры и в воздухе. Самым холодным месяцем является январь ($-15,7^{\circ}$), самым теплым – июль ($+18,1^{\circ}$). Абсолютный максимум температуры в районе г. Кунгура равен $+39^{\circ}$, минимум -49° (данные метеостанции Кунгурской лаборатории-станции ГИ УрО РАН). Естественные сезоны года значительно отличаются друг от друга по длительности (Нешатаев, 1973). Весна и осень сравнительно коротки (60-70 суток). Лето длится 89 суток, обычно оно умеренно-теплое, иногда избыточно-влажное. На период с мая по сентябрь приходится 68% годового количества осадков. Зима холодная (в среднем 145 суток). Снеговой покров устанавливается обычно в период с 25.X – 1.XI и держится до 170 дней. Максимальной толщины снеговой покров достигает к марту – до 70 см. На закарстованных участках его толщина, а также глубина промерзания почвы сильно варьирует. Сход снежного покрова происходит в среднем 15.IV – 25.IV. Нередко возвраты холодов и заморозки продолжаются до первой декады июня, приводя к гибели кладок и выводков, а также откочевке некоторых птиц (чибис, черный стриж).

Естественный мозаичный характер биотопов Кунгурской лесостепи, сложившийся в постледниковое время, определяет изначально низкую лесистость данной территории. В настоящее время лесистость колеблется от 20% до 55%, составляя в среднем менее 40% (Чазов, 1960). Преобладающая порода – береза, а не виды широколиственной группы. Основные типы древесной растительности – вторичные березово-осиновые, смешанные хвойно-мелколиственные и хвойно-широколиственные леса, а также травяные и остепненные сосняки и старые парковые березняки, занимающие участки на возвышенных береговых террасах. Особый тип растительности – прибрежные ольшаники с черемухой и ивами, нередко перевитые хмелем и заросшие высокотравьем. Они встречаются в поймах рек и озер, по берегам небольших речек – притоков рек Сылвы и Ирени. Ниже более подробно

охарактеризованы сосновые, березовые и смешанные лесные сообщества, в которых в основном и проводили маршрутные учеты птиц.

Рис. 8. Сосновые леса заказника «Предуралье».
(Кишертский район)
Фото И.Э. Клокова

Сосновые леса в районе исследований распределены крайне неравномерно. Это, как правило, островные сосновые боры, фрагменты некогда широко распространенных в Предуралье массивов сосновых лесов, проникших сюда в первой половине постледникового периода из Западной Сибири (Пономарев, 1948). С этим связана высокая степень участия в сложении их травяного покрова лугово-степных и степных видов сибирского происхождения. Наиболее широко сосновые леса распространены в Кишертском районе по южным щебнистым и каменистым склонам (окр. деревень Лягушино, Мазуевка, Красный Яр, Черный Яр, и др.), а также при слиянии рек Сылвы и Барды (Диковская, 1964). В Кунгурском районе значительная часть сосновых лесов расположена на Спасской и Подкаменной горах. На

территории вышеперечисленных участков произрастает более 70% всех сосновых лесов Кунгурской островной лесостепи (рисунок 8).

Травяные сосновые леса произрастают как на склонах, так и на плакорных участках (Чазов, 1957). В составе травяного яруса преобладают лесостепные и степные виды, в основном сибирского происхождения: ластовень лекарственный, колокольчик болонский, вероника колосистая, клевер люпинолистный, эспарцет песчаный, колокольчик сибирский, земляника зеленая, и др. Среди травяной растительности имеются также виды неморального флористического комплекса, к числу которых относятся, например, наперстянка крупноцветковая и сныть обыкновенная. Бореальные виды играют значительно меньшую роль в сложении травяного покрова и свойственны преимущественно тем участкам, которые либо граничат с темнохвойными лесами, либо имеют в составе древостоя ель сибирскую. К числу видов бореальной флоры, отмеченных в травяных сосняках, относятся грушанка малая, седмичник европейский, и др.

В составе древесного яруса преобладает сосна, к которой в средневозрастных лесах примешивается береза бородавчатая, а также липа. В молодых сосняках, расположенных по пологим склонам увалов (в условиях лучшего увлажнения), доля березы увеличивается, в небольшом количестве появляется ель. Сомкнутость крон колеблется в пределах от 0.6 до 0.7. Средняя высота составляет 25-27 м. В подросте господствует сосна обыкновенная, подлесок сильно разрежен и состоит из черемухи, рябины, раkitника, можжевельника (Чазов, 1957). Кустарнички представлены единично встречающейся брусникой.

«Горные» сосняки располагаются в основном по склонам южной экспозиции, вблизи выходов коренных карбонатных и сульфатных пород. Примером лесов этого типа являются сосняки Подкаменной горы в Кунгурском районе (Белковская, 1984). «Горные» сосняки, или

т.н. каменистые сухие травянистые боры, отличаются от вышеописанного типа сосновых лесов тем, что в них практически отсутствуют зеленые мхи, а в травяном ярусе абсолютно преобладают степные и лесостепные виды сибирского происхождения, что сближает их с сосновыми лесами восточного склона Среднего и Южного Урала и лесостепной Сибири.

В древостое, наряду с сосной, часто встречается береза бородавчатая, липа, осина и ель сибирская. В травяном покрове обильно встречаются земляника зеленая, вероника колосистая, василек шершавый, лабазник шестилепестной, черноголовка обыкновенная, зопник клубненосный, купена многоцветковая, колокольчик болонский, василек сибирский, бедренец-камнеломка, пырей отогнутоостый, типчак, душица обыкновенная, лапчатка серебристая, мордовник обыкновенный и др. (Диковская, 1964; 1974). Виды бореального флористического комплекса обычно отсутствуют.

Мелколиственные березово-осиновые леса широко распространены в Кунгурской лесостепи и составляют основу лесной растительности района исследований. Они приурочены, преимущественно, к вершинам и склонам водоразделов, а также плакорным участкам. Большая их часть имеет вторичное происхождение, возобновляясь на местах вырубок темнохвойных и сосновых лесов. Коренные парковые березняки, восходящие к плейстоценовой сосново-березово-лиственничной лесостепи (Пономарев, 1941), занимают незначительные территории. Из выделяемых С.И. Шиловой (1982) четырех групп ассоциаций мелколиственных лесов для нас представляют интерес лишь две – березово-осиновые леса (часто с присутствием сосны) и березовые остепненные леса по коренным склонам долин.

Березово-осиновые леса с лесолуговым разнотравьем приурочены к пологим склонам увалов и плато на серых оподзоленных почвах (рисунок 9). Как правило, они молодые по возрасту, но иногда на

вершинах водоразделов встречаются старые березовые рощи (Белковская, 1984). В подобных мелколиственных старолесьях часто встречаются обширные олуговевшие поляны. Обычно в составе древесного яруса отмечается примесь сосны обыкновенной. Иногда присутствие сосны столь значительно, что формируются сосново-березовые переделки. Древостой часто разрежен рубками. Сомкнутость крон колеблется в широких пределах (0.2-0.8). Средняя высота яруса – от 18 до

Рис. 9. Березовые леса Кунгурского района
(Ледяная гора)
Фото Л.А. Долгих

27 м. Подрост редкий, в виде отдельных куртин пихты и ели. В подлеске преобладают рябина, черемуха, малина, ракитник русский, иногда можжевельник.

Проективное покрытие травяного яруса колеблется от 60 до 95% в зависимости от сомкнутости крон. При высокой сомкнутости (0.6-0.8) травяной покров сильно изрежен. Преобладают клевер средний,

борец высокий, вейник тростниковидный, сныть обыкновенная, щитовник мужской, бор развесистый, голокучник Линнея, медуница неясная, ясменник душистый, и др. Изредка отмечены коротконожка перистая, земляника лесная, костяника, горошек тонколистный, бедренец-камнеломка, нивяник обыкновенный и др.

При уменьшении сомкнутости крон до 0.2-0.4 травяной покров становится густым. При этом в составе травяного яруса появляются и широко распространяются наперстянка крупноцветковая, герань лесная, василистник малый, воронец красноплодный, вороний глаз четырехлистный, звездчатка ланцетолистная, копытень европейский, сочевичник весенний, хвощ лесной, и др. Как правило, характерна подстилка из опавших листьев, иногда куртинки гипновых мхов.

Сосново-березовые перелески по составу подлеска и травяного яруса практически не отличаются от чистых березняков. Для них характерно присутствие в составе подлеска раkitника русского. В целом березовые леса данного типа имеют много общего с травяными сосновыми борами, что обусловлено присутствием в составе травяного яруса степных и лесостепных видов, свойственных Западной Сибири.

Разреженные березовые и березово-сосновые леса, приуроченные к крутым склонам южной, юго-западной и юго-восточной экспозиций с выходами сульфатно-карбонатных пород, имеют ярко выраженный кустарниковый ярус, в состав которого входят раkitник русский, можжевельник, кизильник черноплодный, шиповники иглистый и коричный, иногда вишня степная (Ковязин, 1961). В травяном ярусе преобладают горошек тонколистный, вейник наземный, девясил иволистный, вейник тростниковидный, купена многоцветковая, кровохлебка лекарственная, ластовень лекарственный, душица обыкновенная, мордовник обыкновенный, василек сибирский (Диковская, 1964; Шилова, 1982). Моховой покров отсутствует.

Смешанные (хвойно-широколиственные и хвойно-мелколиственные) леса в Кунгурской лесостепи являются, в основном, вторичными по происхождению и сильно варьируют как по составу древостоя, так и по составу травяной растительности, который обусловлен в первую очередь присутствием тех или иных пород в древесном ярусе. Кроме того, смешанные леса могут иметь естественное происхождение. В этом случае появление смешанных лесов связано с процессом задернения почвы, препятствующим возобновлению темнохвойных пород (Таскаева, 1943; Данилова, 1955).

Смешанные леса распространены по отлогим склонам увалов и плато на серых слабоподзоленных почвах. Часто они разрежены рубками. В древесном ярусе представлено большое количество хвойных пород: ель сибирская, пихта сибирская, сосна обыкновенная. Второй по значению в сложении древесного яруса группой являются мелколиственные породы. Широколиственные породы в составе яруса встречаются редко, и, как правило, входят в состав подлеска. К их числу относятся липа сердцелистная, клен платанолистный и вяз. Необходимо отметить, что обычно ель и пихта характеризуются большей зрелостью, чем осина и береза в составе этого же типа леса. Сомкнутость крон, как правило, не превышает 0.5-0.6. В подлеске обычны рябина, черемуха. В кустарниковом ярусе доминируют можжевельник, жимолость лесная, малина, ракитник русский.

Травяной покров очень разнообразен (в зависимости от сложения древесного яруса). Преобладание в древостое темнохвойных пород обеспечивает доминирование видов бореального комплекса: кислицы обыкновенной, грушанок, майника двулистного, и др. Если значительно представлены широколиственные породы деревьев, это ведет к появлению в травостое неморальных видов: седмичника европейского, наперстянки, буквицы лекарственной, и др. Преобладание в составе древесного яруса березы бородавчатой ведет к появлению и

широкому распространению в составе травяного покрова сныти обыкновенной. При доминировании сосны обыкновенной в травяном ярусе господствует орляк, часто встречаются кошачья лапка двудомная, герань лесная, горошек мышиный. Кроме того, для всех типов смешанных лесов нередким является присутствие в составе травостоя звездчатки ланцетолистной, клевера среднего, кровохлебки лекарственной, душицы обыкновенной, вейников тростниковидного и наземного, перловника поникшего, василистника простого, земляники лесной и зеленой, и др., которые придают смешанному лесу остепненный характер (Диковская, 1964). Моховой ярус отсутствует, поверхность почвы покрыта подстилкой из опавших листьев.

Большая часть территории Кунгурской лесостепи (до 55%) занята открытыми ландшафтами (Овеснов, 1997). В основном это агроценозы: пашни, посевы многолетних трав, пастбища и сенокосы, а также дачные садовые участки и селитебные территории. Открытые ландшафты естественного происхождения представлены фрагментами степных ассоциаций (которые сохранились лишь на неудобных для сельскохозяйственного использования участках), остепненными, сучодольными и пойменными лугами. Кроме того, к открытым пространствам относятся группы упоминаемых выше озер в среднем и нижнем течении р. Сылвы с комплексом характерной для них прибрежно-водной, плавающей и погруженной растительности.

Среди многочисленных выделяемых ботаниками типов степей (Горчаковский, Ромахина, 1966) в районе исследований наиболее распространены луговые степи (рисунок 10), которые характеризуются преобладанием ксерофитов над мезофитами и доминированием плотнoderновинных злаков (ковыль перистый, типчак) в составе растительности. Они формируются в основном на более пологих (предвершинных или нижних) участках склонов. Крутые склоны и обнажения занимают каменистые степи, в которых проективное покрытие травя-

ного яруса не превышает 10-30%. Важнейшим компонентом растительного покрова здесь являются разные виды полыней.

Рис. 10. Луговые степи в окр. с. Воскресенск (Уинский район)
Фото В.В.Семенова

Остепненные луга отличаются от луговых степей меньшим участием в сложении растительного покрова ксерофитов. При этом мезоксерофиты доминируют над злаками, а среди последних корневищные преобладают над дерновинными. Остепненные луга распространены по плакорам, на высоких равнинах, по опушкам разнотравных остепненных сосново-березовых лесов. Проективное покрытие травяного яруса колеблется в пределах от 60 до 70%, в его составе произрастают виды «северного степного разнотравья», видовое разнообразие которого высоко (Шилова, 1982; Белковская, 1984). Здесь же встречаются и фрагменты ассоциаций кустарниковых степей с дроком красильным, раkitником русским, вишней степной, спиреей городчатой.

Суходольные луга на водоразделах в целом занимают значительные площади (рисунок 11); они могут также формироваться по склонам карстовых воронок. Они представлены следующими основными группами ассоциаций (Шилова, 1982): злаково-разнотравные луга; разнотравные луга; бобовые луга, приуроченные к понижениям рельефа; злаковые луга.

Пойменные луга в Кунгурской лесостепи не имеют широкого распространения. В основном они вторичного происхождения, представлены тремя основными группами ассоциаций: разнотравно-злаковые луга, злаковые луга, и осоковые луга (Диковская, 1964). По-

Рис. 11. Суходольные луга долины нижнего течения р. Сылвы
(Кунгурский район)
Фото И.А. Лаврова

следние, впрочем, чаще первичны по происхождению, занимают небольшие участки в виде узких полос по берегам рек. В переувлажненных условиях низин образуются осоковые луга-кочкарники, которые характерны для Вяткинских и Кишертских озер, а также периодически затопляемых угодий в верховьях Сылвенского залива.

Здесь же по периметру открытых участков воды сформировались мощные тростниковые займища-бордюры с участием камыша озерного и рогоза широколистного, часто образующих в подходящих местообитаниях моновидовые группировки. Из других прибрежно-водных видов встречаются хвощ болотный, рогоз узколистный, сусак зонтичный, частуха подорожниковая, стрелолист обыкновенный, калужница болотная. Разнообразна плавающая и погруженная растительность. В ее составе роголистник, пузырчатка, водяной лютик, водокрас лягушаций, ряска малая и многокоренник, желтая кубышка. В нижнем течении р. Сылвы в большом количестве произрастает кувшинка чисто-белая – высокодекоративный интенсивно истребляемый третичный реликт.

Биоценотическое окружение птиц, обитающих в Кунгурской лесостепи, очень многообразно. Многочисленные наземные и водные беспозвоночные изучены весьма избирательно и в целом недостаточно. В остепненных биотопах встречается множество членистоногих – представителей фауны зональных степей, находящихся здесь далеко за пределами своего обычного распространения. К ним относятся, например, многие жужелицы, некоторые бабочки и перепончатокрылые, пауки, в том числе такие, как южнорусский тарантул и эндемичный для Кунгурской лесостепи *Alopecosa kungurica*, и др. (Есюнин, 1990; Козьминых и др., 1994, Красная книга Пермского края, 2008, и мн. др.). Животный мир наземных позвоночных Кунгурской лесостепи включает 7 видов земноводных, 6 видов рептилий, и практически всех характерных для Пермского края млекопитающих, за исключением некоторых тундровых и сибирских видов (Воронов, 1950; Куклин, 1951; Воронов, Мычелкин, 1974; Воронов, 1993; Юшков, Воронов, 1994; Шепель, Зиновьев, 1999; Акимов, 2002). В реках и озерах обитает около 30 видов рыб, в том числе объекты искусственного воспроизводства (Зиновьев и др., 1989).

В рамках данной главы мы кратко остановимся лишь на трофических взаимоотношениях птиц с основными группами животного населения. У птиц, обитающих в Кунгурской лесостепи, встречаются самые разнообразные трофические специализации – от фитофагов до орнито- и миофагов. Облигатные фитофаги в составе местной орнитофауны практически отсутствуют, за исключением немногочисленных пролетных гусей и некоторых речных уток (связь). Факультативными фитофагами являются представители многих отрядов – гусеобразные, курообразные, кулики, воробьинообразные. Столь же многочисленны энтомофаги, отличающиеся качественными и количественными характеристиками потребления насекомых и пауков – от питания ими лишь в ювенильный период до выраженной специализации на отдельных группах, например, ксилобионтах (дятлы), или жалящих перепончатокрылых (осоед, золотистая шурка). Трофические цепи водных экосистем на птицах замыкаются редко. Лишь для некоторых групп (поганки, утки, ржанкообразные) гидробионты имеют значение как пищевые объекты; для других птиц они становятся доступными в силу каких-либо случайных обстоятельств (например, резкое падение уровня воды при засухе, и др.). Из специализированных ихтиофагов можно назвать скопу, крачек и зимородка. Орнитофагия (или оофагия) характерна для многих птиц (причем не только для дневных хищников и сов, но и для представителей других отрядов – аистообразных, ржанкообразных, дятлов, воробьиных), однако наиболее ярко она выражена у ястребов, сапсана, чеглока, болотного луня, воробьиного сычика. Наконец, наиболее значимую не только в экологическом, но и в хозяйственном отношении группу птиц-миофагов составляют дневные хищники и совы. Многие птицы отличаются широкой пищевой спектральной способностью легко переключаться с одного пищевого объекта или вида добычи на другие.

В свою очередь, птицами, их птенцами и яйцами питаются многие наземные четвероногие хищники (и даже копытные), изредка – рептилии и крупные хищные рыбы. Однако выделить специализированных орнитофагов среди них трудно. Из хищных млекопитающих это, по-видимому, в первую очередь лисица и представители семейства куньих. Для большинства остальных хищников Кунгурской лесостепи птицы – скорее малозначимые или случайные объекты охоты.

Паразиты птиц в условиях Кунгурской лесостепи изучены недостаточно. Известно, что наряду с млекопитающими птицы играют определенную роль в качестве прокормителей личинок и нимф таежного клеща *Ixodes persulcatus* (Шилова и др., 1963; Симкин, 1974), а также имаго кровососущих двукрылых (Бурылова и др., 1975; Бурылова, 1977). Гнездовая паразитофауна гнездящихся птиц изучена лишь у отдельных видов (Воронин, 1981; Шураков и др., 1999).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В основу работы положены материалы, собранные автором в течение 1994-1996 и 2001-2006 годов на территории Кунгурского, Кишертского, Суксунского, Ординского, Уинского и Октябрьского районов Пермского края. В 1994-1996 годах работы велись главным образом на территории Кунгурского и Кишертского районов, в последующие годы основное внимание уделялось более южным районам. В 2007-20012 годах проводились лишь кратковременные орнитологические экскурсии.

Обследованные биотопы представлены в первую очередь лесами различных типов. Обследовали также пойменные угодья и берега водоемов; открытые пространства на водоразделах и склонах, занятые как сельхозугодьями, так и первичными фитоценозами; селитебные территории. Занимаемые ими площади (в пределах района исследований) были определены по топографическим цифровым картам Роскартографии (М – 1: 200 000, таблица 1).

Таблица 1 – Экспликация земель Кунгурской лесостепи

Наименование	Площадь, км ²
Лесопокрываемые территории	2354 (32,3%)
Открытые ландшафты, в т.ч. сельхозугодья	4365 (59,8%)
Селитебные территории (включая территорию г. Кунгура)	410 (5,7%)
Озера и пруды (без учета рек и Сылвенского залива Камского водохранилища)	30 (0,4%)
Прочие	131 (1,8%)
Всего	7290 (100%)

Сбор и обработку материала осуществляли в соответствии с общепринятыми рекомендациями (Дементьев, Гладков, 1948; Козлова, 1960). Полевые работы велись на двух стационарах (по три сезона) в Кунгурском (Вяткинский заказник) и Уинском (окр. с. Воскресенск) районах, остальная территория охвачена пешими, автомобиль-

ными и водными маршрутами общей протяженностью свыше 4 тыс. км. Основной объем материалов собран в гнездовой период; наблюдения в осенне-зимнее время носили нерегулярный, дополнительный характер.

Птиц учитывали на учетных маршрутах различной протяженности (от 1 до 3, в среднем 2,6 км), заложенных в однородных биотопах, в оптимальную погоду и время суток (Морозов, 1989), в период с начала мая до конца июня. Шесть из них (в Кунгурском районе) были постоянными (таблица 23). Общая протяженность учетных маршрутов в лесных биотопах составила чуть меньше 300 км (рисунок 12). Результаты учетов усреднены для каждого сезона по типам леса (таблица 21).

Птиц открытых местообитаний учитывали на площадках разной площади и конфигурации (размерами до 1 га, площадь определяли по крупномасштабным цифровым картам), с последующим пересчетом на 1 км². Численность дневных хищников

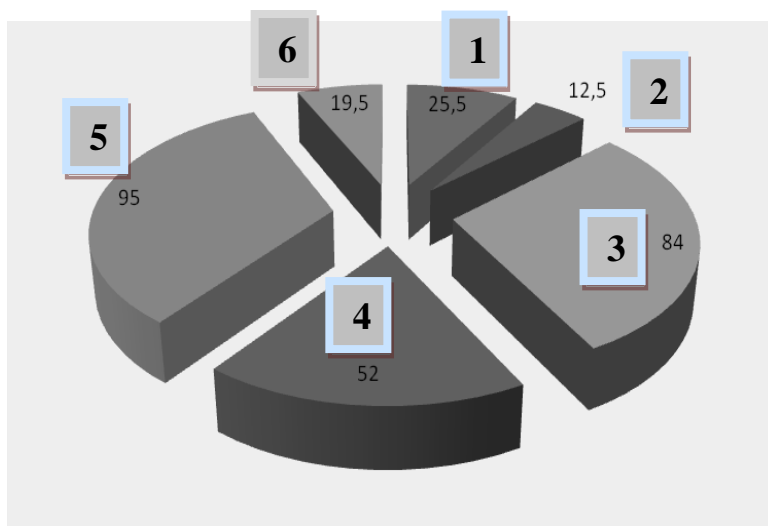

Рис. 12. Соотношение лесов различных типов по общей протяженности заложенных в них учетных маршрутов, км
 1 – хвойно-широколиственные леса; 2 – елово-мелколиственные леса; 3 – сосняки; 4 – сосновые посадки; 5 – березняки; 6 – ивняки и ольшаники

оценивали на всю площадь, охваченную пешими маршрутами (Галушин, 1971). При учете сов в весенний период использовали воспроизведение магнитофонной записи голосов (Воронецкий и др., 1990). Обилие водоплавающих оценено по количеству особей на 1 км береговой линии (Исаков, 1963).

Для получения количественных характеристик населения птиц использовали методику Р.Л. Наумова (1965). Основные методические приемы (шкала балльных оценок обилия, ширина учетной полосы для разных групп птиц) и термины заимствованы у Р.Л. Наумова (1965), А.П. Кузякина (1962; 1981), И.В. Измайлова (1981). Для пересчета результатов маршрутных учетов на площадь (1 км²) пользовались формулой:

$$X = Q / L \times D \times A, \quad (1)$$

где X – число поющих самцов (условно принимаемое за пару) на 1 км², Q – число самцов, отмеченных на маршруте, L – длина маршрута в км, D – ширина учетной полосы в км, A – показатель активности птиц, принимаемый за 0,7 для всех лесных видов (Измайлов, 1981).

К фоновым видам относили многочисленных (более 10 пар на 1 км²) и обычных (от 1 до 10 пар на 1 км²), к доминантам – составляющих в населении птиц более 10%. По характеру пребывания птиц на рассматриваемой территории были выделены следующие категории: оседлые, гнездящиеся перелетные, зимующие, пролетные, залетные (Рябицев и др., 2001). Распределение видов по орнитокомплексам производили на основании публикаций Б.К. Штегмана (1938), с учетом замечаний других авторов (Воронцов, 1949; Измайлов, Сербин, 1981; Симкин, 1990; и др.), среди которых особо выделяется мнение А.Е. Лугового о самостоятельности лесостепного орнитокомплекса (Луговой, 1994).

В работе использовали следующие интегральные характеристики (Песенко, 1982): индекс Шеннона-Уивера (H):

$$H = -\sum_{i=1}^N (n_i/N \times \log n_i/N), \quad (2)$$

где n – плотность населения (особей/км²) вида i , N – общая плотность населения птиц в исследуемом сообществе;

индекс концентрации доминирования Симпсона (C):

$$C = \sum (n_i / N)^2, \quad (3)$$

где N – общая плотность населения, n_i – то же у каждого вида отдельно;

индекс Чекановского-Сьеренсена (K):

$$K = \sum_{i=1}^N \min (a^1, a^2), \quad (4)$$

где a^1 и a^2 – численность вида i в долях от общей численности птиц в 1 и 2 сравниваемых сообществах, N – общая плотность населения птиц в исследуемых сообществах;

индекс Жаккара (J):

$$J = c/(a+v) - c, \quad (5)$$

где a и v – число видов, обнаруженных в сравниваемых сообществах, c – число общих для них видов.

За время исследований найдено более сотни гнезд 38 видов. При определении гнезд в случае необходимости пользовались определителем (Михеев, 1975) или консультациями В.П. Казакова (ПГНИУ). Описание гнезд включало стандартные промеры в см, длину и ширину яиц измеряли штангенциркулем до десятых долей мм. Собранные в ходе исследований оологические материалы хранятся в научно-вспомогательном фонде Кунгурского музея (Наумкин, Чуприянов, 2004). Учтено количество птенцов в 86 выводках водоплавающих птиц. Возраст утят определен в соответствии с рекомендациями Ю.А. Исакова (1963).

В 1994 и 1995 гг. мы исследовали питание филина на четырех участках долины нижнего течения р. Сылвы (Наумкин, 1995; 2006). Общий объем собранного материала составил 60 погадок, три гнездовых подстилки, многочисленные поеди. Из них было идентифицировано 459 объектов добычи (таблицы 4, 5). Видовую принадлежность костных останков мелких млекопитающих определяли с помощью методического пособия (Демидов и др., 1985; Маяков, Шепель, 1987),

птиц – путем сравнения перьев и костных элементов с тушками и эталонами музейной коллекции кафедры зоологии позвоночных и экологии ПГНИУ. При подсчете количества съеденных животных использованы парные элементы поясов конечностей и нижние челюсти. Пол у грызунов определяли по форме и толщине тазовых костей (Маяков, Шепель, 1987), возраст – на основании методических рекомендаций (Карноухова, 1971; Демидов, Шепель, 1985).

При составлении систематического списка орнитофауны Кунгурской лесостепи использовали литературные источники (Сабанеев, 1874; Бианки, 1911; Ушков, 1927; Куклин, 1936; 1951; Воронцов, 1949; Воронов, 1950; Симкин, 1971; Шураков, Каменский, 1986; Животный мир Прикамья, 1989; Шепель, 1992; Лапушкин, Казаков, 2000; Рябицев, 2001а; и др.). Использованы дипломные работы Н.С. Возжаева (1983) по орнитофауне Вяткинского заказника и С.В. Чуприянова (2000) по Кишертским озерам; отчет о НИР И.А. Лоскутовой (2003), обследовавшей территорию Кунгурского района с целью выявления редких видов. Как отмечалось, была просмотрена таксидермическая коллекция Кунгурского музея (достаточно крупная для музея районного уровня – 142 чучела птиц 78 видов), записи в книгах поступлений, фондовых картотеках и коллекционных описях. При этом были обнаружены многочисленные ошибки видовых определений. В то же время выявлен ряд экспонатов, представляющих несомненный интерес и научную ценность, в первую очередь это залетные и «краснокнижные» виды, которых довольно много. Итогом работы с коллекцией стал каталог, в целом аналогичный изданному ранее каталогу коллекций Пермского и Коми-Пермяцкого музеев «Птицы Прикамья» (Еремченко, 1990), и ряд публикаций (Наумкин, 2001а, б; Наумкин, 2003). Несмотря на очень частое отсутствие исходных сведений о месте и времени добычи, мы сочли возможным использовать данные музейных коллекций в нашей работе, так как достоверно

известно, что за столетнюю историю Кунгурского музея таксидермические материалы неместного происхождения поступали в фонды лишь трижды – в 1964 г. из г. Ростова-на-Дону, в 2000 г. из Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области (Наумкин, 2003), и в 2005-2012 гг. – из г. Екатеринбурга. Все это позволило составить максимально полный систематический список орнитофауны.

В пункте «Статус» в видовых очерках указан статус пребывания вида только в районе наших исследований, то есть Кунгурской лесостепи; в пункте «Распространение» приводится информация о распространении того или иного вида в зональной лесостепи Уральского региона, с которой мы и сравниваем Кунгурскую лесостепь, а не по всему ареалу. Последовательность видовых очерков в этой главе, русские и латинские названия даны по сводке «Список птиц Российской Федерации» (Коблик и др., 2006), в качестве основы которой авторами использована сводка Л.С. Степаняна «Конспект орнитологической фауны России и сопредельных территорий (в границах СССР как исторической области)» (2003). В отличие от последней, система русских орнитонимов, принятая в «Списке...» (Коблик и др., 2006), во многом соответствует опубликованной в «Каталоге птиц СССР» (Иванов, 1976).

В тексте используются следующие сокращения и обозначения:

Б.	Большой (геогр. назв.);	м	метр;
В.	Верхняя (геогр. назв.);	мг/л	миллиграмм на
в.	век;		литр;
вв.	века;	мм	миллиметр;
в.д.	восточной долготы;	НВ	научно-
в окр.	в окрестностях;		вспомогательный
г.	год;		фонд (муз.);
гг.	годы;	ООПТ	особо охраняемая
г.	город;		природная терри-

га	гектар;		тория;
ГИ УрО	Горный институт	обл.	область;
РАН	Уральского отделения	оз.	озеро;
	Российской академии	Оп.	опись (архивн.);
	наук;	ПГНИУ	Пермский госу- дарственный
губ.	губерния;		национальный ис- следовательский
Д.	дело (архивн.);		университет;
д.	деревня;		
д.б.н.	доктор биологических	ПГПУ	Пермский госу- дарственный пе- дагогический уни- верситет;
	наук;		
зав. лаб.	заведующий лаборато- рией;		
ИК	инвентарная книга	пос.	поселок;
	(муз.);	р.	река;
и др.	и другие;	рис.	рисунок;
им.	имени;	с.	село;
инв. №	инвентарный номер;	см	сантиметр;
КГА	Кунгурский городской	ст.	станция ж/д;
	архив;	с.ш.	северной широты;
к.б.н.	кандидат биологиче- ских наук;	СЭС	санитарно- эпидемиологи- ческая станция;
к.г.н.	кандидат географиче- ских наук;		
км	километр;	тыс.	тысяча;
км²	квадратный километр;	устн.	устное сообще- ние;
Л.	лист (архивн.);	сообщ.	
ЛЭП	линия электропередач;	Ф.	фонд (архивн.);
н. э.	нашей эры;	цит. по:	цитируется по:

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ОРНИТОФАУНЫ

Конец XVIII в. – период активных исследований природы Российской империи силами комплексных экспедиций, организованных Академией наук. Именно это время можно считать началом изучения птиц Кунгурской лесостепи. В 1925 г. в краеведческом сборнике «Кунгурско-Красноуфимский край» был опубликован интересный документ, датированный 1781 г., под вычурным названием «Ведомость Кунгурского городского магистрата, колико на вопросные пункты к доставлению в учрежденную при Императорской Академии наук комиссию известиев по выправке оказалось, о том на те пункты ниже сего объяснено». Далее шел составленный академической комиссией перечень из 35 пунктов, содержащий вопросы, касающиеся географического положения, экономики, сельского хозяйства, природных ресурсов, животного и растительного мира. Очевидно, подобные анкеты были разосланы академией в каждую губернию и уезд Российской империи. К сожалению, неизвестно, кто из чиновников Кунгурского городского магистрата занимался подготовкой ответов на вопросы анкеты; вряд ли это мог быть профессиональный ученый. Тем не менее, в пункте, посвященном описанию животного мира Кунгурского уезда, представлен список позвоночных (птиц и млекопитающих), которых автор счел обычными и многочисленными на его территории. Среди них мы находим гагару (скорее всего, чернозобую), причем она упоминается наряду с другими водоплавающими птицами, что исключает вероятность ошибочного употребления этого названия. Упоминаются также лебедь, цапля (серая?) и серый журавль; из представителей куриных перечислены глухарь, тетерев, рябчик и перепел. Из дневных хищников – коршун, бывший, по-видимому, и в то время наиболее обычной хищной птицей окрестностей Кунгура. Вероятно, этот небольшой список, включающий и ошибочные, и архаичные ви-

довые названия, является первым опытом орнитофаунистической характеристики Кунгурской лесостепи (Горбунов, 1925).

В первой половине XIX в. наиболее значительной работой, в которой присутствует характеристика природных условий и биоты Пермского Прикамья, было «Хозяйственное описание Пермской губернии» Н.С. Попова (1813). В этой работе не выделялись отдельно интересующие нас районы Кунгурской лесостепи, но общие сведения по орнитологической фаунистике губернии присутствуют. Надо сказать, что «Хозяйственное описание...» надолго стало своеобразным образцом, согласно которому в течение XIX столетия в г. Перми неоднократно публиковались описания отдельных уездов, в том числе Кунгурского, Осинского и Красноуфимского, в которых сведения по орнитофауне приводились в виде списка видов, обычно без оценок численности, географических и топических привязок.

Новый, подлинно научный этап в исследованиях орнитофауны Кунгурской лесостепи начался во второй половине XIX в. В период 1868-1872 гг. по поручению Московского Общества Испытателей природы и Казанского общества Естествоиспытателей фауну позвоночных Урала изучал Л.П. Сабанеев (1872; 1874). В его работах имеются сведения о птицах, относящиеся к современным районам Кунгурской лесостепи. Так, он упоминает о многочисленности глухаря и серой куропатки на территории Кунгурского уезда, о встречах дубоноса в южных уездах губернии; по его данным, в Предуралье до 57° с. ш. (широта г. Кунгура) встречалась сплюшка. В.Л. Бианки, опиравшийся при составлении «Предварительного списка птиц Пермской губернии» (1911) на материалы Л.П. Сабанеева и М.А. Мензбира, отмечает в качестве гнездящихся здесь видов многих птиц южного происхождения (степного луны, черную и малую крачек, зимородка, болотную камышевку, ремеза). Однако при этом он не приводит конкретные места находок, ограничиваясь простым перечислением без ком-

ментариев; скорее всего, большая часть из них относилась к северной лесостепи Зауралья (северные районы современной Челябинской и Курганской областей).

Исследования С.Л. Ушкова – основателя отдела природы в Пермском краевом музее – охватывали территорию бывшего Пермского округа Уральской области, располагавшуюся значительно севернее районов Кунгурской лесостепи. Однако нижнее течение р. Сылвы в административном отношении входило тогда в состав Пермского округа; на основании сделанных здесь находок в «Список птиц Пермского округа Уральской области» (1927) С.Л. Ушковым была включена, например, малая чайка. По его данным, на р. Шакве в первой четверти XX в. были обычны оляпка и пестрый дрозд. Интересны неоднократные случаи залетов на территорию Пермского Прикамья черных грифов, отмеченные этим автором (Ушков, 1924; 1927).

Долина р. Сылвы в пределах Суксунского, Кишертского и Кунгурского районов была исследована Е.М. Воронцовым (1938-1942 гг.). В его монографии «Птицы Камского Приуралья» (1949) перечислен ряд орнитологических находок на данной территории. В частности, автор свидетельствует о гнездовании сапсана и турухтана, о встречах малой выпи и дербника, о регистрации на пролете рогатого жаворонка и пуночки, о многочисленности пролетной связи. К сожалению, конкретные места регистрации птиц в большинстве случаев в работе не указаны.

В 1943 г. в среднем течении р. Сылвы был организован заповедник «Предуралье». Практически с момента организации он становится научно-исследовательской базой Пермского (Молотовского) университета. В 1950 г. появились первые опубликованные сведения о птицах «Предуралья» (Воронов, 1950), среди которых упоминаются серый сорокопут и болотная камышевка. Интенсивные зоологические исследования в «Предуралье» и его окрестностях продолжались всю

вторую половину XX столетия (несмотря на утрату заповедником своего статуса уже в 1951 г.), что делает эту территорию наиболее изученным в зоологическом отношении районом Пермского Прикамья. Исследовательской работой и учебными маршрутами преподавателей кафедры зоологии позвоночных и экологии охвачены интересующие нас территории в Кишертском районе. Представленные в методических разработках и публикациях списки птиц заказника и его окрестностей (Шепель, 1981а, б; 1992; Шепель и др., 1981; Шепель, Зиновьев, 1999; Лапушкин, Казаков, 2000; и др.) позволяют судить о встречах в Кишертском районе таких видов, как лебедь-шипун, осоед, сапсан, болотный лунь, камышница, кулик-сорока, поручейник, дупель, большой кроншнеп, большой веретенник, белокрылая крачка, угод, филин, дроздовидная и индийская камышевки, просянка, белая лазоревка, клест-сосновик. В течение длительного времени в заказнике проводятся работы по кольцеванию и привлечению птиц в искусственные гнездовья (Волегова, Шепель, 1980; Шепель, Львовский, 1984; Шепель, Зверева, 2000).

С 1956 г. по 1962 г. в Пермской области работали московские специалисты, изучавшие очаги клещевого энцефалита в рамках научно-практической работы по программе Пермской областной СЭС (Шилова и др., 1963; Симкин, 1974). Поскольку работы носили общий биоценологический характер, помимо непосредственных учетов клещей *Ixodes persulcatus* изучали также численность и биотопическое распределение их прокормителей – млекопитающих и птиц. В пределах Кунгурской лесостепи учетами птиц были охвачены лесные биотопы Кунгурского, Кишертского, Суксунского, Ординского и Уинского районов, бассейны нижней и средней Сылвы, Ирени, низовья рек Шаква и Бабка. Однако большая часть учетов проведена по границам лесостепи с другими геоботаническими районами (Симкин, 1974). В целом в монографии Г.Н. Симкина из общего объема представленных

данных довольно трудно выделить материалы, относящиеся непосредственно к Кунгурской лесостепи.

Рассматривая историю исследований птиц Кунгурской лесостепи, нельзя обойти вниманием историю формирования таксидермической коллекции Кунгурского краеведческого музея (Наумкин, 2003). В 1960-1980-е гг. она пополнялась главным образом за счет поступлений местных материалов от охотоведов-таксидермистов К.Н. и Э.К. Васкиных. Судя по коллекционным описям, среди них были чучела камышниц (вида, который отсутствовал в фаунистических списках Прикамья, опубликованных в то время), серой цапли, большой выпи, серой утки, полярной совы, бородатой неясыти, филинов, кукушек, серого сорокопуга. К сожалению, из-за длительного отсутствия в музее фондохранилища большая часть этих поступлений до наших дней не сохранилась.

Дальнейшие орнитофаунистические исследования территории Кунгурской лесостепи связаны с деятельностью зоологических кафедр Пермского университета и Пермского педагогического института (сейчас – педагогический университет). В 1983 г. экспедицией под руководством А.И. Шепеля (ПГНИУ) обследована территория близ устья р. Мечки – маленького правобережного притока р. Сылвы (Кунгурский район). Отмечено 10 видов дневных хищников и сов (черный коршун, обыкновенный канюк, полевой лунь, луговой лунь, обыкновенная пустельга, ушастая и болотная совы, серая неясыть, филин, мохноногий сыч), оценена плотность населения. В 1987 г. аналогичные исследования были проведены на значительно большей площади: в нижнем течении р. Сылвы (с. Зуята – Вяткинский заказник), на пробных площадях в Ординском, Уинском и Суксунском районах. Помимо вышеупомянутых видов, были отмечены длиннохвостая и бородатая неясыти. Материалы исследований этих лет вошли в монографию А.И. Шепеля (1992). В 1989-1990 гг. вновь обследовано ниж-

нее течение р. Сылвы; позднее здесь были организованы орнитологические микрозаказники «Обуховский» и «Зуятский».

В 1982 г. на территории Вяткинского заказника в верховьях Сылвенского залива работала экспедиция кафедры зоологии ПГПУ под руководством А.М. Болотникова. За период исследований выявлено 89 видов птиц, что существенно больше, чем на побережье средней части Камского водохранилища (53 вида), отмечена высокая плотность населения гусеобразных и пребывание редких видов: черношейной поганки, белокрылой крачки, серого журавля и скопы. Было подчеркнуто значение, которое имеют верховья заливов водохранилища как территории (акватории), важнейшие для сохранения биоразнообразия гидрофильной орнитофауны и численности околоводных и водоплавающих птиц. По результатам исследований представлены публикации (Болотников и др., 1984; Еремченко, Возжаев, 1984; Еремченко и др., 1988). Детальные сведения о видовом составе птиц, отмеченных в 1982 г. на территории Вяткинского заказника, содержатся в дипломной работе Н.С. Возжаева (1983), любезно предоставленной автором.

Активные орнитофаунистические и специализированные исследования проводятся сотрудниками кафедры зоологии ПГПУ на полевых стационарах в окр. д. Гусельниково (Кишертский район) и с. Воскресенск (Уинский район). Так, по данным М.Ф. Пантелеева и П.А. Полушкиной (1989), в поймах рек Сылва и Лек на территории Кишертского района в мае-июне 1983-1985 гг. отмечено 20 гнездящихся видов птиц. Общая плотность населения оценена в 245 особей на 1 км². А.И. Шураков и Ю.Н. Каменский (1982) сообщали о попытке гнездования скопы в районе д. Гусельниково, С.А. Шураков (2004) – о круглогодичном пребывании в этом районе урагусов. А.И. Шураков с соавторами (1981) в начале 1980-х гг. изучали крупную колонию озерных чаек на оз. Чаечном на окраине с. Воскресенск. Попутно

здесь ими была выявлена камышница. В этот же период по анкетным данным изучалось распространение и численность грача в Пермском Прикамье (Шураков, Бушуев, 1978; Дьяконов и др., 1983; Шураков, 1984), в том числе в населенных пунктах, расположенных в Кунгурской лесостепи. В 2000-2002 гг. в с. Уинском, селах Чайка и Нижний Сып Уинского района А.И. Шураков и Р.Т. Ахметова (2004) проводили обследования искусственных гнездовых и степень их заселенности птицами. Исследованиям биологии синантропных видов (полевого и домового воробьев) в населенных пунктах Октябрьского района – самого южного района Кунгурской лесостепи – посвящены публикации Лидии и Людмилы Кирсберг (1999; 2001; 2004).

Фенологию и особенности гнездовой жизни птиц различных систематических групп в Кунгурском и Чернушинском районах Пермской области изучал А.А. Фуфаев. Материалы исследований обобщены в ряде публикаций (Болотников, Фуфаев, 1974; Фуфаев, 1980; 1984; 1986; 1997; Фуфаев и др., 1989; Фуфаев, Фуфаева, 1999; 2001; 2004). Орнитофауна г. Кунгура – тема исследований аспирантки ПГПУ А.А. Фуфаевой (2004; 2006).

В начале 1990-х гг. в Пермской области развернулись работы по созданию первого в Прикамье национального парка (Акимов и др., 1999). Для его организации были выбраны уникальные южнотаежные и лесостепные участки в Кунгурском и Кишертском районах. В связи с этим в 1994-1996 гг. мы работали на данных территориях. Материалы исследований опубликованы (Демидова, Наумкин, 1996; Демидова, 1997; Петрова и др., 1998; Акимов, 2002; Наумкин, Демидова, 2002; Наумкин, 1995; 2002; 2004б; 2005; 2006).

Завершая краткий исторический обзор исследований орнитофауны Кунгурской лесостепи, необходимо остановиться на интересных орнитологических находках, сделанных здесь А.И. Шепелем, В.А. Лапушкиным, С.В. Фишером и В.П. Казаковым. Так, на территории Ки-

шертского и Кунгурского районов ими было установлено гнездование степного луня (Лапушкин и др., 1995а; Шепель и др., 1998). В Уинском районе отмечено неоднократное гнездование сплюшки (Лапушкин и др., 1995б; 2003), в Ординском – выявлена гнездовая колония золотистой щурки (Лапушкин и др., 2003). На р. Сылве у с. Агафонково (восточная окраина Кунгурской лесостепи) отмечена малая крачка, в Вяткинском заказнике (Кунгурский район) установлено гнездование ремеза, в Октябрьском районе – встречи среднего кроншнепа, причем, по-видимому, южного подвида (Казаков и др., 2003). Эти находки свидетельствуют как об интенсивности орнитофаунистических исследований, проводившихся в последнее время, так и о несомненном продвижении ряда южных видов в северном направлении.

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПТИЦ

Систематический список

Отряд Гагарообразные – Gaviiformes

1. Краснозобая гагара *Gavia stellata* (Pontoppidan, 1763)

Статус. Залетный вид (?). Занесен в Красную книгу Пермского края (III категория редкости).

Рис. 13. Краснозобая гагара на р. Сылве (Кунгурский район, д. Дейково)

Фото О.С. Старовой

Распространение.

Южная граница гнездового ареала не выходит за пределы средней тайги (Рябицев, 2001а), основное направление пролетных путей – вдоль арктического побережья на запад, в связи с чем на внутренних водоемах зональной лесостепи Зауралья известны

единичные встречи случайных птиц.

В Прикамье в начале XX в. считалась гнездящейся по всей территории (Бианки, 1911; Ушков, 1927). Позднее Е.М. Воронцов (1949) полагал, что она встречается лишь в северных районах и только во время миграций, однако в 2003 г. гнездование в пределах Пермского края подтвердилось (Казаков, Шепель, 2003). Миграционные пути на территории края проходят по долине р. Камы и Камским водохранилищам, где отмечен массовый пролет (Карякин, 1998). По Кунгурской лесостепи опубликованной информации нет. 31 июля 2010 г. единичную птицу наблюдали на р. Сылве в районе д. Дейково (Кунгурский район) к.б.н. Н.Н. Паньков и О.С. Старова (Наумкин, Старова, 2011). Имеется фото (рисунок 13).

2. Чернозобая гагара *Gavia arctica* (Linnaeus, 1758)

Статус. Редкий пролетный вид, занесенный в Красную книгу России (II категория редкости).

Распространение. В зауральской лесостепи в прошлом чернозобая гагара была обычным гнездящимся видом (Волчанецкий, 1927; Данилов, 1959). В настоящее время относительно обычна на гнездовании в зональной лесостепи Курганской области (Рябицев и др., 2002; Тарасов и др., 2003; 2004б). В Челябинской области и Башкирии редка, прямых свидетельств гнездования в большинстве случаев не получено (Валуев В., Валуев К., 2003; Торгашов, 2003; Кузьмич и др., 2005). В Кунгурской лесостепи в первой половине XX в. встречалась на пролете. Д.Н. Кузнецов (1925) отмечает весенний пролет гагар под г. Кунгуром со второй половины апреля. По данным С.Л. Ушкова (1927), птицы останавливались на пойменных озерах в нижнем течении р. Сылвы, в настоящее время затопленных Камским водохранилищем. В коллекции Кунгурского музея имеется дореволюционный экземпляр неизвестного происхождения (инв. № ИК 140). За последние полвека сведений о встречах птиц в пределах Кунгурской лесостепи не поступало.

Отряд Поганкообразные – Podicipediformes

3. Черношейная поганка *Podiceps nigricollis* C.L. Brehm, 1831

Статус. Редкий гнездящийся, перелетный вид. Занесен в Приложение Красной книги Пермского края.

Распространение. В зональной лесостепи Зауралья наиболее обычна из поганок (Тарасов и др., 2003; Коровин, 2004; Кузьмич и др., 2005). В Кунгурской лесостепи редка. Отдельные птицы и пары отмечались, начиная с 1980-х гг., в нижнем течении р. Сылвы (Еремченко, Возжаев, 1984), на Кишертских озерах гнездились (Лапушкин, Казаков, 2000). Мы лишь дважды видели этот вид: пары птиц встречены

18 июня 2004 г. на оз. Чаечном в Уинском районе (Наумкин, 2005а), и 15 июня 2006 г. на Суксунском пруду в райцентре Суксун.

4. Красношейная поганка *Podiceps auritus* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид. Занесен в Приложение Красной книги Пермского края.

Распространение. В зональной лесостепи Северного Казахстана, Челябинской области и Башкирии редка или немногочисленна (численно уступает предыдущему виду), гнездование спорадично (Гордиенко, 1981; Валуев, 2002; Валуев В., Валуев К., 2003; Кузьмич и др., 2005). В Кунгурской лесостепи отмечена во многих пунктах как в северных (Лапушкин, Казаков, 2000), так и в южных районах (Шураков и др., 1981; 1985).

Сроки прилета. В 1994 г. на Кишертских озерах первые птицы отмечены нами 2 мая, на Вяткинских – 4 мая. В 1995 г. труп взрослой птицы найден среди добычи филина (окр. с. Зуята) 12 мая.

Гнездование. В июне 1999 г. на оз. Травяном (группа Кишертских озер) С.В. Чуприяновым найдена

Рис. 14. Кладка красношейной поганки (Кишертские озера).
Фото С.В. Чуприянова

сдвоенной кладка из 7 яиц (рис. 14), плавающее гнездо было прикреплено к развилке ивового куста (Чуприянов и др., 2004). Выводки поганок мы регулярно отмечали на озерах к югу от Вяткинского заказника

(Кунгурский район) и на Кишертских озерах (с. Кишертъ). В выводках насчитывалось от одного до трех птенцов, в среднем – 1,8 ($n = 7$).

Численность. В середине 1990-х – 2001-2002 гг. этот вид был обычным на пойменных озерах в нижнем течении р. Сылвы (Демидова, Наумкин, 1996; Наумкин, Демидова, 2002), в среднем 0,8 особи на 1 км береговой линии обследованных водоемов. В последние годы численность сокращается (Шепель, 2008). Красношейная поганка рекомендована к включению в новое издание Красной книги России.

5. Серощекая поганка *Podiceps grisegena* (Boddaert, 1783)

Статус. Редкий залетный, возможно, гнездящийся перелетный вид. Занесен в Приложение Красной книги Пермского края.

Распространение. В зональной степи Зауралья обычна по мелким степным водоемам (Коровин, 1997; Тарасов и др., 2003), в лесостепной зоне Челябинской области и Башкирии редка (Гордиенко, 1995; Валуев В., Валуев К., 2003). В районе наших исследований единичные особи отмечались весной 1989 г. и летом 1999 г. на Кишертских озерах (Лапушкин и др., 1995б; Лапушкин, Казаков, 2000).

6. Чомга *Podiceps cristatus* (Linnaeus, 1758)

Рис. 15. Кладка чомги
(Кишертские озера).
Фото А.В. Рыбкина

Статус. Немногочисленный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. В зональной степи и лесостепи Зауралья была и остается обычной гнездящейся птицей (Волчанецкий, 1925; Рябицев и др., 2002; Коровин, 2004, и др.). В Пермском крае

встречается в основном южнее г. Перми, по долине р. Камы – до 59° с.ш. (Ушков, 1927; Данилов, 1969). В районах Кунгурской лесостепи пары в брачном оперении мы наблюдали на озерах Вяткинского за-

казника, на Сылвенском заливе в с. Серга, и южнее – на Ашапском и Суксунском прудах. Наблюдения птиц на реках редки – только однажды, 28 июня 1994 г., одиночная особь отмечена на р. Сылве в устье р. Бабки.

Гнездование. Гнездится на Кишертских озерах (Лапушкин, Казаков, 2000; рисунок 15). Пару с одним крупным птенцом мы видели на оз. Вяткино 19 июля 2002 г. (Наумкин, Демидова, 2002). Взрослую птицу с маленькими птенцами на спине наблюдали 1 июля 2007 г. на оз. Кислом (Кишертские озера).

Отряд Пеликанообразные – Pelecaniformes

7. Пеликан *Pelecanus* sp.

Статус. Залетный вид.

Распространение. Ближайшие места гнездования кудрявого пеликана *P. crispus* находятся в Челябинской и Курганской областях (Рябицев, 2001а). В.Л. Бианки (1911) отмечал неоднократные залеты кудрявых пеликанов (без точных привязок) в пределы бывшей Пермской губернии. В личном архиве краеведа А.К. Воронихина, директора Кунгурского музея, имеются заметки о залетах пеликанов на р. Шакву весной 1950 и 1951 гг. (КГА. Ф. 450. Оп. 1. Д. 136. Л. 3). Чучело одного из них экспонировалось в Кунгурском музее в 1950-е гг. (Николаев, 1958). До настоящего времени оно не сохранилось, и установить видовую принадлежность залетных особей невозможно.

Отряд Аистообразные – Ciconiiformes

8. Большая выпь *Botaurus stellaris* (Linnaeus, 1758)

Статус. Редкий, вероятно, нерегулярно гнездящийся, перелетный вид, включенный в Красную книгу Пермского края (III категория редкости).

Распространение. Обычная гнездящаяся птица лесостепного Зауралья (Рябицев и др., 2002; Коровин, 2004; Кузьмич и др., 2005). На юге лесной зоны встречается и гнездится спорадично (Коровин,

2004). В Кунгурской лесостепи в 1980-х гг. большую выпь отмечали в гнездовое время в характерных биотопах в нижнем течении р. Сылвы (Еремченко, Возжаев, 1984). Экземпляр коллекции Кунгурского музея (инв. № ИК 4554/4) добыт в 1980 г. там же. Мы регистрировали большую выпь (по вокализации) в Вяткинском заказнике на одном и том же участке в 1994 и 1995 гг. (Наумкин, Демидова, 2002).

9. Волчок *Ixobrychus minutus* (Linnaeus, 1766)

Статус. Редкий, возможно, периодически гнездящийся, перелетный вид. Занесен в Приложение Красной книги Пермского края.

Распространение. Гнездится в Удмуртии (Меньшиков, Пятак, 2001а; б), в южных районах Башкирии (Ильичев, Фомин, 1988; Торгашов, 2003), в Зауралье (Рябицев и др., 2002), везде малочислен или редок. По-видимому, в первой половине XX в. малая выпь активно продвигалась на север; в этот период она найдена в северной лесостепи Зауралья, в бассейне р. Теча (Надеинский, 1909), в окрестностях г. Перми (Ушков, 1924), в Еловском и Кишертском районах Пермской области (Воронцов, 1949). Со второй половины XX в. информации о малой выпи в пределах Кунгурской лесостепи нет. Чучела коллекции Кунгурского музея (одно имеет инв. № ИК 64) не этикетированы, поступили в 1949 г.

10. Серая цапля *Ardea cinerea* Linnaeus, 1758

Статус. Немногочисленный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Обычный гнездящийся вид в Удмуртии (Меньшиков, Пятак, 2001а; б), степном и лесостепном Зауралье (Рябицев и др., 2002; Коровин, 2004; Тарасов, 2004). В последние годы найдены гнездовые колонии в Красноуфимской лесостепи и более северных районах Свердловской области (Нефедов, 2002; Иванов, Погребной, 2002). В Пермском крае известны случаи гнездования на Камском водохранилище, севернее г. Перми (Шепель, Фишер, 2004).

В Кунгурской лесостепи птиц нередко можно встретить в долинах р. Сылвы и ее притоков. В бассейне р. Ирени цапли обычны в долине р. Сухой Телес, на Чаечном озере и Воскресенском болоте.

Сроки прилета. Наиболее ранняя дата – 18 апреля 2010 г. на р. Сылве у Подкаменной горы. 7 мая 2005 г. пять птиц отмечены в черте г. Кунгура у подножия Ледяной горы.

Гнездование. Гнездовых колоний в районе наших исследований не обнаружено; на Кишертских озерах известны наблюдения молодых птиц (Лапушкин, Казаков, 2000; Чуприянов и др., 2004). Гнездование отдельных пар установлено в 2004 г. в долине р. Сылвы: в заказнике «Предуралье» и в окр. ст. Пятково в Кишертском районе (устн. сообщ. П.Н. Родимова, А.В. Рыбкина).

Численность. На озерах Вяткинского заказника встречаются группы по 5-6 особей (Демидова, Наумкин, 1996; Наумкин, Демидова, 2002), в среднем 1,3 особи на 1 км обследованной береговой линии.

11. Рыжая цапля *Ardea purpurea* Linnaeus, 1766

Статус. Залетный вид.

Распространение. Средиземноморье, субтропики Африки и Азии. Ближайшие к нашему региону места гнездования – прикаспийские районы, Южный Казахстан (Рябицев, 2001а).

В список орнитофауны Кунгурской лесостепи этот вид включен на основании регистрации залетных особей, отмеченных в окр. с. Барда в середине октября 1989 г. (Лапушкин и др., 1995б) и в Кишертском районе 11 июня 1992 г. на мелких озерках возле оз. Камышового (Лапушкин, Казаков, 2000).

12. Белый аист *Ciconia alba* (Linnaeus, 1758)

Статус. Залетный вид.

Распространение. Европейский вид. Ближайшие места гнездования – юг Кировской области, Татарстан (Рябицев, 2001а).

Первые залеты белых аистов в Пермское Прикамье относятся к середине XX в. (Воронцов, 1949; Самарин, 1959; Ананьин, 1971). В 1995 г. одна птица была отмечена возле д. Усть-Мечка Кунгурского района (Демидова, 1997). В мае 2005 г. белый аист встречен нами на сыром лугу неподалеку от д. Осинцево (57°18' с.ш. и 57°38' в.д., Кишертский район). Еще одну птицу видели пролетающей над долиной р. Ирень к юго-западу от г. Кунгура (Сухая Речка) в середине июля 2005 г. (устн. сообщ. П.Н. Сивинских).

Отряд Фламингообразные – *Phoenicopteriformes*

13. Розовый фламинго *Phoenicopterus roseus* Pallas, 1811

Статус. Залетный вид. Занесен в Красную книгу России (III категория редкости).

Распространение. Африка, южная Европа и юго-западная Азия. Ближайшее к району наших исследований место гнездования – оз. Тенгиз в Центральном Казахстане (Рябицев, 2001а).

Единственный известный залет на территорию Прикамья зарегистрирован 20 октября 1990 г. – истощенная молодая птица найдена на р. Сылве у подножия Ледяной горы в г. Кунгуре (Лапушкин и др., 1995б; Шепель, 2004). Интересно, что в фондах Уинского краеведческого музея им. М.Е. Игошева хранится фотография Уинского пруда 1960-х или 1970-х гг., на которой запечатлены птицы, однозначно идентифицируемые как фламинго.

Отряд Гусеобразные – *Anseriformes*

14. Серый гусь *Anser anser* (Linnaeus, 1758)

Статус. Редкий пролетный вид.

Распространение. В Башкирском Предуралье исчез на гнездовании, однако в лесостепном Зауралье республики гнездится (Ильичев, Фомин, 1988), также как и в зональной лесостепи Челябинской (Гордиенко, 2001; Захаров, 2006) и Курганской области (Тарасов и др., 2001; 2004б; Рябицев и др., 2002). В Пермском крае был и оста-

ется немногочисленным пролетным видом (Воронцов, 1949; Ананьин, 1960). По Кунгурской лесостепи опубликованных данных нет. По опросным сведениям, регулярно встречаются пролетные особи, пары и стаи, достигающие 20-40 птиц. Чаще всего их наблюдали весной на пойменных (старичных) озерах нижнего течения р. Сылвы к северу от г. Кунгура.

15. Гуменник *Anser fabalis* (Latham, 1787)

Статус. Редкий пролетный вид. Занесен в Приложение Красной книги Пермского края.

Распространение. В лесостепных районах Башкирии и Зауралья, как и в Кунгурской лесостепи, гуменник встречается на пролете (Волчанецкий, 1927; Ильичев, Фомин, 1988; Кузьмич и др., 2005), или, предположительно, в очень небольшом количестве гнездится (Гордиенко, 2001). В Прикамье на гнездовании не найден (Воронцов, 1949), на пролете малочислен (Ананьин, 1960). Нами отмечены единичные встречи, как, например, 8 птиц 25 апреля 2002 г. в окрестностях с. Зуята, или 6 птиц на окраине г. Кунгура в том же году. По опросным данным, группы гусей до 20 особей встречаются весной в долинах рек Сылвы и Ирени, в последние годы – редко.

16. Лебедь-шипун *Cygnus olor* (J.F. Gmelin, 1789)

Статус. Гнездящийся вид. Занесен в Приложение Красной книги Пермского края.

Распространение. Гнездится во многих местах лесостепного Зауралья (Рябицев и др., 2002; Тарасов и др., 2003; 2004б; Тарасов, 2004; Кузьмич и др., 2005), в Башкирии впервые найден на гнездовании в 1982 г. (Маматов и др., 1983), однако чаще отмечают пролетных и летующих неразмножающихся птиц (Валуев, 2002; Торгашов, 2002; 2003).

В Пермском крае залетные особи встречаются вплоть до северных районов (Шепель, Фишер, 2004). Стаю из 9 лебедей наблюдали на

Кишертских озерах 3 июня 1999 г. (Лапушкин, Казаков, 2000; Чуприянов и др., 2004). Начиная с 2001 г., здесь почти ежегодно отмечается гнездование одной-двух пар. В 2009 г. гнезвился на Суксунском пруду (устн. сообщ. В.Г. Аристова). Возможно гнездование и на других водоемах Кунгурской лесостепи.

17. Лебедь-кликун *Cygnus cygnus* (Linnaeus, 1758)

Статус. Редкий пролетный вид. Занесен в Красную книгу Пермского края (I категория редкости).

Распространение. В последние годы наметилась тенденция к восстановлению гнездового ареала в северной лесостепи Курганской области (Тарасов и др., 2003), в Челябинской области редок на гнездовании и обычен на пролете (Гордиенко, 2002; Кузьмич и др., 2003). В Пермском крае находится под угрозой исчезновения (Шепель, Фишер, 2004).

В Кунгурской лесостепи – редкий пролетный вид. На Кишертских озерах не ежегодно в весеннее время бывают отдельные птицы и пары (Лапушкин, Казаков, 2000). Мы наблюдали кликунов в Вяткинском заказнике 11 мая 1994 г. (Наумкин, Демидова, 2002). В конце апреля 1995 г. егерь Вяткинского заказника Б.Д. Курсанин видел на оз. Вяткино стаю из 20 птиц (устн. сообщ.). Пять птиц отмечены 20 мая 2006 г. на маленьком озерке у трассы недалеко от райцентра Ачит Свердловской обл., одна – на пруду в с. Орда 29 апреля 2007 г., 7 – на прудах в с. Серга 18 мая 2007 г. Еще две пары лебедей отмечены нами на временном разливе талых вод у автотрассы Пермь – Кунгур при отвороте на с. Кыласово 27 апреля 2009 г.

18. Кряква *Anas platyrhynchos* Linnaeus, 1758

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Обычна или многочисленна во всем Уральском регионе (Рябицев, 2001a), в том числе в агроландшафтах (Коровин, 2004).

Сроки прилета и отлета. В районе исследований появляется во второй половине апреля (18-27 числа в разные годы), в период вскрытия рек. В подавляющем большинстве случаев (92,1%) наблюдали стайки селезней – до 10 особей. Птицы держатся не только на постоянных озерах, но и по затопленным речным поймам, мелким временным лужам среди полей, а также по карстовым воронкам, в которых скапливаются талые воды. В осеннее время кряквы встречаются на р. Сылве до середины октября; в теплые зимы часть уток остается зимовать в г. Кунгуре (Наумкин и др., 2004), а также, по-видимому, на Суксунском пруду, где в полыньях стайки уток были отмечены в феврале и марте 2007 г.

Гнездование. Гнездится в самых разнообразных местах. Помимо обычных по расположению гнезд, найденных в заболоченном кочкарнике среди тростника, хвоща и рогоза (Кишертские озера, май 2003 г., рисунок 16), находили нетипично расположенные постройки. Так, 9 мая 1994 г. насиживающая птица была испугнута с гнезда, устроенного под молодой сосной на вершине гипсового обнажения в Вяткинском заказнике, очень высоко над водой. Гнездовой материал представлен листьями и стеблями крупных степных злаков (вейник, ковыль) и сосновыми ветками. Аналогичное по месторасположению гнездо нашли в июне 1995 г. в сосново-березовом лесу по коренному склону долины р. Сылвы, приблизительно в 50-60 м над урезом воды. Очевидно, подобное расположение гнезд является реакцией уток на нестабильность уровня воды в низовьях р. Сылвы и Сылвенском заливе, который начинает повышаться как раз в репродуктивный период (Наумкин, 2005а, б). Для гнездования используются не только естественные угодья, но и селитебные территории – кряквы гнездятся на многих озерах в городской черте г. Кунгура (Кротовское, Карасье, Агеевское), в селах Усть-Кишерт, Уинское, Воскресенск. В мае 2002 г. гнездо найдено в г. Кунгуре, в огороде на заросшей сорняками

грядке, примерно в 30-40 м от заболоченной старицы р. Ирень, на которой ежегодно отмечаются выводки. Утка плотно насиживала кладку, подпуская к себе вплотную. Найденные гнезда содержали 11, 9, 8, 8 и 6 яиц. Размеры яиц: 57,5-63 мм х 41,4-49,3 мм, в среднем 59,5 х 44,4 мм (n = 8).

Рис. 16. Кладка кряквы
(Кишертские озера).
Фото С.В. Чуприянова

Рис. 17. Пуховый птенец кряквы
(Кишертские озера).
Фото С.В. Чуприянова

В начале июля в выводках преобладали пуховые птенцы (рисунок 17), в конце первой декады июля мы отмечали в основном полуперенных и полностью оперенных птенцов, 2 и 3 возрастные классы по Ю.А. Исакову (1963). К 20-м числам июля птенцы во всех встреченных выводках были оперены и способны к полету. На оз. Кротовском (г. Кунгур) отмечены выводки по 3-4 птенца, в Вяткинском заказнике отмечали выводки из 5, 7, 10 и 12 птенцов; среднее число птенцов в выводке (n = 8) составило здесь 7,7 (Наумкин, Демидова, 2002), на Кишертских озерах (Чуприянов и др., 2004), – 8,2 (n = 22). В июне 2005 г. выводок кряквы встречен прямо в центре г. Кунгура – самка вела потомство через улицу Советскую в сторону р. Сылвы (устн. сообщ. Л.А. Долгих).

Численность. Во время пролета кряква уступает по численности другим видам, крупных скоплений не образует. От общего количества учтенных в разные годы мигрирующих гусеобразных составляла от 6

до 11%, в среднем 3,5 особи на 1 км обследованной береговой линии. В летнее время – самая многочисленная из уток, среди гнездящихся видов на ее долю приходится от 40 до 77,4%.

19. Чирок-свистунок *Anas crecca* Linnaeus, 1758

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. В лесостепи Зауралья малочислен (Коровин, 2004; Захаров, 2006), на юге лесной зоны относительно обычен (Рябичев, 2001а).

Сроки прилета. Мы отмечали свистунков с начала мая, чаще стайками (по 5-16, до 35 особей), иногда отдельными парами. Соотношение полов во время пролета в различные годы наблюдений отличалось: так, в мае 1994 г. на озерах Вяткинского заказника селезни составили 53,6% отмеченных уток, а за весь период наблюдений – 93,7%. Значительно чаще других видов свистунки останавливались для отдыха на мелких карстовых озерах, нередко сплошь окруженных открытыми сельхозугодьями.

Гнездование. Наблюдения гнезд и выводков редки: в мае 1995 г. мы нашли гнездо свистунка на лесном озере к западу от оз. Забошное в Вяткинском заказнике (Наумкин, Демидова, 2002). Кладка содержала 6 яиц (размеры: 45,7-50,2 мм x 32,2-35 мм, в среднем 48,2 x 34 мм). 12 июля 1992 г. на оз. Камышовом (Кишертский район) наблюдали самку с выводком (Лапушкин, Казаков, 2000). Отмечены случаи гнездования в черте г. Кунгура (Фуфаева, 2004).

Численность. Оценки численности противоречивы: Л.П. Сабанеев (1874) и С.А. Куклин (1936) считали, что свистунок численно уступает трескунку, Е.М. Воронцов (1949) с этим не согласен. По нашим данным, в районах Кунгурской лесостепи в настоящее время свистунок немногочислен как на пролете (5-9% всех учтенных уток в разные годы, около 3 особей на 1 км обследованной береговой черты), так и на гнездовании, и явно уступает по численности трескунку.

20. Серая утка *Anas strepera* Linnaeus, 1758

Статус. Редкий пролетный вид.

Распространение. Была и остается обычной гнездящейся уткой лесостепного Зауралья (Волчанецкий, 1927; Рябицев и др., 2002; Тарасов и др., 2003; 2004б), тогда как в Башкирии это редкий пролетный и гнездящийся вид (Ильичев, Фомин, 1988; Торгашов, 2002; 2003).

На территории Пермского края всеми исследователями признается редкой, как на пролете, так и на гнездовании (Воронцов, 1949; Болотников, Еремченко, 1989), северная граница ареала в пределах края нуждается в уточнении (Рябицев, 2001а). В Кунгурской лесостепи отмечена во время весенней миграции только на озерах Вяткинского заказника: 10 мая 1994 г. и 17 мая 1995 г. здесь встречено по одной паре, и 14 мая 2003 г. – две пары (Наумкин, Демидова, 2002; Наумкин, 2005а, б). М.И. Еремченко считает ее гнездящимся видом Сылвенского залива (Еремченко и др., 1988).

21. Свиязь *Anas penelope* Linnaeus, 1758

Статус. Обычный пролетный вид.

Распространение. В лесостепном Зауралье обычна на пролете (Рябицев и др., 2002; Кузьмич и др., 2005), гнездование известно только для долины р. Тобол (Блинова, Блинов, 1997) и единично – в Челябинской области (Гордиенко, 2001; Захаров, 2006). В Башкирии – редкий пролетный вид (Ильичев, Фомин, 1988; Торгашов, 2003). В Пермском крае – многочисленна во время пролета (Воронцов, 1949; Болотников, Еремченко, 1989), однако сведения о гнездовании недостаточно определены.

Численность. В Кунгурской лесостепи крупные (до сотни особей) стаи уток мы наблюдали на открытых пойменных озерах в долинах рек Сылвы и Ирени в мае 1994-1995 и 2002-2005 гг. Особенно крупные скопления отмечены 2 мая 2002 г. на временных водоемах в пойме р. Ирени у с. Ленск (Кунгурский район). От общего количества

пролетных гусеобразных на этот вид приходится от 14,6% (середина 1990-х гг.) до 34,4% в последние годы, в среднем чуть больше 6 особей на 1 км обследованной береговой линии. Самцы существенно преобладали, составляя 72-81% всех отмеченных уток. Сформировавшиеся пары наблюдали позднее, в первой декаде июня. В целом распределение связи по обследованным акваториям отличается тем, что она явно предпочитает постоянным озерам (особенно с тростниковыми бордюрами) обширные открытые временные мелководья (что, вероятно, связано с ее трофической специализацией). Последние образуются лишь во время высоких паводков, и именно в такие годы мы отмечали крупные скопления связей (Наумкин, 2007).

22. Шилохвость *Anas acuta* Linnaeus, 1758

Статус. Редкий гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. В лесостепном Предуралье Башкирии не гнездится (Ильичев, Фомин, 1988), в Зауралье (Челябинская и Курганская обл.) редка на гнездовании и обычна на весеннем пролете (Рябичев и др., 2002; Тарасов и др., 2003; Кузьмич и др., 2005; Захаров, 2006). Становится все более обычной к востоку (Блинова, Блинов, 1997).

В Кунгурской лесостепи – редкий гнездящийся и пролетный вид. В мае 1994 г. на озерах Вяткинского заказника мы отметили 4 пары птиц (Наумкин, Демидова, 2002), 28 апреля 2002 г. на Кишертских озерах – 2 пары. По сообщению Н.С. Возжаева, 1 июня 1982 г. в Вяткинском заказнике им было найдено гнездо шилохвosti, М.И. Еремченко так же относит этот вид к гнездящимся в заказнике (Еремченко и др., 1988). Известно гнездование и на оз. Чаечном в Уинском районе (Шураков и др., 1981; 1985).

23. Чирок-трескунок *Anas querquedula* Linnaeus, 1758

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Обычный или многочисленный гнездящийся вид в лесостепном Зауралье (Рябицев и др., 2002; Коровин, 2004; Захаров, 2006), а также в Пермском крае (Болотников, Еремченко, 1989; Шепель, Фишер, 2004).

Сроки прилета. В районах Кунгурской лесостепи мы наблюдали пролет в конце апреля – первой половине мая. Селезни составляли до 92% общей численности пролетных уток. Держатся они не только на постоянных озерах, но и на реках.

Гнездование. Обычен на гнездовании на Кишертских озерах (Лапушкин, Казаков, 2000), оз. Чаечном (Шураков и др., 1981; 1985), и на Осиновом озере (наши наблюдения). Нами учтено в общей сложности 12 выводков, насчитывающих 4-7 птенцов, в среднем – 5,4.

Численность. В весеннее время трескунок – один из самых многочисленных видов речных уток, формирующий скопления до полусотни птиц. На его долю приходится 15-20% (до 21,6%) всех отмеченных гусеобразных, в среднем 8 особей на 1 км береговой линии обследованных водоемов. В репродуктивный период уступает по численности крякве.

24. Широконоска *Anas clupeata* Linnaeus, 1758

Статус. Немногочисленный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Была и остается обычной гнездящейся уткой лесостепного Зауралья (Волчанецкий, 1927; Рябицев и др., 2002; Захаров, 2006), редка в Башкирии (Ильичев, Фомин, 1988; Торгашов, 2003), в Пермском крае немногочисленна (Воронцов, 1949; Болотников, Еремченко, 1989).

В районах Кунгурской лесостепи обычна, но немногочисленна на пролете и гнездовании. Ежегодно встречалась нам отдельными парами, в осеннее время – группами до 5-6 особей. Гнездится на Кишертских озерах (Лапушкин, Казаков, 2000; Чуприянов и др., 2004),

Чаечном озере (Шураков и др., 1981), на прудах по р. Сергинке и в Вяткинском заказнике (Еремченко и др., 1988; наши данные).

25. Красноголовый нырок *Aythya ferina* (Linnaeus, 1758)

Статус. Немногочисленный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. В лесостепных районах Зауралья – обычный гнездящийся, многочисленный вид (Гордиенко, 2001; Рябицев и др., 2002; Тарасов и др., 2003; Захаров, 2006). В прошлом, очевидно, был не столь обычен – ни И.Б. Волчанецкий (1927), ни С.А. Куклин (1936) не писали о нем, как о многочисленном. Что касается Пермского края, то В.Л. Бианки (1911) без всяких комментариев относил этот вид к гнездящимся в Пермской губернии; между тем С.Л. Ушков (1927), Е.М. Воронцов (1949) и С.А. Куклин (1951) считали его всего лишь редким пролетным видом.

В настоящее время на территории Кунгурской лесостепи красноголовый нырок обычен или многочислен на весеннем и осеннем пролете. Весной мы отмечали птиц в последней декаде апреля, в это время в миграционных потоках существенно преобладали селезни, составляя до 76,9% учтенных птиц. Позднее соотношение полов становится близким 1:1.

Гнездование. В качестве гнездящегося вид впервые указан в 1978 г. для Кишертских озер (Шепель и др., 1981; Болотников, Еремченко, 1989). В выводках насчитывалось от 4 до 9 птенцов. Средний размер выводка, по нашим данным, – 6,5 (при $n = 14$).

Численность. От общего количества учтенных весной гусеобразных составляет до 21,8% (в среднем 14,4%), примерно 5,2 особи на 1 км обследованной береговой линии. В период гнездования уступает в численности хохлатой чернети и речным уткам.

26. Хохлатая чернеть *Aythya fuligula* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. В лесостепи Зауралья – обычный, местами многочисленный гнездящийся вид (Волчанецкий, 1927; Рябицев и др., 2002; Коровин, 2004), в Башкирии обычна на пролете и редка на гнездовании (Ильичев, Фомин, 1988; Торгашов, 2003). В Пермском крае в настоящее время – многочисленная пролетная и обычная гнездящаяся птица (Болотников, Еремченко, 1989; Шепель, Фишер, 2004).

Сроки прилета и отлета. Прилетает в конце апреля. В это время является одним из наиболее массовых видов. Чаще всего наблюдали стаи по 8-10 особей, иногда и более крупные – до 50 птиц (10 мая 1994 г., Вяткинские озера). В начале миграции преобладают самцы (до 77%), позднее соотношение полов выравнивается. Осенью утки держатся почти до ледостава, образуя массовые скопления; так, на Суксунском пруду 20 октября 2005 г. было отмечено не менее 300 птиц.

Гнездование. Гнездится в Вяткинском заказнике (Еремченко и др., 1988), на Кишертских озерах (Лапушкин, Казаков, 2000), на оз. Чаечном (Шураков и др., 1981; 1985). По нашим наблюдениям на Кишертских озерах, в первой декаде июля 1994 г. 2/3 отмеченных здесь выводков состояли из полуоперенных птенцов, 2 возрастной класс по Ю.А. Исакову (1963). В выводках насчитывалось от 3 до 11 птенцов, средний размер составил 6,7 ($n = 20$).

Численность. На пролете сопоставим по численности с предыдущим видом (12,8-27,5% от общей численности гусеобразных в разные годы), в среднем около 7 особей на 1 км береговой линии. Относится к наиболее обычным гнездящимся видам нырковых уток.

27. Морская чернеть *Aythya marila* (Linnaeus, 1761)

Статус. Редкий пролетный вид.

Распространение. Довольно обычна на пролете в степных и лесостепных районах Урала (Рябицев, 2001а; Гордиенко, 2002; Захаров, 2006). В Пермском крае – малочисленный пролетный вид (Воронцов, 1949; Ананьин, 1960).

В Кунгурской лесостепи редка. Отмечалась на Кишертских озерах 22 мая 1991 г. – сообщение А.И. Петровских (цит. по: Лапушкин, Казаков, 2000).

28. Гоголь *Vincerphala clangula* (Linnaeus, 1758)

Статус. Редкий пролетный, возможно, гнездящийся перелетный вид.

Распространение. В лесостепных районах Башкирии и Зауралья обычен на пролете и малочислен на гнездовании (Ильичев, Фомин, 1988; Рябицев и др., 2002; Тарасов и др., 2003). В Пермском крае обычен севернее г. Перми (Воронцов, 1949).

Гнездование. На лесных озерах в пойме р. Сылвы и Сылвенского залива в 1980-е гг. гоголи держались весь гнездовой период (Болотников, Еремченко, 1989). В те же годы гнездились в дуплянках на территории Вяткинского заказника (Еремченко и др., 1988). Отмечено, что при устройстве искусственных гнездовий локальное обилие гоголя существенно возрастает (Захаров, 2006). Скорее всего, его исчезновение с прежних мест гнездования в Вяткинском заказнике в период наших работ связано именно с отсутствием дуплянок (Наумкин, 2007).

Численность. За время исследований в весеннее время встречены единичные птицы и пары, в основном на открытых пойменных озерах в нижнем течении р. Сылвы, временных разливах у с. Ленск Кунгурского района (Наумкин, Демидова, 2002; Наумкин, 2005а), на р. Ирени в окр. бывшей д. Кокуй. Столь же редки гоголи на Кишертских озерах (Лапушкин, Казаков, 2000). Сколько-нибудь заметных скоплений никому из орнитологов в Кунгурской лесостепи наблюдать не приходилось. От общего количества учтенных гусеобразных гоголь составил менее 1%, около 0,2 особи на 1 км обследованной береговой черты.

29. Луток *Mergellus albellus* Linnaeus, 1758

Статус. Редкий пролетный, возможно, гнездящийся перелетный вид. Занесен в Приложение Красной книги Пермского края.

Распространение. В зональной лесостепи Башкирии и Зауралья – немногочисленный пролетный и редкий гнездящийся вид (Ильичев, Фомин, 1988; Рябицев и др., 2002; Торгашов, 2003; Коровин, 2004; Кузьмич и др., 2005). В Пермском крае редок на гнездовании, в горных районах – самый малочисленный из крохалей.

В Кунгурской лесостепи луток редко встречается на пролете отдельными парами, иногда в стаях с нырковыми утками. Нами отмечено четыре пары птиц: на лесном оз. Бражном в Вяткинском заказнике 4 и 7 мая 1994 г. (2 пары), пойменных озерах у д. Калашниково 4 мая 1994 г. (1 пара), и у с. Ленск 2 мая 2002 г. (Наумкин, Демидова, 2002; Наумкин, 2005а). В прошлом отмечали выводки в Уинском районе (Болотников, Еремченко, 1989).

Отряд Соколообразные – Falconiformes

30. Скопа *Pandion haliaetus* (Linnaeus, 1758)

Статус. Редкий перелетный, возможно, гнездящийся вид, занесенный в Красную книгу России (III категория).

Распространение. В прошлом скопа была обычна на крупных лесостепных озерах Зауралья (Волчанецкий, 1927), где в настоящее время изредка бывает лишь на пролете (Захаров, 2006). Отдельные пары птиц гнездятся в бассейне р. Белой (Валуев, 2002; Торгашов, 2003). В южном Прикамье (бывшая Вятская губ., современные территории Удмуртии и Татарстана) уже в начале XX в. считалась весьма редкой (Круликовский, 1913), в то время как в среднем Прикамье (Пермская губ.) оставалась обычной (Сабанеев, 1874; Ушков, 1927).

В настоящее время на территории Кунгурской лесостепи скопа – редкий вид с неопределенным статусом, поскольку случаи гнездования в последние годы неизвестны. Скопу отмечали в 1982-1983 гг. в

Сылвенском заливе (Еремченко, Возжаев, 1984). Здесь же, в окрестностях д. Щелканы, в 1994 и 1995 гг. ее видели мы и егерь Вяткинского заказника Б.Д. Курсанин (Наумкин, Демидова, 2002). Поиски гнездового участка в старом высокоствольном сосняке к северу от д. Горбунята на противоположном берегу р. Сылвы оказались безрезультатными. Весенние встречи пролетных птиц известны также для Кишертских озер (Лапушкин, Казаков, 2000).

Гнездование. 25 июня 1982 г. в Кишертском районе наблюдали строительство скопой гнезда, позднее брошенного (Шураков, Каменский, 1982). По мнению А.И. Шепеля (1992), на всей территории Кунгурской лесостепи в связи с высокой хозяйственной освоенностью региона возможно гнездование не более одной пары птиц.

31. Обыкновенный осоед *Pernis apivorus* (Linnaeus, 1758)

Статус. Немногочисленный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. В пределах Предуралья и Урала населяет все природные зоны вплоть до северных границ Пермского края (Шепель, 1992; Шепель, Фишер, 2004), однако в зональной лесостепи редок (Захаров, 2006), также как и в пределах Кунгурской островной лесостепи (Демидова, 1994).

Гнездование. Выводок подросших птенцов отмечен нами 16 августа 1994 г. в окрестностях с. Зуята (Наумкин, Демидова, 2002). Взрослые птицы и многочисленные разрытые осиные гнезда неоднократно отмечались в елово-мелколиственных лесах Вяткинского заказника.

Численность. В заказнике «Предуралье», судя по многолетним данным, численность стабильна и составляет около 2,1 пары на 100 км² (Шепель, 1992). По нашим расчетам, в Вяткинском заказнике в 1994 г. плотность населения составила 3 пары на 100 км².

32. Черный коршун *Milvus migrans* (Boddaert, 1783)

Рис. 18. Черный коршун
(заказник «Предуралье»).

Фото А.В. Рыбкина

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Широко распространен и обычен в зональной степи и лесостепи Зауралья, особенно в агроландшафтах и долинах рек (Волчанецкий, 1927; Коровин, 2004; Захаров, 2006), немногочислен в горных районах Башкирии (Лоскутова, 1990). В Пермском крае был и остается наиболее обычным хищником южных и центральных районов (Сабанеев, 1874; Ушков, 1924; Воронцов, 1949; Демидова, 1994),

в последние годы достиг северо-восточных границ края (Шепель, Фишер, 2004). В Кунгурской лесостепи – обыкновенный хищник, возглавляющий группу доминантов.

Сроки прилета и отлета. Наиболее ранние встречи в районе г. Кунгура – 14 апреля 2003 г. и 18 апреля 2010 г. В весеннее (апрель – первая декада мая) и осеннее время (август-сентябрь) нам приходилось наблюдать массовые скопления коршунов на городской свалке г. Кунгура – до 40-60 птиц. В 2004 г. здесь отмечена очень поздняя встреча хищника – 6 декабря (Наумкин, 2005а).

Гнездование. Гнездование отмечали в Вяткинском заказнике (Наумкин, Демидова, 2002). 19 июля 1994 г. в елово-пихтовом лесу с примесью березы на берегу оз. Дикого найдено гнездо с одним крупным, способным к полету птенцом. Еще одно гнездо найдено неподалеку, на берегу оз. Забошное, 14 мая 2003 г. Наиболее предпочитаете-

мыми охотничьими угодьями коршуна являются акватории пойменных озер, окружающие их луга, а также речные долины. На Вяткинских озерах наблюдали ловлю коршунами рыбы (И.Б. Волчанецкий (1927) отмечает, что никогда не видел этого на лесостепных озерах Зауралья). Охотящиеся птицы часто встречаются на окраинах населенных пунктов (таблица 2), концентрируются на свежевспаханных полях и скошенных лугах.

Таблица 2 – Состав охотничьих биотопов дневных хищных птиц, %

Биотоп	Вид				
	Черный коршун	Полевой лунь	Луговой лунь	Канюк	Обыкновенная пустельга
Акватории	51,3				
Пойменный луг	21,6	32,5	100,0	31,6	16,7
Суходольный луг	8,1	20,0		36,8	33,3
Стерня	2,7	12,5			33,3
Озимые злаки	2,7	7,5			
Клевер		20,0			
Многолетние травы		7,5			16,7
Лесная поляна				15,8	
Селитебные территории	13,6				
Обочина дороги				15,8	
Зарегистрировано охот	37	40	7	19	6

Численность. Самый многочисленный вид дневных хищных птиц Кунгурской лесостепи. В структуре населения пернатых хищников на его долю приходится более 20%, плотность населения – 5,7 пары на 100 км².

33. Полевой лунь *Circus cyaneus* (Linnaeus, 1766)

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. В зональной степи Оренбуржья (Давыгора, 2000) и лесостепи Башкирии и Зауралья (Ильичев, Фомин, 1988; Коровин, 2004; Захаров, 2006) в настоящее время считается малочисленным и даже редким гнездящимся видом. В Пермском крае обычен, распространен до северных и горных районов (Шепель, 1992; Шепель,

Фишер, 2004). В Кунгурской лесостепи – самый обычный из светлых луней (Демидова, 1994).

Сроки прилета и отлета. Наиболее ранняя регистрация полевого луня нами в Кунгурском районе – 28 апреля 2003 г., хотя, вероятно, первые птицы появляются раньше, со второй половины апреля (Шепель, 1992). Наиболее поздние сроки наблюдения птиц отмечены в 2005 г.: 13 октября видели, как две самки играли с вороном над клеверищем у д. Усть-Мечка Кунгурского района, 20 октября самка (или молодая птица?) испугнута у дороги на окраине с. Суксун.

Гнездование. 4 мая 1994 г. на сырой луговине, граничащей с пойменным ольшаником по берегу р. Дикой (Вяткинский заказник) наблюдали, как самец несколько раз приносил добычу самке, очевидно, уже насиживающей кладку. Передача добычи происходила в гнезде без характерной переклички и вылета самки навстречу самцу. Гнездовое поведение хищников отмечено и в других местах Кунгурского, Кишертского и Ординского районов. В начале августа на зарастающих мелколесьем неиспользуемых полях наблюдали молодых птиц, еще держащихся вместе. Предпочитаемыми кормовыми станциями являются пойменные и суходольные луга, а также клеверища (таблица 2).

Численность. Входит в число наиболее обычных и многочисленных дневных хищных птиц Кунгурской лесостепи. В структуре населения пернатых хищников на его долю приходится 18,6%, плотность населения – 4,5 пары на 100 км².

34. Степной луень *Circus macrourus* (S.G. Gmelin, 1771)

Статус. Редкий гнездящийся, перелетный вид, занесенный в Красную книгу России (II категория редкости).

Распространение. Немногочисленный, в отдельные годы – обычный гнездящийся вид лесостепного Зауралья и Башкирии (Ильичев, Фомин, 1988; Коровин, 2004; Захаров, 2006). В прошлом И.Б. Волчанецкий (1927) нашел его весьма обычным в лесостепном Зауралье (однако этот автор совсем не упоминает в своей работе полевого луня). Численность подвержена значительным колебаниям.

На территории Пермского края степной лунь впервые отмечен в 1985 г. в Чернушинском районе как залетный (Шепель, 1992). В 1992 и 1998 гг. найдены гнезда в Кишертском и Кунгурском районе (Лапушкин и др., 1995а; Шепель и др., 1998, рисунок 19). Самца степного луня мы наблюдали 26 мая 2005 г. на суходольном лугу (трасса газопровода) в пойме р. Телес (Уинский район). В коллекции Кунгурского музея есть два чучела молодых птиц (инв. №№ ИК 85, НВ 3771), первое из которых датировано 1948 г. (наиболее ранняя находка вида в пределах Пермского края), второе – 2000 г. (экземпляр добыт на р. Кунгурке в Ординском районе).

Рис. 19. Птенец степного луня
(Кунгурский район)
Фото А.В. Рыбкина

провода) в пойме р. Телес (Уинский район). В коллекции Кунгурского музея есть два чучела молодых птиц (инв. №№ ИК 85, НВ 3771), первое из которых датировано 1948 г. (наиболее ранняя находка вида в пределах Пермского края), второе – 2000 г. (экземпляр до-

35. Луговой лунь *Circus pygargus* (Linnaeus, 1758)

Статус. Редкий гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Встречается в степях и лесостепях Башкирии и Зауралья, всюду довольно редок (Ильичев, Фомин, 1988; Коровин, 2004; Захаров, 2006). В прошлом был более обычен (Волчанецкий, 1927). В Пермском крае в середине XX в. считался обычной птицей

южных районов, хотя встречался реже, чем полевой лунь (Воронцов, 1949). В настоящее время происходит постепенное расселение этого вида в северном направлении (Шепель, 1992).

В районе наших исследований мы отмечали луговых луней только на территории Вяткинского заказника: 4 мая 1994 г. встречены пролетные (по-видимому) самцы, позднее здесь же отмечали охотившиеся пары. В качестве кормового биотопа выявлены лишь сырые пойменные луга (Наумкин, Демидова, 2002).

36. Болотный лунь *Circus aeruginosus* (Linnaeus, 1758)

Статус. Редкий, гнездящийся, перелетный вид. Занесен в Красную книгу Пермского края (III категория редкости).

Распространение. Обычный гнездящийся вид лесостепного Зауралья и Башкирии (Волчанецкий, 1927; Ильичев, Фомин, 1988; Тарасов и др., 2001; Коровин, 2004; Кузьмич и др., 2005). В Пермском крае – редкий вид. Численность его здесь очень низкая (Шепель, 1992).

В пределах Кунгурской лесостепи подходящими для гнездования местами являются Вяткинские и Кишертские озера, где регулярно отмечаются одиночные особи (Лапушкин, Казаков, 2000; Наумкин, Демидова, 2002; Чуприянов и др., 2004). Охотящихся птиц мы наблюдали на островах в Сылвенском заливе и в заболоченной пойме р. Сыры – маленького левобережного притока р. Сылвы к северу от Вяткинского заказника (Наумкин, 2005), а также на лугах в пойме р. Турки (Кунгурский район).

37. Тетеревятник *Accipiter gentilis* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный гнездящийся, зимующий вид.

Распространение. Встречается в лесных биотопах степной и лесостепной зоны Башкирии и Зауралья, обычен, но немногочислен (Лоскутова, 1985; Ильичев, Фомин, 1988; Кузьмич и др., 2005; Захаров, 2006). В Пермском крае – обычный, повсеместно распространенный вид (Ушков, 1927; Воронцов, 1949; Шепель, 1992).

Гнездование. Пустое гнездо, возле которого держались взрослые ястребы, нашли в мае 1996 г. на Спасской горе (Кунгурский район) в смешанном сосново-березовом лесу. Оно располагалось на сосне, на высоте около 4 м. В заказнике «Предуралье» и его окрестностях (Кишертский район) ежегодно гнездятся три-четыре пары (Шепель, 1992). Здесь мы наблюдали гнездо с тремя птенцами в июне 1996 г.

Численность. В 1994 г. плотность населения тетеревятника в Вяткинском заказнике, по нашим расчетам, составила менее 1 пары на 100 км². Общая численность хищника на всей обследованной территории оказалась немногим больше – 1,1 пары на 100 км². На его долю приходится всего 4,7% населения хищных птиц района исследований.

В зимнее время известны встречи ястребов в городском сосновом бору г. Кунгура (Наумкин и др., 2004). Зимой мы наблюдали тетеревятников, охотящихся на голубей в черте города.

38. Перепелятник *Accipiter nisus* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный или зимующий вид.

Распространение. Обычен в лесных местообитаниях Башкирии и лесостепного Зауралья (Ильичев, Фомин, 1988; Лоскутова, 1990; Рябицев и др., 2002; Кузьмич и др., 2005), в степной зоне малочислен, гнездится по речным поймам (Захаров, 2006). В Пермском крае – обычный, широкораспространенный вид (Воронцов, 1949; Шепель, 1992).

Численность перепелятника в Кунгурской лесостепи одна из самых высоких в Прикамье (Шепель, 1992), однако мы встречали его довольно редко. Все встречи относятся к лесам различных типов: елово-мелколиственным, хвойно-широколиственным, соснякам и березнякам. Плотность населения на всю обследованную территорию составила 1,4 пары на 100 км², в структуре населения дневных хищников на его долю приходится 5,8%.

На большей части территории Южного Урала перепелятник является оседлым видом (Захаров, 2006), однако в Пермском крае большинство авторов относят его к перелетным птицам, лишь изредка остающимся на зимовку (Ушков, 1927; Куклин, 1938), либо периодически зимующим (Шепель, 1992). В декабре 1995 г. мы наблюдали перепелятника в парковом березняке на Подкаменной горе (Кунгурский район), в декабре 2001 г. – в городском сосняке г. Кунгура. По сообщению Л.А. Долгих, в зимнее время перепелятников неоднократно видели во время охоты на воробьев в кварталах частной застройки г. Кунгура (Наумкин, Соснин, 2002).

39. Зимняк *Buteo lagopus* (Pontoppidan, 1763)

Статус. Пролетный вид.

В весенний период нам не доводилось наблюдать выраженной миграции, отмечали лишь редких одиночных птиц (Наумкин, Демидова, 2002), хотя в Кишертском районе наблюдали скопления до полусотни особей (Лапушкин, Казаков, 2000). 13 октября 2005 г. в долине р. Сылвы в окрестностях д. Усть-Мечка (Кунгурский район) шел выраженный пролет, в течение двух часов мы отметили 20 птиц, круживших над рекой и убранными полями зерновых. В такие же сроки (конец сентября – начало октября) проходит осенний пролет в Башкирии и Зауралье (Лоскутова, 1985; Захаров, 2006).

40. Канюк *Buteo buteo* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Широко распространен по всем природным зонам Уральского региона (Рябицев, 2001а). В лесостепном и степном Зауралье встречается в островных борах и березовых колках (Захаров, 2006). В Пермском крае был и остается обычным, повсеместно встречающимся видом (Ушков, 1927; Воронцов, 1949; Шепель, 1992; Шепель, Фишер, 2004). В Кунгурской лесостепи – один из наиболее мно-

гочисленных (наряду с коршуном и полевым лунем) дневных хищников (Демидова, 1994).

Сроки прилета и отлета. Наиболее ранняя встреча канюка в районе наших исследований – 2 апреля 2008 г. у д. Мазуевка Кишертского района. По литературным данным, прилетает в середине апреля – начале мая (Шепель, 1992; Шепель, Фишер, 2004). Самое позднее наблюдение хищников – 5 птиц (нераспавшийся выводок?), круживших над пос. Нагорный (г. Кунгур) 21 сентября 2009 г.

Гнездование. Гнездится на всей территории Кунгурской лесостепи в самых разных лесных биотопах. Охраняемые гнездовые участки и выводки наблюдали в травяных сосняках (трижды), в елово-мелколиственных лесах (трижды), и по одному разу – в остепненных сосново-березовом и березовом лесу и елово-пихтовом лесу. Выводки насчитывали от 1 до 3 птенцов. Охотящихся птиц регистрировали на пойменных лугах и остепненных склонах, на лесных полянах, на обочинах дорог (таблица 2). Так, в июне 2007 г. на протяжении примерно 5 км трассы г. Кунгур – с. Кишерт отмечено 4 сидящих на вершинах елей канюков. Охотничьи приемы хищника разнообразны: на открытых местах – парящий поисковый полет и зависания в воздухе, в закрытых биотопах – выслеживание добычи с присады.

Численность. В 1994 г. по результатам работ в Вяткинском заказнике и его окрестностях (Кунгурский район) канюк оказался самым многочисленным из пернатых хищников – 26,2% их общего населения, с плотностью около 9 пар на 100 км². Обобщенные данные по всей исследованной территории значительно ниже – 3,9 пары на 100 км², и лишь 15,1% населения хищных птиц. Это сопоставимо с аналогичными показателями у полевого луня и значительно меньше, чем у черного коршуна (таблица 20).

41. Могильник *Aquila heliaca* Savigny, 1809

Статус. Редкий, возможно, единично гнездящийся вид. Занесен в Красную книгу России (II категория редкости).

Распространение. В зональной лесостепи Уральского региона – редкий гнездящийся вид (Лоскутова, 1983; Ильичев, Фомин, 1988; Коровин, 1995). Самая северная точка гнездового ареала на Урале – Сысертский район Свердловской области (Коровин, 1989). Гнездование в Кунгурской лесостепи весьма вероятно (Карякин, 1998). 18 июля 2008 г. в окр. д. Усть-Турка Кунгурского района мы встретили орла, предположительно относящегося к данному виду (с более светлой головой, по сравнению с окраской туловища, с белыми пятнами в лопаточной области). Птица сидела на одиночно стоящем дереве у дороги, подпустила близко, на 20 м.

42. Большой подорлик *Aquila clanga* Pallas, 1811

Статус. Редкий перелетный вид. Занесен в Красную книгу России (II категория редкости).

Распространение. И.Б. Волчанецкий (1927) и С.А. Куклин (1936) считали этот вид обычным и характерным для лесостепного Зауралья. В настоящее время он спорадично встречается и гнездится в степной и лесостепной зоне Челябинской и Курганской областей (Рябицев и др., 2002; Кузьмич, 2002; Захаров, 2006).

В Пермском крае Е.М. Воронцов (1949) встречал подорлика во многих местах, в том числе и в районах Кунгурской лесостепи (Кунгурский, Кишертский, Суксунский). В настоящее время численность сократилась, основная масса птиц переместилась в северные районы края (Шепель, Фишер, 2004). В заказнике «Предуралье» лишь дважды (1979, 1983) наблюдали одиночных птиц (Шепель, 1992).

43. Беркут *Aquila chrysaetos* (Linnaeus, 1758)

Статус. Редкий кочующий и перелетный вид. Занесен в Красную книгу России (III категория редкости).

Распространение. Спорадично встречается и гнездится в лесостепных районах Зауралья и горных лесах Южного Урала, везде редок (Лоскутова, 1983; Ильичев, Фомин, 1988; Захаров, 2006). В Пермском крае Л.П. Сабанеев (1874) нашел беркута более обычным в южной части бывшей губернии, об этом же писал Е.М. Воронцов (1949). В настоящее время большая часть популяции оттеснена в северные районы края; численность продолжает сокращаться (Шепель, 1992).

На территории Кунгурской лесостепи возможны встречи пролетных или кочующих птиц. Так, Д.А. Кузнецов (1925) отмечал пролетных беркутов под г. Кунгуром уже с начала марта. Нами 10 мая 1994 г. у д. Щелканы Кунгурского района отмечена одиночная особь, судя по белому основанию хвоста и пятнам на нижней стороне крыльев – молодая. Беркут летел низко над стерней, преследуя тетеревов (Наумкин, Демидова, 2002). В Кишертском районе пролетных орлов отмечали на пойменных озерах (Лапушкин, Казаков, 2000), известен здесь и гнездовой участок (Шепель, 1992). Чучела коллекции Кунгурского музея (инв. №№ НВ 2953, 2954) датированы 1990 г., однако одно из них, несомненно, дореволюционного изготовления и экспонировалось еще в довоенной экспозиции музея (Наумкин, 2003).

44. Черный гриф *Aegypius monachus* (Linnaeus, 1766)

Статус. Редкий залетный вид, занесенный в Красную книгу России (III категория редкости).

Распространение. В прошлом считался редким гнездящимся видом Каслинского Урала и более южных районов (Сабанеев, 1874; Кириков, 1952). В настоящее время в зональной лесостепи Зауралья – редкий залетный вид (Захаров, 2006).

О залетах черных грифов на территорию современного Пермского края сообщали П.В. Сюзев (1911) и С.Л. Ушков (1924; 1927); очевидно, в то время они носили довольно регулярный характер. 13 июня 1925 г. В.Ф. Голдобин убил молодую птицу в окрестностях г.

Кунгура (газета «Искра» от 30 июня 1925 г.) и передал ее в областной краеведческий музей для изготовления чучела, о котором упоминает Е.М. Воронцов (1949).

45. Кречет *Falco rusticolus* Linnaeus, 1758

Статус. Редкий залетный вид, встречающийся во время кочевок в осенне-зимний период. Занесен в Красную книгу России (II категория редкости).

На территории бывшего Кунгурского уезда кречета добывал М.А. Мензбир, скорее всего, на р. Чусовой (Резцов, 1904; цит. по: Бианки, 1911; Шепель, 1992). Мы включаем этот вид в систематический список авифауны Кунгурской лесостепи, поскольку редкие залеты на нашу территорию не исключены.

46. Сапсан *Falco peregrinus* Tunstall, 1771

Статус. Обычный (в последние годы) гнездящийся, перелетный вид. Занесен в Красную книгу России (II категория редкости).

Распространение. В зональной лесостепи Зауралья редко отмечаются одиночные птицы (Захаров, 2006), гнездование известно для некоторых ООПТ Башкирии (Лоскутова, 1983; 1999; Торгашов, 2003). В Пермском крае в 1940-х гг. Е.М. Воронцов считал сапсана редким, но широко распространенным видом.

Сроки прилета и отлета. В окрестностях г. Кунгура сапсан появляется обычно в конце апреля (Шепель, 1992), наиболее ранняя дата наблюдения сокола нами – 3 мая 1994 г. в пойме р. Сылвы к югу от Вяткинского заказника (Кунгурский район). Наиболее позднее наблюдение хищника – 10 октября 2006 г. в г. Кунгуре. Е.М. Воронцов (1949) не исключал возможность зимовки в Прикамье отдельных особей.

Гнездование. Гнездящихся птиц мы отмечали во многих районах Кунгурской лесостепи. В Кишертском районе в окрестностях д. Мазуевка на каменистых склонах провала Волчья Яма пара сапсанов дер-

жалась в мае 2002 г. На камне Лобач пара гнездилась в июне 2002 и 2004 гг. В 2006 г. выводок этой пары состоял из двух птенцов (рисунок 20), в 2007 г. – из трех (рисунок 21).

В Кунгурском районе сапсан занял все подходящие скальные местообитания в нижнем течении р. Сылвы. Одиночные птицы отмечены в Вяткинском заказнике и на скалах у д. Закурья в мае-июне 2003 г. (Наумкин, 2004а). Выводок из трех подросших птенцов, сопровождаемых самкой, наблюдали в начале июля 2004 г. на склонах Подкаменной горы, здесь же сапсан гнезвился и в 2007 г. При проверке в июне 2004 г. выявленных ранее гнездовых территорий в бассейне р. Ирень (Уинский, Ординский и Кунгурский административные районы) совместно с А.И. Шепелем и В.П. Казаковым (ПГНИУ) отмечено пять пар сапсанов.

Рис. 20. Птенцы сокола-сапсана. Камень Лобач (Кишертский район). 2006 г.
Фото В.В. Семенова

Рис. 21. Птенцы сокола-сапсана. Камень Лобач (Кишертский район). 2007 г.
Фото В.В. Семенова

Питание. В добыче пары, гнездящейся на р. Ирени в окрестностях с. Усть-Турка, найдены озерная чайка, кедровка и сойка, кулик-сорока. В Ординском районе, у д. Михино, на обрывистых голых склонах долины р. Сухой Телес (притока р. Ирень) нашли характерную поедь – остатки рябчика.

Численность. Во второй половине XX в. численность сапсана в Пермском крае была крайне низкой (Шепель, 1992); в Кунгурском административном районе было известно лишь одно гнездо на р. Ирень. С середины 1990-х гг. наметился устойчивый рост численности этого крупного сокола. Новые пары появились в заказнике «Предуралье» (Шепель, 2000а). В настоящее время плотность населения сапсана в Кунгурской лесостепи достигает, по нашим данным, 3 пары на 100 км² (таблица 20).

47. Чеглок *Falco subbuteo* Linnaeus, 1758

Статус. Немногочисленный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Немногочисленный гнездящийся вид горных лесов Башкирии (Лоскутова, 1990), в лесостепном Зауралье был и остается довольно редким видом, гнездящимся в березовых колках, островных борах и лесополосах (Волчанецкий, 1927; Рябицев, 2001а; Рябицев и др., 2002; Захаров, 2006). В Пермском крае С.Л. Ушков (1927) считал его обычной, широко распространенной птицей бывшего Пермского округа, Е.М. Воронцов (1949) отмечал, что он более обычен в северной части региона. В настоящее время распространен по всей территории Прикамья (Шепель, 1992; Шепель, Фишер, 2004).

Мы регистрировали этот вид редко. Две пары отмечены, соответственно, на Подкаменной горе (1994) и в Вяткинском заказнике (2002), причем обе, очевидно, гнездились в скальных нишах, так как подходящих гнезд на деревьях в местах наблюдений не обнаружено. Одна птица встречена в Кишертском районе в 2004 г. В октябре 2007 г. охотящийся на синиц чеглок несколько дней держался в парке у Кунгурской Ледяной пещеры.

48. Дербник *Falco columbarius* Linnaeus, 1758

Статус. Очень редкий, возможно, гнездящийся, перелетный вид. Внесен в Красную книгу Пермского края (II категория редкости).

Распространение. Спорадично встречается и редко гнездится в Башкирии (Лоскутова, 1985; Ильичев, Фомин, 1988), Челябинской (Коровин, 2004; Кузьмич и др., 2005) и Оренбургской (Морозов, Корнев, 2002) областях. В Пермском крае в прошлом дербник был относительно обычен лишь в южных районах (Воронцов, 1949), в настоящее время – редкий, спорадично распространенный по всей территории вид с низкой численностью (Шепель, Фишер, 2004).

В районах Кунгурской лесостепи дербник отмечен Е.М. Воронцовым (1949) в долине р. Сылвы (без указания конкретных привязок), позднее – в заказнике «Предуралье» – А.И. Шепелем (1992). По устному сообщению В.А. Лапушкина, встречался на пролете на Кишертских озерах. Единственный случай наблюдения дербника нами – встреча осенью 1995 г. пролетной птицы на Ледяной горе (наблюдения совместно с М.И. Демидовой в рамках «Всемирных дней учета птиц», проводившихся Союзом охраны птиц России).

49. Кобчик *Falco vespertinus* Linnaeus, 1766

Статус. Очень редкий, возможно, гнездящийся, перелетный вид. Внесен в Приложение Красной книги России и Красную книгу Пермского края (II категория редкости).

Распространение. Спорадично распространенный, немногочисленный гнездящийся вид Башкирии (Ильичев, Фомин, 1988; Шепель и др., 2001) и лесостепного Зауралья (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В этих регионах отмечены случаи колониального гнездования. В Пермском крае был и остается редким, спорадично распространенным видом, здесь известны лишь единичные гнезда (Шепель, Фишер, 2004).

В районах Кунгурской лесостепи случаи наблюдения птиц редки. В Вяткинском заказнике, по устному сообщению Н.С. Возжаева, кобчик был отмечен в 1982 г. Мы единственный раз наблюдали кобчика (самца) в июле 1996 г. в заказнике «Предуралье» (Кишертский район).

50. Обыкновенная пустельга *Falco tinnunculus* Linnaeus, 1758

Статус. Немногочисленный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Широко распространена и обычна в Башкирии, степном и лесостепном Зауралье (Ильичев, Фомин, 1988; Корovin, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае – обычный гнездящийся вид, распространенный по всей территории (Шепель, Фишер, 2004).

Сроки прилета. Прилетает во второй половине апреля – начале мая (Шепель, 1992). 8 мая 1994 г. у д. Щелканы (Кунгурский район) птицы уже активно охраняли гнездовой участок (атаковали коршуна и

Рис. 22. Птенцы пустельги в окр. заказника «Предуралье» (Кишертский район).

Фото А.В. Рыбкина

ворона), но кладка еще не была начата.

Гнездование. Отмечено в Вяткинском заказнике в 1994 г. (Наумкин, Демидова, 2002), на береговых скалах в окр. д. Сороки в июне 1995 г., на южном склоне Подкаменной горы в июне 1996 и 2001 гг., в заказнике «Предуралье» (рисунок 22). Охотящихся птиц отмечали на суходольных и пойменных лугах, на стерне и посевах многолетних трав (таблица 2).

Численность. Численность явно ниже, чем у коршуна или полевого луны. По нашим расчетам, плотность

населения в Вяткинском заказнике и его окрестностях составила в 1994 г. 8 пар на 100 км². Данные, полученные на всю обследованную территорию, значительно ниже – 2 пары на 100 км², 7,6% населения дневных хищников (таблица 20). В последние годы одиночных птиц всего несколько раз наблюдали над пойменными угодьями в долинах

рек Ирени (д. Колпашники, Кунгурский район, и с. Суда, Уинский район) и Сылвы (Подкаменная гора).

Отряд Курообразные – Galliformes

51. Тетерев *Lyrurus tetrrix* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный гнездящийся, оседлый вид.

Распространение. В степных районах Южного Урала редок (Ильичев, Фомин, 1988). Сравнительно обычен в лесостепном Зауралье (Захаров, 1989; 2006), как это было отмечено и в прошлом (Волчанецкий, 1927). В Пермском крае – обычный широкораспространенный гнездящийся вид (Шепель, Фишер, 2004).

В Кунгурской лесостепи всегда был обычен (Горбунов, 1925; Воронцов, 1949). Токовища наблюдали с 5 мая на сырых луговинах по р. Дикой в Вяткинском заказнике (Наумкин, Демидова, 2002). Основные типы леса, где в летнее время отмечено подавляющее большинство встреченных птиц – елово-мелколиственные и травяные сосняки. Одиночные птицы встречались, кроме того, в парковых березняках и в смешанных перелесках посреди сплошных сельхозугодий.

52. Глухарь *Tetrao urogallus* Linnaeus, 1758

Статус. Обычный гнездящийся, оседлый вид.

Распространение. В пределах Урала распространен до южных районов Башкирии и Челябинской области, где встречается в горных лесах и островных борах (Ильичев, Фомин, 1988; Захаров, 2006). В Пермском крае встречается повсеместно (Шепель, Фишер, 2004).

На территории Кунгурского уезда в прошлом считался весьма обычным (Сабанеев, 1874; Горбунов, 1925). По-видимому, в окрестностях г. Кунгура эта ситуация не изменилась и в настоящее время. Глухарь отмечен в составе фауны большинства охотничьих заказников, расположенных в районах Кунгурской лесостепи (Шалыбков, Сторчевой, 1985; наши данные). По литературным данным (Kurhinen et al., 2007), в таежной зоне для этого вида существенным лимитиру-

ющим фактором является высокая преобразованность ландшафтов и снижение доли старых лесов и болот ниже 10-15%. Однако в районе наших исследований это, по-видимому, не так. Например, в окр. д. Мазуевка (Кишертский район) лесные станции, где встречены глухари, были представлены мелкими изолированными фрагментами южных хвойно-широколиственных лесов, окруженных сельхозугодьями.

53. Рябчик *Tetrastes bonasia* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный гнездящийся, оседлый вид.

Распространение. Встречается в лесах различных типов по всему Уральскому региону (Рябицев, 2001а), проникает на юг до Оренбуржья (Захаров, 2006). Наиболее многочисленный представитель отряда в регионе.

В Кунгурской лесостепи – обычный вид лесных станций. Выводки (4-5 особей) чаще всего отмечали в смешанных елово-мелколиственных лесах в нижнем течении р. Сылвы, а также в смешанных лесах с широколиственными породами и широким участием неморальных элементов в травостое в более южных районах – Уинском и Октябрьском.

Численность. В смешанных хвойно-широколиственных лесах в Кишертском (Волчья Яма) и Уинском районах (окр. д. Барсаи) плотность населения достигала, соответственно, 10 и 29 особей на 1 км².

54. Серая куропатка *Perdix perdix* (Linnaeus, 1758)

Статус. Немногочисленный гнездящийся, оседлый вид. Занесен в Красную книгу Пермского края (III категория редкости).

Распространение. Широко распространенный в степных и лесостепных районах Предуралья и Зауралья вид, проникающий на юг лесной зоны по речным долинам и вырубкам (Ильичев, Фомин, 1988; Рябицев, 2001а). В южных районах Пермского края в середине прошлого века серая куропатка была не только обычной, но и многочисленной птицей (Воронцов, 1949). В то время даже отмечалось ее

несомненное продвижение в северные районы Прикамья, связанное с вырубкой лесов. В Кунгурской лесостепи в настоящее время встречается лишь в оптимальных биотопах, сохранивших неизменным остепненный облик. Мы отмечали куропаток в летнее время на залежах и ковыльно-разнотравных участках по склонам долины нижнего течения р. Сылвы к северу от г. Кунгура. В зимнее время стайки куропаток оказались довольно обычными в светлых березовых перелесках и в полях с озимыми на Подкаменной горе (Кунгурский район). Нередко они встречались и вдоль обочин дорог.

Численность. Численность, как и северная граница распространения серой куропатки на Урале, изменчива, подвержена значительным колебаниям (Рябицев, 2001а). В Пермском крае, по сравнению с недавним прошлым (Воронцов, 1949), она резко снизилась (Шураков и др., 1997; Фуфаев, 1997). По данным А.А. Фуфаева (1997), в оптимальных местообитаниях Кунгурской лесостепи плотность населения составляла 0,5 особи на 1 км². Это вполне соответствует ее современной численности и в зональной лесостепи Уральского региона (Захаров, 2006). В настоящее время серая куропатка переживает депрессию численности, наши последние наблюдения птиц в Кунгурском районе относятся к 2001 г.

55. Перепел *Coturnix coturnix* (Linnaeus, 1758)

Статус. Немногочисленный гнездящийся, перелетный вид. Внесен в Приложение Красной книги России (V категория редкости).

Распространение. Немногочисленный гнездящийся вид Башкирского Предуралья (Ильичев, Фомин, 1988), редок в зональной лесостепи Зауралья и на юге лесной зоны (Рябицев, 2001а; Коровин, 2004). В Пермском крае распространен до северо-восточных горных районов, где известны редкие встречи (Лоскутова, Курулюк, 1999; Шепель, Фишер, 2004). Е.М. Воронцов (1949) считал его характерным видом южных лесостепных районов, чаще встречающимся в пределах

пойменных лугов. То же отмечает и А.А. Неулыбина (1966). Во время наших исследований перепела регистрировали редко. В нижнем течении р. Сылвы токующие самцы отмечены на самом большом острове реки, занятом сенокосными лугами (напротив с. Каширино, д. Усть-Мечка, д. Сороки Кунгурского района). Выше по течению, на Подкаменной горе, перепела кричали по пологим склонам и сырým днищам крупного Ногаева лога и его отрогов (наблюдения 1995 г.). 17 июня 2004 г. токующий самец отмечен на суходольных лугах у д. Подпавлиново (Кишертский район), 18 июня того же года – в пойме р. Сухой Телес у д. Барсаи (Уинский район). Таким образом, все встречи приурочены либо к пойменным, либо к суходольным лугам.

Отряд Журавлеобразные – Gruiformes

56. Серый журавль *Grus grus* (Linnaeus, 1758)

Статус. Редкий, вероятно гнездящийся, перелетный вид. Занесен в Приложение Красной книги Пермского края.

Распространение. Относительно обычен в крупных озерно-болотных комплексах зауральской лесостепи (Рябицев и др., 2002; Тарасов и др., 2003; Захаров, 2006), а также в горно-лесных районах Южного Урала (Ильичев, Фомин, 1988). В Пермском крае встречается по всей территории (Шепель, Фишер, 2004), безусловно, гнездится, однако гнезд журавля за всю историю орнитологических исследований в Прикамье не находили; численность вида сокращается (Шепель и др., 1995; Шепель, 1997).

В районах Кунгурской лесостепи, по мнению Е.М. Воронцова (1949), подходящих для гнездования журавля мест нет, и он бывает здесь лишь на пролете. Регулярно наблюдается в это время на Кишертских озерах (Лапушкин, Казаков, 2000). Вообще, устных сообщений о наблюдениях пролетных журавлей в пределах Кунгурской лесостепи довольно много. Мы наблюдали стаю из 10 птиц, пролета-

ющих над искусственными прудами на р. Судинке (Уинский район) 26 мая 2005 г. (Наумкин, 2005а).

Гнездование. В нижнем течении р. Сылвы в 1980-е гг. на основании косвенных признаков журавль был отнесен к гнездящимся видам (Еремченко, Возжаев, 1984; Н.С. Возжаев, устн. сообщ.); нам в 1990-х гг. здесь не встречался, но мы видели следы птиц на лесных дорогах. Потенциальное место гнездования выявлено летом 2007 г. на глухих карстовых озерах у подножия горы Челпан, на границе Кунгурского и Березовского районов. Здесь постоянно держалась пара птиц, проявлявших сильное беспокойство.

57. Погоныш *Porzana porzana* (Linnaeus, 1766)

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Встречается в зональной степи и лесостепи Башкирии и Зауралья, немногочислен, но местами очень обычен (Ильичев, Фомин, 1988; Рябицев, 2001а; Захаров, 2006). В лесной зоне распространен неравномерно, приурочен к околородным биотопам. В Пермском крае обычен, встречается по всей территории (Шепель, Фишер, 2004). В Кунгурской лесостепи – обычный, но, по-видимому, немногочисленный вид. Характерные крики погонышей мы отмечали на Кишертских озерах, на оз. Чаечном (Уинский район), в Вяткинском заказнике. Здесь удалось наблюдать взрослую птицу с очень близкого расстояния 19 июля 2002 г. (Наумкин, Демидова, 2002).

Гнездование отмечено на Кишертских озерах (Лапушкин, Казаков, 2000). Выводки молодых наблюдали на мелких озерках в черте г. Кунгура у ст. Гипсы (В.П. Казаков, устн. сообщ.).

58. Коростель *Crex crex* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид. Внесен в Приложение Красной книги России (V категория редкости).

Распространение. Обычен и широко распространен в зональной лесостепи и на юге лесной зоны Урала (Рябицев, 2001а; Коровин,

2004). В Пермском крае распространен по всей территории (Шепель, Фишер, 2004). В Кунгурской лесостепи – обычный гнездящийся вид, предпочитающий в основном не пойменные угодья, а суходольные луга и посевы зерновых, граничащие с парковыми березняками. В подобных местах (например, на Подкаменной горе) с одной точки можно слышать крики двух-трех самцов. В приречных зарослях коростель нам встречался только там, где долина р. Сылвы сужена и высокие коренные берега вплотную подходят к воде (заказник «Предуралье», Ледяная гора в черте г. Кунгура). Первые крики отмечены в пойменных ивняках р. Сылвы (д. Сороки Кунгурского района) 23 мая 2008 г., в г. Кунгуре – 25 мая 2006 г. и 20 мая 2008 г.

59. Камышница *Gallinula chloropus* (Linnaeus, 1758)

Статус. Немногочисленный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Спорадично распространена в Башкирии, степном и лесостепном Зауралье, а также на юге лесной зоны (Ильичев, Фомин, 1988; Рябицев, 2001а; Коровин, 2004; Захаров, 2006). Обитание камышницы в Пермской области предполагал Е.М. Воронцов (1949), однако впервые на территории Пермского края вид найден в начале 1980-х гг. (Шепель и др., 1981; Шураков и др., 1981). Два чу чела камышниц из окрестностей с. Серга (Кунгурский район), датированные 1980 г., имелись в Кунгурском музее (инв. №№ ИК 4554/9, НВ 1878/8; до настоящего времени не сохранились).

Сроки прилета и отлета. По наблюдениям на оз. Чаечном, в 1991-1993 гг. прилет камышницы приходился на 2, 7 и 1 мая. Отлет отмечен в последней декаде сентября – первой пятидневке октября (Шураков А., Шураков С., 1995).

Гнездование. Почти все места гнездования камышницы, за немногими исключениями (Шураков А., Шураков С., 1995), относятся к районам Кунгурской лесостепи. Гнездование установлено на Кишертских озерах (Шураков, Пантелеев, 1984), где в настоящее время ка-

мышница обычна (Лапушкин, Казаков, 2000; наши данные), а также на оз. Чаечном (Шураков и др., 1981; 1985). За три года наблюдений здесь в первых кладках насчитывалось от 6 до 10 яиц, во второй – 6 (Шураков А., Шураков С., 1995). 20 июля 2002 г. выводок камышницы наблюдали на оз. Забошном в Вяткинском заказнике. В середине июля 2000 г. отмечено гнездование камышницы в г. Кунгуре – на сильно заросшей старице р. Ирени в северо-западной части города в сумерки наблюдали выводок пуховичков и взрослую птицу (Наумкин, 2005а).

60. Лысуха *Fulica atra* Linnaeus, 1758

Статус. Немногочисленный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. В прошлом И.Б. Волчанецкий (1927) и С.А. Куклин (1936) считали лысуху очень характерным видом лесостепных водоемов. В настоящее время она по-прежнему вполне обычна и многочисленна в степном и лесостепном Зауралье (Коровин, 2004; Захаров, 2006), а также и на юге лесной зоны (Рябицев, 2001а). Однако в Пермском крае, как и полвека назад (Воронцов, 1949), она остается немногочисленной гнездящейся птицей.

Гнездование. В пределах Кунгурской лесостепи гнездование лысухи отмечено на Кишертских озерах (Лапушкин, Казаков, 2000; Чуприянов и др., 2004). Так, 10 июля 1994 г. нами здесь были отмечены три самки с выводками по пять полуоперившихся птенцов. Это ниже, чем на водоемах Барабинской лесостепи (Кошелев, 1988), хотя сопоставимо с усредненными данными для зональной лесостепи Зауралья – 4,6 птенца (Гордиенко, 2001). Стайки и отдельных птиц отмечали в низовьях р. Сылвы (Еремченко, Возжаев, 1984) и на Суксунском пруду (Наумкин, 2005а).

Отряд Ржанкообразные – Charadriiformes

61. Тулес *Pluvialis squatarola* (Linnaeus, 1758)

Статус. Очень редкий пролетный вид.

Распространение. В зональной лесостепи Башкирии и Зауралья на весеннем и осеннем пролете редко встречаются одиночки и небольшие стайки (Ильичев, Фомин, 1988; Коровин, 2000; Тарасов и др., 2004а; Захаров, 2006). В пределах Пермского края осенний пролет тулесов в отдельные годы наблюдал С.Л. Ушков (1927).

В Кунгурской лесостепи не исключены встречи пролетных птиц. В коллекции Пермского краевого музея имеется экземпляр (самец), добытый 21 октября 1925 г. на р. Сылве у д. Калино (?) (Воронцов, 1949), что, вероятно, является ошибкой, т.к. Калино находится на р. Чусовой.

62. Золотистая ржанка *Pluvialis apricaria* (Linnaeus, 1758)

Статус. Редкий пролетный вид. Занесен в Красную книгу Пермского края (III категория редкости).

Распространение. В зональной лесостепи Башкирии и Зауралья это немногочисленный пролетный вид, особенно заметный на весеннем пролете (Ильичев, Фомин, 1988; Коровин, 2004; Захаров, 2006). С.Л. Ушков (1927) и Е.М. Воронцов (1949) относят ее к редким пролетным видам Прикамья. Обычная гнездящаяся птица Вишерского заповедника (Колбин, 2006).

В Кунгурской лесостепи единичные пролетные птицы отмечались в весеннее и осеннее время на Кишертских озерах в 1992-1994 гг. (Лапушкин, Казаков, 2000).

63. Галстучник *Charadrius hiaticula* Linnaeus, 1758

Статус. Очень редкий пролетный вид.

Распространение. В зональной лесостепи Зауралья – немногочисленный, либо обычный в отдельные годы пролетный вид (Коровин, 2004; Захаров, 2006). С.Л. Ушков (1927) считал этого северного кулика гнездящимся в бассейне р. Камы, позднее А.М. Болотников с соавторами (1989) отмечали, что в Прикамье он встречается только во

время пролета. В Кунгурской лесостепи галстучник отмечен на Кишертских озерах (Лапушкин, Казаков, 2000).

64. Малый зук *Charadrius dubius* Scopoli, 1786

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Широко распространен по всему Уральскому региону (Рябицев, 2001а). Гнездится на открытых галечных и песчаных пляжах лесных и лесостепных рек, в степной зоне населяет берега солоноватых и соленых водоемов, а также водохранилищ и прудов (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае встречается повсеместно (Шепель, Фишер, 2004).

В Кунгурской лесостепи – обычный, широко распространенный вид. По нашим наблюдениям, эти кулички более обычны в долине р. Ирени, чем р. Сылвы, возможно, потому, что на р. Ирени больше подходящих местообитаний – галечных пляжей и отмелей. Отмечены они в Вяткинском заказнике, «Предуралье», на Кишертских озерах. В июне 2006 г. пара зуйков демонстрировала гнездовое поведение на пашне, оставшейся незасеянной, в непосредственной близости от р. Ирень. Подобные случаи гнездования на пашне отмечены в литературе (Коровин, 2004).

65. Чибис *Vanellus vanellus* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. В зональной степи и лесостепи Башкирии и Зауралья был и остается обычным, многочисленным гнездящимся видом (Волчанецкий, 1927; Ильичев, Фомин, 1988; Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае распространен повсеместно (Шепель, Фишер, 2004). Один из немногих видов куликов, хорошо приспособившихся к жизни в агроландшафтах (Болотников и др., 1989; Голованова, 1989; Коровин, 2004, и др.).

Сроки прилета. Относится к рано прилетающим видам. Наиболее ранняя дата наблюдения чибиса нами – 10 апреля 2006 г. на полях

с проталинами на окраине г. Кунгура. По литературным данным, среднемноголетняя дата появления чибисов в Кунгурской лесостепи – 15 апреля (Фуфаева, 2006). В предотлетное время кочующих стайками взрослых и молодых наблюдали с 20-х чисел июля. Подобные скопления насчитывали до 30-40 птиц.

Гнездование. В районах Кунгурской лесостепи предпочитает в качестве гнездовых биотопов пойменные луга (80% встреч), встречается также на водоразделах, занятых суходольными лугами и сельхозугодьями. Здесь чибисы гнездятся по заболоченным западинам и вокруг карстовых воронок, особенно с водой. Выявленные нами гнездовые колонии не превышали 5 пар (Вяткинский заказник). Первые неполные кладки (2 яйца) отмечены здесь уже с 4 мая, полные находили 7 мая 1994 г. и 10 мая 1995 г. На обрабатываемых землях при уничто-

Рис. 23. Кладка чибиса
(Кишертские озера).
Фото А.В. Рыбкина

жении кладок возможны неоднократные попытки повторного гнездования. Так, 4 июля 2003 г. на Кишертских озерах найдены очень поздние, неполные (вероятно, повторные) кладки (Чуприянов и др., 2004; рисунок 23). Промеры яиц составили 43,6-47,1 мм x 29,7-33 мм, в сред-

нем 45,9 x 31,6 мм (n = 8).

Численность. Плотность населения в оптимальных биотопах – влажных пойменных лугах, где практикуется умеренный выпас – составила, по нашим данным, до 46 особей на 1 км², в среднем – 23 особи на 1 км². Это, в общем, соответствует литературным данным для аналогичных биотопов зональной лесостепи Зауралья (Захаров, 2006).

66. Кулик-сорока *Haematopus ostralegus* Linnaeus, 1758

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид. Занесен в Красную книгу России (III категория редкости).

Распространение. Спорадично распространен в степном и лесостепном Зауралье, в большинстве районов редок (Ильичев, Фомин, 1988; Блинова, Блинов, 1997; Тарасов и др., 2004а; Захаров, 2006). Относительно обычен в Красноуфимской лесостепи (Коровин, 2004). Также обычен в южных и центральных районах Пермского края (Шепель, Фишер, 2004), в том числе и в Кунгурской лесостепи. Территориальные птицы отмечены нами на озерах в нижнем течении р. Сылвы (Наумкин, Демидова, 2002) и в нижнем течении р. Ирень (д. Колпашники – с. Ленск). В районе д. Усть-Турка (Кунгурский район) в 1995 г. мы находили останки куликов среди поедей сапсана. По данным И.А. Лоскутовой (2003), в бассейне р. Ирень кулики гнездятся во всех подходящих биотопах (галечных отмелях и пляжах), в том числе подверженных антропогенному воздействию (водопой крупного рогатого скота). Известны места гнездования и в Кишертском районе (Болотников и др., 1989; Лапушкин, Казаков, 2000).

67. Черныш *Tringa ochropus* Linnaeus, 1758

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. В зональной степи и лесостепи Зауралья вполне обычен (Рябицев, 2001а), то же относится к территории Пермского края (Шепель, Фишер, 2004), в том числе и к районам Кунгурской лесостепи. Наиболее часто встречается на озерах Вяткинского заказника, как пойменных, так и лесных. 19 и 20 июля 1994 г. в окрестностях открытых старичных озер отмечены стайки по 6-10 в основном молодых птиц, которые кормились на грязевых участках. Отдельные гнездящиеся пары отмечались нами на маленьких карстовых озерцах в Кунгурском, Кишертском и Уинском районах, причем не только лесных, но и открытых.

68. Фифи *Tringa glareola* Linnaeus, 1758

Статус. Немногочисленный пролетный, либо спорадично гнездящийся вид.

Распространение. Сравнительно обычен, но немногочислен в лесостепи Зауралья (Коровин, 2004; Захаров, 2006), южная граница области гнездования очень неопределенна и изменчива (Рябицев, 2001а; Тарасов и др., 2004а). В Пермском крае более обычен в северных районах (Воронцов, 1949), но в подходящих биотопах может гнездиться и южнее (Шепель, Фишер, 2004). По-видимому, в настоящее время в Кунгурской лесостепи это пролетный вид, как и считал Е.М. Воронцов (1949) полвека назад. В.А. Лапушкин и В.П. Казаков (2000) отмечают его как обычный на кочевках со второй половины лета (Кишертские озера). В коллекции Кунгурского краеведческого музея имелось чучело (инв. № ИК 67) без указания конкретного места и даты добычи.

69. Большой улит *Tringa nebularia* (Gunnerus, 1767)

Статус. Немногочисленный пролетный вид.

Распространение. В зональной степи и лесостепи Башкирии и Зауралья в настоящее время – пролетный вид (Ильичев, Фомин, 1988; Блинова, Блинов, 1997; Коровин, 2000; 2004), редкие случаи гнездования известны для Еткульского района Челябинской области (Редько, 1998) и Восточно-Уральского заповедника (Тарасов, 2004). Гнездится в северных районах Прикамья (Воронцов, 1949; Шепель, Фишер, 2004). В Кунгурской лесостепи бывает на пролете. Пары и стайки по 5-15 особей почти ежегодно встречались нам на Вяткинских и Кишертских озерах в первой декаде мая (Наумкин, Демидова, 2002). Пролетные птицы отмечены на озерах у ст. Гипсы (г. Кунгур) 30 апреля 2010 г.

70. Травник *Tringa totanus* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. В зональной степи и лесостепи Башкирии и Зауралья – обычный, многочисленный гнездящийся вид (Ильичев, Фомин, 1988; Тарасов и др., 2004а). В Пермском крае встречается почти повсеместно, кроме восточных и северо-восточных горных районов (Шепель, Фишер, 2004). В Кунгурской лесостепи – обычный, широкораспространенный гнездящийся вид. Территориальные пары отмечены нами во всех подходящих местообитаниях в Кунгурском, Кишертском, Ординском и Уинском районах.

71. Щеголь *Tringa erythropus* (Pallas, 1764)

Статус. Очень редкий пролетный вид.

Распространение. В лесостепной зоне Челябинской области и Башкирии редко встречаются на пролете одиночные птицы (Торгашов, 2003; Коровин, 2004; Захаров, 2006), далее к востоку отмечаются стаи в десятки особей (Тарасов и др., 2004а). В Пермском крае единичные встречи известны в Кишертском районе (Воронцов, 1949; Лапушкин, Казаков, 2000).

72. Поручейник *Tringa stagnatilis* (Bechstein, 1803)

Статус. Редкий, видимо, нерегулярно гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. В степном и лесостепном Зауралье – обычный, местами многочисленный гнездящийся вид (Коровин, 2004; Тарасов и др., 2004а). В Пермском крае встречается в южных районах, довольно редок (Рябицев, 2001а; Шепель, Фишер, 2004). В Кунгурской лесостепи в гнездовое время самка поручейника была найдена среди добычи коршуна в Кишертском районе (Шепель и др., 1981), позднее одиночных особей находили в добыче сапсанов и филинов, гнездившихся в заказнике «Предуралье» (Шепель, 1992). Гнездование установлено на Кишертских озерах (Шураков, Пантелеев, 1984; Лапушкин, Казаков, 2000). Одну птицу, проявлявшую сильное беспо-

койство, мы встретили на заболоченном лугу у д. Колпашники Кунгурского района 15 июня 2002 г.

73. Перевозчик *Actitis hypoleucos* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Обычен по берегам рек и крупных озер лесной зоны и северной лесостепи Челябинской области (Коровин, 2004), в Курганской области редок (Тарасов и др., 2004а). В Пермском крае обычен и распространен повсеместно (Шепель, Фишер, 2004), в том числе и в районах Кунгурской лесостепи. Характерный вид речных долин, особенно р. Ирени и ее притоков. Часто встречается на крупных пойменных озерах-старицах.

Численность. В мае 1994 г. на 10-километровом участке нижнего течения р. Сылвы нами отмечено 7 пар перевозчиков. В Кишертском районе в заболоченной пойме р. Лек при впадении ее в р. Сылву плотность населения оценена в 8 особей на 1 км² (Пантелеев, Полушкина, 1989).

74. Мородунка *Xenus cinereus* (Guldenstadt, 1775)

Статус. Немногочисленный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. В лесостепных районах Южного Урала и Зауралья редок на гнездовании (Коровин, 2004; Тарасов, 2004; Тарасов и др., 2004а; Захаров, 2006). В Пермском крае чаще встречается в северных районах (Воронцов, 1949; Шепель, Фишер, 2004), южнее возможно спорадичное гнездование в подходящих местообитаниях. В Кунгурской лесостепи токующие кулички отмечены в Вяткинском заказнике (Наумкин, Демидова, 2002; Наумкин, 2005а). Гнездование установлено на Кишертских озерах (Лапушкин, Казаков, 2000).

75. Круглоносый плавунчик *Phalaropus lobatus* (Linnaeus, 1758)

Статус. Немногочисленный пролетный вид.

Распространение. Обычен на пролете в степных и лесостепных районах Зауралья (Коровин, 2004; Тарасов и др., 2004а; Захаров, 2006).

В Кунгурской лесостепи встречается на весеннем и осеннем пролете, но, по-видимому, в небольшом числе или не ежегодно. Стаю примерно в 50 особей мы наблюдали 10 июня 1994 г. на Кишертских озерах. Кулички плавали рядом с сидящими на воде птенцами озерных чаек, время от времени взлетали и вновь садились на воду. 12 августа 2003 г. там же видели пролетную стайку из 6 особей (Чуприянов и др., 2004).

76. Турухтан *Philomachus pugnax* (Linnaeus, 1758)

Статус. Немногочисленный пролетный, возможно, гнездящийся перелетный вид.

Распространение. В зональной степи и лесостепи Зауралья – обычный или многочисленный пролетный вид. Гнездование спорадично, известно лишь для нескольких пунктов Челябинской и Курганской областей (Коровин, 2004; Тарасов и др., 2004а; Захаров, 2006). В Пермском крае – немногочисленный гнездящийся вид (Воронцов, 1949; Шепель, Фишер, 2004), в том числе и в южных районах. В Кунгурской лесостепи в настоящее время скорее пролетный – в 1995 и 2003 гг. мы наблюдали группы токующих самцов (до 12 особей) в Вяткинском заказнике. В качестве гнездящегося в долине р. Сылвы турухтан указан Е.М. Воронцовым (1949).

77. Кулик-воробей *Calidris minuta* (Leisler, 1812)

Статус. Немногочисленный пролетный и кочующий (в гнездовое время) вид.

Распространение. Обычный или многочисленный пролетный вид в степном и лесостепном Зауралье (Коровин, 2004; Тарасов и др., 2004а; Захаров, 2006), так же, как и в Пермском крае (Шепель, Фишер, 2004). В прошлом ошибочно считался гнездящимся (Ушков, 1927; Во-

ронцов, 1949). Мы наблюдали этих мелких песочников только на Кишертских озерах.

78. Белохвостый песочник *Calidris temminckii* (Leisler, 1812)

Статус. Редкий пролетный вид.

Распространение. Обычен на пролете в степном и лесостепном Зауралье (Коровин, 2004; Тарасов и др., 2004а; Захаров, 2006). В Пермском крае обычно встречается на Камском водохранилище на весеннем и осеннем пролете (Воронцов, 1949; Шепель, Фишер, 2004). В пределах Кунгурской лесостепи пролет выражен слабо. Отмечался на Кишертских озерах (Лапушкин, Казаков, 2000).

79. Бекас *Gallinago gallinago* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Редкий в степных, обычный в лесостепных и лесных районах Зауралья вид (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае распространен практически повсеместно (Шепель, Фишер, 2004). Один из наиболее многочисленных видов среди куликов.

В районах Кунгурской лесостепи – обычный гнездящийся вид. Высокая концентрация бекасов отмечена нами в поймах озер Дикое и Бражное и в пойме р. Дикой (Вяткинский заказник). С 3 по 8 мая 1994 г. здесь регистрировали многочисленных токующих самцов. Отмечали как токовые полеты с характерным "блеянием", так и брачную вокализацию особей, сидящих на столбах ЛЭП, ограде выгона и вершинах елей (Наумкин, Демидова, 2002). В окрестностях с. Усть-Кишерть бекасы многочисленнее всего на Каравашке - серии озер выше устья р. Кишертки. Пары и одиночные птицы отмечены также на сырых разнотравно-злаковых и осоковых лугах в долине р. Ирень (с. Ленск – д. Змеевка, Кунгурский район) и ее притока Сухой Телес (Уинский район).

80. Дупель *Gallinago media* (Latham, 1787)

Статус. Редкий, возможно гнездящийся, перелетный вид. Внесен в Приложение Красной книги России.

Распространение. Редкий вид, численность которого на протяжении XX в. неуклонно сокращалась (Куклин, 1938; Шепель и др., 1995). Спорадично встречается по всему степному и лесостепному Зауралью (Коровин, 2004), гнездится в горах Южного Урала (Захаров, 2006). В Пермском крае спорадично распространен по всей территории. В пределах Кунгурской лесостепи пролетные особи отмечались в Кишертском районе; здесь же дупель предположительно гнездится (Лапушкин, Казаков, 2000).

81. Вальдшнеп *Scolopax rusticola* Linnaeus, 1758

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Обычен в горных лесах Южного Урала (Кириков, 1952; Ильичев, Фомин, 1988; Захаров, 2006), гораздо реже встречается в островных борах и колках лесостепного Зауралья (Тарасов и др., 2004а). В Пермском крае – обычный гнездящийся вид, распространенный по всей территории (Шепель, Фишер, 2004). Мы отмечали токующих самцов в Вяткинском заказнике, в пойме р. Сухой Телес (Уинский район) и в других подходящих местообитаниях Кунгурской лесостепи в 1994-2006 гг.

82. Большой кроншнеп *Numenius arquata* (Linnaeus, 1758)

Статус. Немногочисленный, возможно гнездящийся, перелетный вид. Занесен в Красную книгу России (II категория редкости).

Распространение. В большинстве районов зональной лесостепи Башкирии и Зауралья – редкий, единично гнездящийся вид (Ильичев, Фомин, 1988; Коровин, 2004; Тарасов и др., 2004а). Относительно обычен по сырým низинам восточных предгорий Южного Урала (Захаров, 2006). В Пермском крае – немногочисленный гнездящийся вид, распространенный по всей территории (Шепель, Фишер, 2004). В

Кунгурской лесостепи чаще всего мы наблюдали его на весеннем пролете. В 2003-2004 гг. стайки по 4-5 особей отмечены в Вяткинском заказнике и по суходольным лугам в окр. д. Подпавлиново (Кишертский район). В мае и начале июня 2006 г. стайки больших кроншнепов (6-8 птиц) встречены на суходольных лугах по р. Сылве (с. Каширино – д. Усть-Мечка) и на р. Ирени (д. Змеевка). В летнее время (июнь-июль 2006 г.) единичные птицы, проявляющее гнездовое появление, отмечены на озерах в окрестностях д. Закурья и на полях у д. Мыльники, в июне 2007 г. то же наблюдали на самом крупном острове р. Сылвы, напротив д. Усть-Мечка (Кунгурский район). Здесь очень вероятно гнездование. На осеннем пролете кроншнепов наблюдали под Кишертью (Лапушкин, Казаков, 2000). Экземпляр коллекции Кунгурского музея добыт также осенью, в сентябре 2000 г., на р. Ирени в окр. д. Теплой Кунгурского района (инв. № НВ 3502/1).

83. Средний кроншнеп *Numenius phaeopus* (Linnaeus, 1758)

Статус. Очень редкий, по-видимому, пролетный вид. Занесен в Красную книгу Пермского края (III категория редкости).

Распространение. В зональной степи и лесостепи Башкирии и южного Зауралья встречается южный подвид среднего кроншнепа *N. phaeopus alboaxillaris*, существование гнездовой группировки которого подтверждено сравнительно недавно (Морозов, 1998; Захаров, 2006; Коблик и др., 2006). В северной лесостепи Курганской области обычен на пролете северный подвид *N. phaeopus phaeopus* (Тарасов и др., 2004а). Он же в небольшом количестве гнездится в северных районах Пермского края (Шепель, Фишер, 2004). В Кунгурской лесостепи встречаются пролетные птицы. По литературным данным (Казаков и др., 2003), одиночная птица и пара встречены в 2002-2003 гг. соответственно в Октябрьском и Уинском районах. Единственная встреча нами пары средних кроншнепов случилась на длинном пойменном

озере в долине р. Сылвы напротив д. Курманаево Кунгурского района в мае 1995 г. (Наумкин, Демидова, 2002).

84. Большой веретенник *Limosa limosa* (Linnaeus, 1758)

Статус. Малочисленный, нерегулярно гнездящийся, перелетный вид. Внесен в Приложение Красной книги России.

Распространение. В степных и лесостепных районах Башкирии, Челябинской и Курганской областей – обычный или многочисленный гнездящийся вид, иногда образующий колониальные поселения (Коровин, 2004; Тарасов и др., 2004а; Захаров, 2006). В Пермском крае – малочисленный, спорадично распространенный и гнездящийся вид (Ушков, 1927; Шепель, Фишер, 2004).

В Кунгурской лесостепи встречается редко. Один экземпляр обнаружен в 1985 г. в добыче сапсана в Кишертском районе (Шепель, 1992). Стайка пролетных (6 особей) птиц встречена на заболоченном лугу с лужами на окр. пос. Нагорный (г. Кунгур) 29.08.2010 г. По данным В.А. Лапушкина и В.П. Казакова (2000), с 1996 г. отдельные пары гнездятся на Кишертских озерах. В коллекции Кунгурского музея есть два чучела (в зимнем и летнем оперении, инв. №№ ИК 63, 68), датированные 1948 и 1949 гг., без указаний мест добычи.

85. Степная тиркушка *Glareola nordmanni* J.G. Fischer, 1842

Статус. Вероятно, залетный вид.

Распространение. В лесостепном и степном Зауралье – немногочисленный, лишь местами обычный гнездящийся вид (Куклин, 1995; Блинова, Блинов, 1997; Коровин, 2004; Тарасов и др., 2004а; Захаров, 2006).

В коллекции Кунгурского музея есть чучело (инв. № ИК 120), датированное 1948 г., без указания точного места добычи. Числилась как «луговая тиркушка» (Наумкин, 2001а).

86. Малая чайка *Larus minutus* Pallas, 1776

Статус. Немногочисленный гнездящийся, перелетный вид. Внесен в Приложение Красной книги Пермского края.

Распространение. Обычный гнездящийся вид степных и лесостепных районов Южного Зауралья, известны колонии в 150-200 пар (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае – немногочисленный, спорадично распространенный и гнездящийся вид (Шепель, Фишер, 2004). Для территории Кунгурской лесостепи впервые указан С.Л. Ушковым (1927). Мы наблюдали птиц (не ежегодно) на озерах в нижнем течении р. Сылвы, без признаков гнездования. На Кишертских озерах гнездится (наши наблюдения 1996 г.; Лапушкин, Казаков, 2000; Чуприянов и др., 2004). Отмечена и на Суксунском пруду.

87. Озерная чайка *Larus ridibundus* Linnaeus, 1766

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Обычный гнездящийся, местами многочисленный

Рис. 24. Кладка озерной чайки
(Кишертские озера).

Фото С.В. Чуприянова

вид по всему Уральскому региону (Рябицев, 2001а). В Пермском крае – немногочисленный, спорадично распространенный вид, больше характерный для южных районов (Шепель, Фишер, 2004). В Кунгурской лесостепи крупные, давно известные колонии имеются на

Кишертских озерах (рисунок 24) и Чаечном озере (Шураков и др., 1981; 1985; Лапушкин, Казаков, 2000; Чуприянов и др., 2004). Кроме того, небольшие поселения (возможно, нерегулярные, с невысоким успехом размножения) выявлены нами в низовьях р. Сылвы (Наум-

кин, Демидова, 2002) и в Ординском районе. Мы находили озерных чаек среди добычи филина и сапсана.

88. Халей *Larus heuglini* Bree, 1876

Статус. Редкий залетный вид.

Распространение. В Башкирии, степном и лесостепном Зауралье бывают редкие залетные птицы (Торгашов, 2004; Кузьмич и др., 2005).

В список орнитофауны Кунгурской лесостепи этот вид внесен на основании встречи пары птиц на оз. Кислое (Кишертские озера) 23 апреля 1992 г. (Лапушкин, Казаков, 2000).

89. Хохотунья *Larus cachinnans* Pallas, 1811

Статус. Редкий пролетный и кочующий вид.

Распространение. Немногочисленный гнездящийся вид степных и лесостепных районов Зауралья. Относительно обычна лишь на крупных (пресных и соленых) озерах Челябинской и Курганской областей (Тарасов и др., 2001; 2003; 2004б; Захаров, 2006). В Пермском крае была и остается редкой пролетной (Ушков, 1927), изредка гнездящейся (Болотников, Каменский, 1988) птицей. В районах Кунгурской лесостепи встречи чаек известны в нижнем течении р. Сылвы (Наумкин, 2004а; Шепель, Фишер, 2004).

90. Сизая чайка *Larus canus* Linnaeus, 1758

Статус. Немногочисленный гнездящийся, пролетный и кочующий вид.

Распространение. В лесостепном Зауралье – обычный гнездящийся вид, более редка в предгорьях Южного Урала и степных районах (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае – обычный гнездящийся вид (Шепель, Фишер, 2004), чего, однако, нельзя сказать о районах Кунгурской лесостепи. Одиночные птицы и группы (3-4, до 10 особей) встречались в гнездовое время почти ежегодно в Сылвен-

ском заливе Камского водохранилища, на Вяткинских и Кишертских озерах (Лапушкин, Казаков, 2000; Наумкин, Демидова, 2002).

Рис. 25. Гнездо черной крачки
(Кишертские озера)
Фото А.В. Рыбкина

91. Черная крачка
Chlidonias niger (Linnaeus,
1758)

Статус. Малочисленный, нерегулярно гнездящийся, перелетный вид.

Распространение.

Обычный гнездящийся вид пресных и солоноватых озер Башкирии (Ильичев, Фомин,

1988) и лесостепного Зауралья (Захаров, 2006). В Пермском крае редка, распространение и гнездование спорадичны (Шепель, Фишер, 2004).

В Кунгурской лесостепи единичные пары гнездятся на Кишертских озерах (Болотников и др., 1989; Лапушкин, Казаков, 2000; рисунок 25) и Суксунском пруду. Численность стабильно низкая.

92. Белокрылая крачка *Chlidonias leucopterus* (Temminck,
1815)

Статус. Малочисленный, нерегулярно гнездящийся, перелетный вид. Внесен в Приложение Красной книги Пермского края.

Распространение. Обычный гнездящийся вид пресных и солоноватых озер лесостепного Зауралья, превосходящий по численности предыдущий (Захаров, 2006), в Башкирии редка (Ильичев, Фомин, 1988). В Пермском крае гнездится, главным образом, в районах Кунгурской лесостепи.

В Вяткинском заказнике этот вид был отмечен еще в начале 1980-х гг. (Еремченко, Возжаев, 1984), однако в сводку «Животный мир Прикамья» не включен (Болотников и др., 1989). По нашим дан-

ным, в низовьях р. Сылвы образует немногочисленные (5-10 пар), и, по-видимому, не постоянные колонии (Наумкин, Демидова, 2002). На Кишертских озерах гнездование носит более стабильный характер, численность выше, чем у предыдущего вида – до 20-40 пар в разные годы (Лапушкин, Казаков, 2000). Основные места гнездования располагаются на мелководьях и сплавинах озер Кислое и Травяное, общая площадь которых, по данным К.А. Горбуновой (1965), составляет примерно 0,1 км². В целом проявляется тенденция к общему снижению численности вида в южных районах края (Шепель, 2000б).

93. Речная крачка *Sterna hirundo* Linnaeus, 1758

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Рис. 26. Гнездо черной крачки
(Кишертские озера)
Фото А.В. Рыбкина

Распространение.

Обычный, местами многочисленный гнездящийся вид всего Уральского региона (Рябицев, 2001а), в том числе и Пермского края (Ушков, 1927; Воронцов, 1949; Болотников и др., 1989; Шепель, Фишер, 2004). Гнездится во многих пунктах Кунгурской лесостепи

(Болотников и др., 1989; Лапушкин, Казаков, 2000; Наумкин, Демидова, 2002; рисунок 26).

94. Малая крачка *Sterna albifrons* Pallas, 1764

Статус. Редкий перелетный вид, занесенный в Красную книгу России (II категория редкости). Для территории Кунгурской лесостепи статус не определен.

Распространение. В лесостепных районах Зауралья известны редкие встречи птиц, в основном по крупным озерам (Захаров, 2006). В целом в лесостепном Зауралье современный характер пребывания

не выяснен (Поляков, 2009). В Пермском крае все известные ранее встречи вида относятся к магистральным рекам – Каме (Воронцов, 1949) и Вишере, причем гнездовые находки относятся исключительно к Вишерскому краю (Шепель и др., 1998; Шепель, Фишер, 2004). Одиночная токующая птица наблюдалась на р. Сылве у д. Агафонково (Суксунский район) 6 июня 2003 г. (Казаков и др., 2003). В Кунгурском музее есть экземпляр неизвестного происхождения (инв. № НВ 3585).

95. Тонкоклювая кайра *Uria aalge* (Pontoppidan, 1763)

Статус. Случайно залетный вид.

Две истощенные птицы были найдены на р. Сылве ниже г. Кунгура в середине октября 1983 г. (Шепель и др., 1987).

Отряд Голубеобразные – *Columbiformes*

96. Вяхирь *Columba palumbus* Linnaeus, 1758

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Встречается по всем природным зонам Уральского региона, в большинстве районов обычен (Рябицев, 2001а). В Пермском крае широко распространен, особенно по поймам и перелескам (Воронцов, 1949).

Гнездование. В районах Кунгурской лесостепи мы часто наблюдали гнездование вяхирей в пойменных угодьях, например, в ольшаниках Вяткинского заказника или в заболоченных перелесках (ивняк с редкими березами и елями) в долине р. Ирени. Найденные гнезда располагались на елях, ивах и тополе.

Численность. Плотность населения вяхиря в лесных биотопах, где он отмечен на маршрутных учетах, составила для елово-мелколиственных и смешанных лесов 7 особей на 1 км², в парковых березняках – 4 особи на 1 км². Это значительно выше показателей, полученных в аналогичных биотопах зональной лесостепи (Захаров,

2006), и сопоставимо с данными для Сысертского района Свердловской обл. (Коровин, 2004).

97. Клинтух *Columba oenas* Linnaeus, 1758

Статус. Немногочисленный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Встречается по всем природным зонам Уральского региона (Рябицев, 2001а), чаще немногочислен, местами обычен. В Пермском крае встречается в основном в южных и центральных районах (Шепель, Фишер, 2004).

Мы этот вид наблюдали редко. Несколько птиц постоянно держались на скальных обнажениях по берегу р. Шаквы в окр. заброшенной д. Грибушино (Березовский район) в июне 2005 г. Стайки (до десятка особей) регулярно кормятся на убранных полях и обочинах дорог со второй половины лета (июль-август).

98. Сизый голубь *Columba livia* J.F. Gmelin, 1789

Статус. Обычный гнездящийся, оседлый синантропный вид.

Распространение. Колонии диких сизых голубей, известные на Южном Урале с конца XIX в., кое-где сохранились до наших дней (Ильичев, Фомин, 1988). Подавляющая часть популяций Уральского региона в настоящее время относится к облигатно синантропным (Коровин, 2004).

В Кунгурской лесостепи сизый голубь обитает в большинстве населенных пунктов. В июле 1995 г. мы наблюдали пару голубей (с признаками гнездового поведения) на камне Лобач (Кишертский район). В прошлом Е.М. Воронцов (1949) предполагал гнездование диких сизых голубей на рифовых известняках долины р. Сылвы (заказник «Предуралье»).

Численность. В г. Кунгуре составила 200-260 особей на 1 км². В сельских населенных пунктах значительно ниже. Так, на территории Белогорского монастыря (Кунгурский район) в 2007 г. постоянно обитало 20-40 птиц.

99. Обыкновенная горлица *Streptopelia turtur* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Обычна во всех природных зонах Уральского региона (Рябицев, 2001а), однако плотность населения уменьшается с севера на юг, достигая минимума в южных степных районах Зауралья (Коровин, 2004). Встречается почти по всей территории Пермского края, постепенно расселяется в северо-восточном направлении (Шепель, Фишер, 2004).

Численность. В Кунгурской лесостепи отмечена в учетах в елово-мелколиственных и березовых лесах в 1994-2006 гг. Плотность населения – в среднем 1 пара на 1 км², что несколько ниже литературных данных для аналогичных станций зональной лесостепи Зауралья (Захаров, 2006). Встречалась в добыче филина. В последнее время численность сокращается. Предложена к включению в новое издание Красной книги России.

Отряд Кукушкообразные – Cuculiformes

100. Обыкновенная кукушка *Cuculus canorus* Linnaeus, 1758

Статус. Обычный перелетный вид.

Распространение. Широко распространена во всех природных зонах Уральского региона (Рябицев, 2001а), в том числе и на территории Пермского края (Шепель, Фишер, 2004).

В Кунгурской лесостепи кукушка отмечена в самых разных лесных станциях, в основном – в смешанных лесах и остепненных березняках, а также в пойменных ольшаниках и ивняках. Кроме того, птиц наблюдали в открытой пойме р. Сылвы (таблица 3). В Вяткинском заказнике в 1994 г. первая регистрация голоса отмечена 5 мая при наблюдениях с 3 мая (Наумкин, Демидова, 2002). Близкие сроки приводятся в литературе для южных районов Свердловской обл. (Коровин, 2004) и для района наших исследований (Фуфаева, 2006). В 2010 г. две птицы отмечены на Ледяной горе уже 24 апреля.

101. Глухая кукушка *Cuculus (saturatus) optatus* Gould, 1845

Статус. Обычный перелетный вид.

Распространение. Встречается по всему Уральскому региону (Рябицев, 2001а), в том числе в Пермском крае (Шепель, Фишер, 2004).

В районах Кунгурской лесостепи этот вид встречался нам несколько реже, чем обыкновенная кукушка. Считалось, что глухая кукушка – обитатель глухих таежных лесов (Ушков, 1927). Судя по нашим наблюдениям, она обитает в тех же биотопах, что и предыдущий вид (таблица 3), при этом не избегает изолированных лесных фрагментов незначительной площади (например, в окр. д. Закурья в Кунгурском районе, в окр. д. Чекарда Суксунского района, в окр. д. Барсаи Уинского района). Не встречалась лишь в сосновых посадках и пойменных зарослях.

Таблица 3 – Биотопическое распределение кукушек (% - доля в населении, * - птицы, отмеченные вне учетных маршрутов)

Биотоп	Обыкновенная кукушка	Глухая кукушка
Хвойно-широколиственные леса	2,4%	1,7%
Елово-мелколиственные леса	*	*
Травяные и «горные» сосняки	2%	*
Сосновые посадки	2,5%	-
Парковые березняки	1,9%	2,1%
Пойменный ольшаник	*	-
Открытая пойма р. Сылвы с редкими кустами	*	*

Отряд Совообразные – Strigiformes

102. Белая сова *Nyctea scandiaca* (Linnaeus, 1758)

Статус. Немногочисленный кочующий в осенне-зимний период (зимующий) вид.

Распространение. Во многих районах Южного Урала и лесостепного Зауралья регистрируют зимующих особей (Ильичев, Фомин,

1988; Блинова, Блинов, 1997; Захаров, 2006). В Пермском крае – немногочисленный зимующий вид.

Собственных наблюдений в Кунгурской лесостепи мы не имеем. По устным сообщениям, сов неоднократно встречали в г. Кунгуре в зимнее время. А.И. Шепель (1992) нашел останки молодой белой совы в добыче филина в Кишертском районе в 1979 г. Экземпляр коллекции Кунгурского музея (молодая птица, инв. № ИК 4554/11) добыт 31 января 1980 г. в Кунгурском районе.

103. Филин *Bubo bubo* (Linnaeus, 1758)

Статус. Редкий, возможно, гнездящийся, оседлый вид. Занесен в Красную книгу России (II категория редкости).

Распространение. Широко распространен в степной и лесостепной зоне Зауралья и в горах Южного Урала (Кириков, 1952; Ушков, 1993), однако в настоящее время повсеместно редок, а выявленные случаи гнездования единичны (Захаров, 2006). В Прикамье с XIX в. до середины XX в. считался обычной, широко распространенной птицей (Сабанеев, 1874; Ушков, 1927; Воронцов, 1949). В настоящее время численность филина сокращается, хотя он по-прежнему широко распространен по территории края (Шепель, 1992; Шепель и др., 1994).

В районе наших исследований птиц вне пределов гнездовых территорий наблюдали редко. В октябре 1995 г. филин (видимо, молодая кочующая особь) обнаружен на бетонированной заглубленной в склон площадке у выхода из Кунгурской Ледяной пещеры (устн. сообщ. Н.Н. Козловой). Взрослых птиц, держащихся возле гнездовой ниши, в последний раз пришлось наблюдать в июне 1996 г.; одна из птиц другой пары, гнездящейся ближе к г. Кунгуру, разбилась о провода ЛЭП в д. Подкаменное примерно в середине 1990-х гг. (устн. сообщ. В.М. Поповой). Еще одну птицу в те же годы убили на р. Ирени (окр. д. Кокуй). Экземпляры коллекции Кунгурского музея (инв. №№

ИК 654 и 3245/1) добыты в Кунгурском районе в 1954 и 1971 гг. Обследование известных нам ранее гнездовых территорий показало, что в настоящее время они заняты сапсаном.

Гнездование. Оценка условий гнездования филинов в нижнем течении р. Сылвы была произведена нами в весенне-летний период 1994-1996 гг. На 70-километровом отрезке реки от г. Кунгура до с. Серга в то время гнездились четыре пары птиц. Они занимали участки правого коренного берега р. Сылвы в окрестностях деревень Подкаменное, Обухово, Зуята и Закурья. Посещаемость этих участков местными жителями и туристами довольно низкая. Гнезда располагались на среднеступных гипсовых скалах с характерной горно-степной растительностью, в нишах западной и юго-западной экспозиции. Ко всем нишам был обеспечен свободный подлет.

В пределах протяженной Подкаменной горы, на гипсовой стенке ниже Рассохинского лога выявлены две ниши, расположенные на расстоянии около 200 м друг от друга. В июле 1994 г. в них обнаружены старые подстилки, в одной – свежий помет, в другой – свежее перо. В районе дальней от лога ниши найден мертвый птенец прошлого года. Скорее всего, птицы не приступали в 1994 г. к гнездованию, однако держались на гнездовом участке. В июне 1995 г. в этой нише находился крупный птенец в контурном пере, слетевший при нашем появлении в пойму, откуда его пришлось возвращать назад. В 1996 г. ни птиц, ни признаков гнездования здесь не обнаружено.

Обуховская пара филинов гнездилась в глубокой нише под корнями сосны в верхней части гипсового обнажения, недалеко от трассы г. Кунгур – с. Насадка. 29 июня 1994 г. в нише обнаружена гнездовая подстилка с двумя отчетливыми ямками, свежий помет и пуховые перья. Очевидно, птицы успешно гнездились, но уже покинули участок гнездования. В 1995 г., 10 мая, в окрестностях ниши были собраны 11 погадок, принадлежавших, по-видимому, взрослым птицам, которые в

этом году не гнездились. В июне 1996 г. филины держались тут же, к гнездованию не приступали.

Зуятская пара, судя по описанию, предоставленному А.И. Шепелем, также гнездилась в прежней гнездовой нише. 16 августа 1994 г. здесь найдена мощная многолетняя подстилка, скорлупа. Следов пребывания выводка вокруг не обнаружено, однако в 1 км ниже по течению р. Сылвы весь склон был усыпан поедями и погадками. Ночью слышали крик птенца. 12 мая 1995 г. в этой же гнездовой нише найдены два маленьких птенца, еще одетых в белый пуховый наряд. Рядом с ними находились принесенные родителями тушки свистунка и красношейной поганки. В 1996 г. этот участок мы не проверяли.

Закурьинская пара в мае 1994 г. реагировала на магнитофонную запись со склона ниже д. Закурья. На противоположном берегу, в окрестностях д. Щелканы (Вяткинский заказник), в елово-мелколиственном лесу с выходами гипсов по склону найдено скопление свежих погадок при отсутствии подходящих ниш. Очевидно, здесь располагалась на дневку одна из птиц. Старое гнездо на скалах выше д. Закурья, известное с 1989 г., не найдено, несмотря на подробное описание. Этот участок изобилует свежими оползнями, возможно, из-за них произошло перемещение пары вниз по течению реки. В 1995 г. единичные погадки были собраны еще ниже по течению р. Сылвы, почти напротив д. Щелканы. Самих птиц не видели, так же, как и в 1996 г., однако, по словам местных жителей, в 1995 г. они неоднократно наблюдали двух филинят, кочующих по береговому сосняку в районе водокачки с. Серга.

Питание. В 1994 и 1995 годах мы собрали материалы, характеризующие трофические связи филина в условиях долинных экосистем р. Сылвы (таблицы 4, 5). Результаты их обработки опубликованы (Наумкин, 1995; 2006).

Таблица 4 – Состав добычи филина в 1994 г., Кунгурский район, %

Вид добычи	Участок				Среднее
	Подкаменное	Обухово	Зуята	Закурья	
Млекопитающие:	75,0	91,0	80,7	98,0	89,1
Обыкновенный крот	-	-	1,1	-	0,4
Обыкновенная бурузубка	-	-	1,1	-	0,4
Серая крыса	20,0	32,1	23,1	3,1	17,1
Мышь (ближе не определяется)	-	1,8	2,3	4,1	2,7
Обыкновенный хомяк	25,0	5,7	7,0	-	5,4
Рыжая полевка	-	-	-	1,0	0,4
Лесная полевка (бл. не опр.)	-	3,9	1,1	1,0	2,3
Ондатра	-	-	1,1	-	0,4
Водяная полевка	5,0	3,9	18,5	1,0	7,8
Обыкновенная полевка	25,0	41,8	24,3	84,7	51,0
Полевка-экономка	-	-	1,1	-	0,4
Ласка	-	1,8	-	3,1	1,6
Птицы:	25,0	7,2	19,3	1,0	10,1
Утка (бл. не опр.)	-	1,8	1,1	-	0,8
Озерная чайка	-	-	1,1	-	0,4
Горлица	-	1,8	1,1	1,0	1,2
Ушастая сова	10,0	1,8	8,1	-	3,9
Воробьиный сыч	-	-	1,1	-	0,4
Обыкновенная неясыть	-	-	2,3	-	0,8
Бородатая неясыть	-	-	1,1	-	0,4
Сорока	5,0	-	1,1	-	0,8
Птицы (бл. не опр.)	10,0	1,8	2,3	-	1,6
Земноводные:	-	1,8	-	1,0	0,8
Лягушка (бл. не опр.)	-	1,8	-	1,0	0,8
Всего объектов	20	53	87	98	258

Основу питания филина в Кунгурском районе составляет обыкновенная полевка. На ее долю приходится 81,6% всей добычи. Это характерно для всей территории Кунгурской лесостепи (Шепель, 1992). Среди добытых зверьков доминируют 5-6-месячные особи, и в основном самки (69,1%).

Сравнивая данные 1994 и 1995 гг., можно отметить увеличение доли обыкновенной полевки и сокращение числа серых крыс в рационе филина. Обыкновенных хомяков в основном по-прежнему добывала лишь пара, гнездившаяся на Подкаменной горе. Мышь-малютка, считающаяся редким видом териофауны края (Акимов, 2002), пред-

ставлена в рационе филина в том же числе, что и массовые виды грызунов.

Таблица 5 – Состав добычи филина в 1995 г., Кунгурский район, %

Вид добычи	Участок				Среднее
	Подкаменное	Обухово	Зуята	Щелканы	
Млекопитающие:	100,0	99,2	85,2	100,0	97,5
Серая крыса	11,1	4,1	-	2,3	3,5
Малая лесная мышь	-	1,6	3,7	-	1,5
Мышь-малютка	-	2,5	-	-	1,5
Мышь (ближе не определяется)	-	3,3	-	9,3	3,9
Обыкновенный хомяк	33,3	-	-	-	1,5
Водяная полевка	-	2,5	-	-	1,5
Обыкновенная полевка	55,6	83,6	77,8	81,4	81,6
Полевка-экономка	-	0,8	3,7	7,0	2,5
Птицы:	-	0,8	14,8	-	2,5
Красношейная поганка	-	-	3,7	-	0,5
Чирок-свистунок	-	-	3,7	-	0,5
Мохноногий сыч	-	-	3,7	-	0,5
Ворон	-	0,8	-	-	0,5
Птицы (бл. не опр.)	-	-	3,7	-	0,5
Всего объектов	9	122	27	43	201

Кроме того, среди пищевых объектов в 1995 г. отсутствуют насекомоядные (кроты, бурозубки) и хищные млекопитающие. Последние были представлены в добыче пар, населяющих Кунгурский район, главным образом, лаской и домашними кошками. Также сократилось и количество птиц, обычно составляющих в питании десятую часть (Шепель, 1992; Наумкин, 1995). Интересен их видовой состав: в 1994 г. это были, главным образом, совы (бородатая, серая неясыти, ушастая сова, воробьиный сыч), а также водоплавающие и врановые; в 1995 г. найдены представители тех же групп, но в меньшем количестве. Не было в 1995 г. среди добычи филина и остатков земноводных, хотя раньше в питании кунгурских пар были отмечены лягушки.

Численность. В Кунгурской островной лесостепи, по данным А.И. Шепеля (1992), еще недавно гнездились около 20 пар. К сожалению

нию, на сегодняшний день в окрестностях г. Кунгура филин, по-видимому, исчез на гнездовании, хотя еще в середине 1990-х годов по берегам р. Сылвы отмечали гнездящиеся пары (Наумкин, Демидова, 2002). В те годы плотность населения на этой территории, по нашим расчетам, составляла 0,2 пары на 100 км².

104. Ушастая сова *Asio otus* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. На Южном Урале и в лесостепном Зауралье в большинстве районов – обычный гнездящийся вид (Ильичев, Фомин, 1988; Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае в прошлом считалась обычной птицей южных районов (Ушков, 1927; Воронцов, 1949), в настоящее время встречается практически по всей территории и является самой обычной из сов (Шепель, 1992). В районах Кунгурской лесостепи многочисленна, как и на всей освоенной в сельскохозяйственном отношении территории Пермского края (Демидова, 1994).

Гнездование. Гнездится в самых разнообразных лесных стациях. В начале мая 1994 г. в ельнике северо-западнее д. Щелканы (Кунгурский район) найдены по скоплениям погадок два участка, занятых совами, на которых имелись пригодные для гнездования постройки врановых. Кладки еще не были начаты. С противоположного берега р. Сылвы, поросшего елово-пихтовым лесом, пара сов отзывалась на воспроизведение магнитофонной записи в сумерки. На опушке ленточного березняка в районе д. Усть-Мечка 10 июня 1995 г. в развилке ствола березы найдено гнездо с птенцами в трехнедельном возрасте. В конце июля 1995 г. в долине р. Сылвы на отрезке между д. Подкаменное и д. Кинделино учтено три выводка хорошо летающих птенцов. Два участка гнездования располагались в пойменном ольшанике, причем один – на территории редко используемой базы отдыха. Третий гнездовой участок был приурочен к высокоствольному сосняку на

Рис. 27. Слеток ушастой совы
(г. Кунгур)
Фото В.А. Алексеенко

правом берегу реки. В июле 2005 г. гнездование впервые отмечено в парке у входа в Кунгурскую Ледяную пещеру (рисунок 27), повторное гнездование отмечено здесь же и в 2006 г., в 2007 г. гнездящаяся пара переместилась в пойму р. Сылвы. На Ледяной горе совы регулярно

гнездятся в сосновых посадках и снегозащитных полосах вдоль дорог (устн. сообщ. В.А. Лапушкина). Количество птенцов в выводках в пяти случаях достоверно полного учета было 2, 3, 3, 3 и 2. Часто встречается в добыче филина (таблица 4).

Численность. Составляет 56,7% общего населения совообразных с плотностью 6 пар на 100 км² (таблица 20).

105. Болотная сова *Asio flammeus* (Pontoppidan, 1763)

Статус. Немногочисленный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. На большей части территории степного и лесостепного Зауралья и Башкирии обычна (Кириков, 1952; Ильичев, Фомин, 1988; Блинова, Блинов, 1997), в горных районах редка (Захаров, 2006). В Пермском крае в прошлом считалась более обычной, чем предыдущий вид, в южных и центральных районах (Ушков, 1927; Воронцов, 1949). В настоящее время встречается почти повсеместно, в том числе и в северо-восточных горных районах (Шепель, 1992; Шепель, Фишер, 2004; наши наблюдения 2001 г. на хребте Кваркуш).

В Кунгурской лесостепи болотная сова обычна, но немногочисленна. На территории Вяткинского заказника в 1990-е гг. мы ее не встречали (Наумкин, Демидова, 2002), в 2003 г. наблюдали активно токующих птиц (Наумкин, 2004а). В заказнике «Предуралье» отмече-

но ежегодное гнездование (Шепель, 1992). В окрестностях заказника (Кишертский район) в 1996 г. мы наблюдали гнездо с тремя совятами, устроенное в завале раскорчеванного леса в зарослях малины и крапивы посреди обширного выпаса. Одиночную сову видели над елово-мелколиственным лесом к северу от с. Каширино (Кунгурский район) в 1995 г. Экземпляр коллекции Кунгурского музея (инв. № ИК 3245/16) добыт 24 сентября 1971 г. в Березовском районе.

106. Сплюшка *Otus scops* (Linnaeus, 1758)

Статус. Редкий гнездящийся, перелетный вид. Внесен в Приложение Красной книги Пермского края.

Распространение. В лесостепном и степном Зауралье, а также в Башкирии в целом редка, но местами обычна, особенно в горных районах по приречным зарослям (Лоскутова, 1985; Ильичев, Фомин, 1988; Захаров, 2006). Северную границу гнездового ареала в настоящее время можно провести по северу Челябинской – югу Свердловской области, на основании сделанных здесь гнездовых находок (Кузьмич, 2002; Рябицев, 2005). На присутствие сплюшки в Камском Предуралье до 57° с.ш. указывал еще Л.П. Сабанеев (1874), однако в более поздних источниках она не упоминается. Недавно установлено гнездование в Кунгурской лесостепи.

По устному сообщению М.И. Демидовой, впервые сплюшка отмечена в заказнике «Предуралье» в июле 1996 г.; позднее, в 2001 г., здесь же встречалась В.А. Лапушкину (Лапушкин и др., 2003). В Уинском районе токование зарегистрировано у с. Суда в 2002-2003 гг. (Лапушкин и др., 2003) и в пойменных ольшаниках с неморальными видами в травостое у д. Барсаи в 2004 г. (наши совместные наблюдения с А.И. Шепелем и В.П. Казаковым). Выводок из двух слетков наблюдали в окрестностях с. Суда в 2003 г. (Лапушкин и др., 2003). В коллекционных описях Кунгурского музея встречаются записи о чу-

челах «сплюшек», не сохранившихся до настоящего времени. Правильность определения сомнительна.

107. Мохноногий сыч *Aegolius funereus* (Linnaeus, 1758)

Статус. Немногочисленный гнездящийся, кочующий и оседлый вид.

Распространение. В зональной лесостепи Зауралья и Башкирии – редкий, спорадично распространенный и гнездящийся вид. Встречи птиц и редкие случаи гнездования относятся в основном к горным районам (Ильичев, Фомин, 1988; Захаров, 2006). В Пермском крае мохноногий сыч является немногочисленным, широко распространенным видом (Шепель, 1992; Шепель, Фишер, 2004).

На территории Кунгурской лесостепи мы отмечали сычей в Вяткинском заказнике по крикам самцов, спровоцированных включением магнитофонной записи (Наумкин, Демидова, 2002). В июне 1996 г. останки погибшей птицы были найдены в сосновых посадках на Ледяной горе (г. Кунгур). Отмечен этот вид в добыче филина (Шепель, 1992; Наумкин, 2006). Сычи из коллекции Кунгурского музея добыты в 2001 г. в Пермском районе (инв. №№ НВ 3557, 3558).

Численность. В 1994 г. в Вяткинском заказнике составила, по нашим расчетам, 0,4 пары на 100 км².

108. Воробьиный сычик *Glaucidium passerinum* (Linnaeus, 1758)

Статус. Редкий гнездящийся, оседлый вид. Занесен в Красную книгу Пермского края (III категория редкости).

Распространение. В зональной лесостепи Зауралья и в горных районах Южного Урала – редкий, спорадично распространенный и гнездящийся вид (Ильичев, Фомин, 1988; Рябицев, 2001а; Захаров, 2006). То же можно сказать о его распространении в Пермском крае (Шепель, 1992; 2012; Шепель, Фишер, 2004). Непосредственных наблюдений у нас нет. Брачные крики самцов неоднократно слышали

в заказнике «Предуралье» в марте. Здесь же регулярно находят зимние запасы, которые птицы делают в дуплах или искусственных дуплянках (Шепель, 1992; Быков, 2004). Останки сычика найдены в добыче зуютской пары филинов (Кунгурский район) в 1994 г. (таблица 4). Экземпляр коллекции Кунгурского музея (инв. № НВ 3535) добыт в конце 1990-х гг. в Пермском районе.

109. Ястребиная сова *Surnia ulula* (Linnaeus, 1758)

Статус. Очень редкий кочующий вид. Занесен в Красную книгу Пермского края (III категория редкости).

Распространение. Известны наблюдения отдельных птиц в горных темнохвойных лесах Южного Урала (Захаров, 2006). В лесостепном Зауралье встречается крайне редко (Кузьмич и др., 2003). На территории Кунгурской лесостепи вид отмечен А.И. Шепелем (1992).

110. Серая неясыть *Strix aluco* Linnaeus, 1758

Статус. Редкий гнездящийся, оседлый вид. Занесен в Красную Книгу Пермского края (III категория редкости).

Распространение. Малочисленный вид горных и лесостепных районов Южного Урала и Зауралья, встречи и случаи гнездования единичны (Лоскутова Н., 1985; Лоскутова И., 1998; Ушков, 1993). В Пермском крае – редкий, спорадично распространенный вид, отмеченный на гнездовании в заказнике «Предуралье» в 1980 и 1983 гг. (Шепель, 1992). Непосредственных наблюдений у нас нет. Присутствие этого вида в нижнем течении р. Сылвы установлено по останкам экземпляров (не менее двух), найденных в добыче филина (таблица 4). А.А. Фуфаева (2004) наблюдала сову в зимнее время в городском сосняке г. Кунгура. В декабре 2010 г. (9-10.12.2010) неясыть держалась возле туркомплекса «Сталагмит», где охотилась на сорок (устн. общ. Н.Н. Козловой, фото).

111. Длиннохвостая неясыть *Strix uralensis* Pallas, 1771

Статус. Редкий, возможно, гнездящийся, оседлый вид.

Распространение. Встречается в основном в горных лесах Южного Урала (Ильичев, Фомин, 1988), а также по березовым колкам и островным борам лесостепного Зауралья. Численность выше, чем у предыдущего вида (Захаров, 2006). В Пермском крае также более обычна и распространена шире других неясытей, встречалась во всех геоботанических районах, в том числе в Кунгурской лесостепи (Шепель, 1992; Шепель, Фишер, 2004). В Вяткинском заказнике в 1987 г. этот вид отмечен экспедицией кафедры зоологии позвоночных ПГНИУ. Мы его не встречали, находили только линные перья (Наумкин, Демидова, 2002). В 2001 г. в краеведческий музей г. Кунгура поступил экземпляр, отстрелянный в Кишертском районе в осеннее время (инв. № НВ 3614).

112. Бородатая неясыть *Strix nebulosa* Forster, 1772

Статус. Редкий, возможно, гнездящийся, оседлый вид. Занесен в Красную книгу Пермской области (III категория редкости).

Распространение. Спорадично встречается и гнездится в лесах Южного Урала (Лоскутова, 1985; Рябицев, 1998; Захаров, 2006), изредка отмечается в северной лесостепи Зауралья (Кузьмич и др., 2003). В Пермском крае – редкий, спорадично распространенный вид с низкой численностью (Шепель, 1992). В районах Кунгурской лесостепи бородатая неясыть отмечена экспедициями кафедры зоологии позвоночных ПГНИУ (Шепель, 1992). Нами в 1994 г. в добыче филина в нижнем течении р. Сылвы найдены останки молодой особи с еще не полностью развернувшимися рулевыми перьями (таблица 4). В мае 2003 г. мы видели сову в Межевом логу на территории заказника «Предуралье».

Отряд Козодоеобразные – Caprimulgiformes

113. Обыкновенный козодой *Caprimulgus europaeus* Linnaeus, 1758

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Обычный гнездящийся вид Южного Урала,

Рис. 28. Птенец козодоя (заказник «Предуралье»).

Фото А.В. Рыбкина

степного и лесостепного Зауралья, где встречается в колках, островных борах и пойменных лесах (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае населяет всю территорию, в том числе северо-восточные горные районы (Шепель, Фишер, 2004; наши данные для Александровского района).

В Кунгурской лесостепи охотящихся птиц наблюдали в сумерках над асфальтовыми дорогами, «урчание» слышали в долине р. Ирень у д. Колпашники, с. Ленск, д. Усть-Турка. Насиживающая птица испугнута с гнезда в заросшей колее в пойме р. Дикой в Вяткинском заказнике в мае 1995 г. (Наумкин, Демидова, 2002). Гнездится в заказнике «Предуралье» (рисунок 28).

Отряд Стрижеобразные – Apodiformes

114. Черный стриж *Apus apus* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Обычен в пределах всего Уральского региона. На Южном Урале встречается в горных лесах, в Зауралье – по островным борам (Захаров, 2006). Многочислен в городах и поселках городского типа. В Пермском крае – обычный гнездящийся вид, в том числе и в естественных лесных стациях (Шепель, Фишер, 2004). В пределах Кунгурской лесостепи является, скорее, синантропным видом. Гнездится во многих, преимущественно, крупных населенных пунктах. Многочислен в г. Кунгуре.

Отряд Ракшеобразные – Coraciiformes

115. Обыкновенный зимородок *Alcedo atthis* (Linnaeus, 1758)

Статус. Редкий залетный, возможно, гнездящийся перелетный вид. Внесен в Приложение Красной книги Пермского края.

Распространение. В горных районах Южного Урала и зональной лесостепи Зауралья – редкий гнездящийся вид (Лоскутова, 1998; Куклин, 2000). В Пермском крае встречи птиц отмечены в пределах Кунгурской лесостепи на реках Сылва, Ирень, Бабка (наблюдения С.П. Чащина, А.И. Шепеля; цит. по: Шураков, 1989).

116. Золотистая щурка *Merops apiaster* Linnaeus, 1758

Статус. Редкий гнездящийся, перелетный вид. Внесен в Приложение Красной книги Пермского края.

Распространение. В зональной степи и лесостепи Башкирии и Южного Зауралья – редкий, спорадично гнездящийся вид (Ильичев, Фомин, 1988; Торгашов, 2003; Захаров, Мигун, 2001; Захаров, 2006). В Пермском крае единственное указание на гнездование золотистой щурки относилось к Куединскому району (Кузнецов, 1979; Лапушкин и др., 1995б). В 2003 г. небольшая колония из 5 пар найдена в Ординском районе на р. Б. Ашап (Лапушкин и др., 2003). При проверке этого места в июне 2004 г. нами отмечено 4 пары щурок, охотящихся над дорогой и поймой р. Б. Ашап.

Отряд Удодообразные – Upupiformes

117. Удод *Upupa epops* Linnaeus, 1758

Статус. Залетный вид.

Распространение. Встречается в зональной лесостепи Башкирии и Зауралья (Ильичев, Фомин, 1988; Лоскутова, 1998; Торгашов, 2003), однако относительно обычен и гнездится только в степных районах Уральского региона (Захаров, 2006). На территории Пермского края известны неоднократные залеты в окрестностях г. Перми (Ушков, 1927; Ананьин, 1971). В заказнике «Предуралье» отмечен 4 мая

1980 г. (Шепель и др., 1981). Здесь же удода наблюдал В.А. Алексеенко в июле 2003 г. (устн. сообщ., опознал по определителю).

Отряд дятлообразные – Piciformes

118. Вертишейка *Junx torquilla* Linnaeus, 1758

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Обычный вид лесостепной зоны Южного Урала и Зауралья (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае спорадично распространена по всей территории, за исключением сплошных лесных массивов (Воронцов, 1949; Шепель, Фишер, 2004). В районах Кунгурской лесостепи особенно характерна для пойменных ивняков и ольшаников речных долин (2-4 особи на 1 км²). Отмечена в парковых березняках (4-7 особей на 1 км²). Встречается также в монодоминантных (сосновые посадки, 7 особей на 1 км²) и смешанных искусственных насаждениях.

Гнездование. Гнездящиеся пары нередко отмечали в пойменных ивняках и ольшаниках Вяткинского заказника и его окрестностей. Отмечено гнездование в дуплянке (заказник «Предуралье»). Одно гнездо было расположено в дупле старого тополя, одиноко стоящего посреди остепненного луга по склону к р. Ирень (Кунгурский район).

119. Седой дятел *Picus canus* J.F. Gmelin, 1788

Статус. Немногочисленный, по-видимому, гнездящийся, оседлый и кочующий вид.

Распространение. Встречается в горных лесах Южного Урала (Лоскутова, 1998; Торгашов, 2003), в зональной лесостепи Зауралья редок (Захаров, 2006). В Пермском крае раньше считался довольно обычным (Сабанеев, 1874; Ушков, 1927; Воронцов, 1949), в настоящее время малочислен или редок (Шепель, Фишер, 2004). То же можно сказать и о районах Кунгурской лесостепи. В естественных биотопах в гнездовое время нами этот вид встречен только однажды – в смешанном сосново-елово-липовом лесу по склону южной экспо-

зиции в Вяткинском заказнике (Наумкин, Демидова, 2002). Значительно чаще встречали дятлов в зимнее время: неоднократно – в заказнике «Предуралье», а также в центре г. Кунгура (Наумкин, Соснин, 2002; Наумкин и др., 2004).

120. Желна *Dryocopus martius* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный, немногочисленный гнездящийся, оседлый вид.

Распространение. Наиболее обычен в горных лесах Южного Урала (Ильичев, Фомин, 1988; Торгашов, 2003). В зональной степи и лесостепи Зауралья редко встречается в островных борах и березовых колках (Захаров, 2006). В Пермском крае всеми исследователями признавался обычным (Сабанеев, 1874; Ушков, 1927; Воронцов, 1949), в настоящее время многочисленным его назвать нельзя. В районах Кунгурской лесостепи одиночных птиц встречали в елово-мелколиственных лесах заказника «Предуралье» (неоднократно), в Вяткинском заказнике (2003 г.), в смешанном елово-березово-липовом лесу за д. Мыльники Кунгурского района (2004 г.), в разреженном березняке у с. Зуята (2008 г.). Экземпляр коллекции Кунгурского музея (инв. № НВ 3536) добыт в конце 1990-х гг. в Кунгурском районе.

Гнездование. 20 июля 1994 г. в средневозрастном елово-мелколиственном лесу у р. Дикой (Вяткинский заказник) отмечено гнездовое поведение пары черных дятлов. Недоступное для осмотра дупло находилось в сухой ели высотой 22 м, на 15-метровой высоте. Птицы неоднократно посещали дупло, тревожно реагировали на появление наблюдателей в радиусе 10-15 м от гнездового дерева (Наумкин, Демидова, 2002).

121. Большой пестрый дятел *Dendrocopos major* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный гнездящийся, оседлый и кочующий вид.

Распространение. Широко распространен в лесных ландшафтах Южного Урала и Зауралья (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае – самый многочисленный представитель отряда, обычный не только в природных местообитаниях (Шепель, Фишер, 2004), но и в городских лесах и парках (Наумкин, Соснин, 2002). В Кунгурской лесостепи отмечен в самых разнообразных лесных станциях.

Численность. По данным, собранным на учетных маршрутах, плотность населения составила: в елово-мелколиственных лесах – 4-10 особей на 1 км², парковых березняках – 4-18 особей на 1 км², травяных и «горных» сосняках – 4-7 особей на 1 км². В городском сосновом бору в июне 2002 г. дятел был обычен, составляя в населении птиц более 11% (14 особей на 1 км²), позднее, в сентябре-октябре, наблюдали многочисленных молодых птиц, очень заметных на фоне общего сезонного обеднения орнитофауны. В зимнее время дятлы регулярно встречались на учетном маршруте в сосняке, составляя от 5,4% до 12,4% населения птиц в разные месяцы учета, в среднем 30 особей на 1 км² (Наумкин, Соснин, 2002). Приведенные данные вполне соответствуют как летним, так и зимним учетам в лесных станциях зональной лесостепи (Захаров, 2006).

Гнездование. Первые весенние дробы отмечены в парке у входа в Кунгурскую Ледяную пещеру с конца февраля. Гнезда дятлов неоднократно находили в дуплах берез (Спасская гора), ив (пойма р. Ирень), тополей (г. Кунгур), однако чаще всего они были недоступны для осмотра. Единственное из них, осмотренное нами, находилось на высоте 2,5 м, в верхней части обломанного ствола березы (Подкаменная гора). 20 июня 1996 г. в нем находилось пять готовых к вылету птенцов.

122. Белоспинный дятел *Dendrocopos leucotos* (Bechstein, 1803)

Статус. Немногочисленный гнездящийся, оседлый и кочующий вид.

Распространение. Довольно обычен в пойменных лесах Предуралья Башкирии (Ильичев, Фомин, 1988), а также в березово-осиновых колках и пойменных зарослях лесостепной зоны Зауралья (Захаров, 2006). В Пермском крае чаще встречается в южных районах (Шепель, Фишер, 2004).

Все встречи приурочены к пойме р. Сылвы: одна птица кормилась 10 октября 2004 г. в парке у Кунгурской Ледяной пещеры, еще одна – 29 августа 2005 г. в пойменном ивняке у подножия Ледяной горы (на американском клене). Токующих самцов отмечали в этих же местах, на деревянных опорах ЛЭП, в начале мая 2006, 2007 и 2009 гг.

123. Малый пестрый дятел *Dendrocopos minor* (Linnaeus, 1758)

Статус. Редкий гнездящийся, оседлый и кочующий вид.

Распространение. Немногочисленный вид Уральского региона, тяготеющий к лиственным лесам и пойменным зарослям. В степных и лесостепных районах встречается в долинах речек и ручьев, в колках и островных борах (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае немногочислен, встречается повсеместно, предпочитая пойменные станции (Шепель, Фишер, 2004). Мы наблюдали этот вид трижды, исключительно в пределах г. Кунгура, в различные сезоны года: весной – прямо в центре города на старых тополях, осенью – в парке у входа в Кунгурскую Ледяную пещеру, зимой – на заборе в кварталах деревянной застройки.

124. Трехпалый дятел *Picoides tridactylus* (Linnaeus, 1758)

Статус. Редкий, спорадично распространенный, возможно, гнездящийся, оседлый вид.

Распространение. Известные на Южном Урале встречи и места гнездования птиц относятся к горным, чаще темнохвойным лесам Башкирии (Ильичев, Фомин, 1988; Лоскутова, 1998) и Ильменского заповедника (Ушков, 1993). В Пермском крае также встречается в таежных темнохвойных и сосновых лесах (Ушков, 1927; Воронцов, 1949). Наших наблюдений за этим дятлом нет. А.И. Шепель (1992) находил его в составе добычи сапсанов в заказнике «Предуралье» в 1977 г.

Отряд Воробьинообразные – Passeriformes

125. Береговушка *Riparia riparia* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный, местами многочисленный, гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. В горных районах Южного Урала редка, в зональной степи и лесостепи Зауралья – обычный, местами многочисленный вид (Захаров, 2006). В Пермском крае – обычный вид, гнездящийся повсеместно в подходящих биотопах (Шепель, Фишер, 2004). В долинах рек Сылвы и Ирени береговушка – самая обычная из ласточек.

Сроки прилета. Наиболее ранние сроки наблюдения ласточек нами – 6 мая 1994 г. и 10 мая 2006 г. Массовый прилет происходит позже, в третьей декаде мая (Файзуллина и др., 1995).

Гнездование. Гнездится колониями на обрывистых глинистых участках берегов. В ходе лодочного маршрута по р. Сылве от г. Кунгура до д. Калашниково Кунгурского района (34 км) выявлено по 7 крупных колоний на обрывах правого и левого берегов. В июле 2002 г. отмечена маленькая колония из 10 норок, построенная птицами в небольшом обрыве техногенного происхождения у паромной переправы в с. Насадка. Кроме того, известны колонии, расположенные в местах недавних оползней по коренным склонам рек Ирени и Сылвы, сложенных сульфатными породами (рисунок 29). Ласточки роют нор-

ки в мягких толщах покровных суглинков и глин, перемешанных с

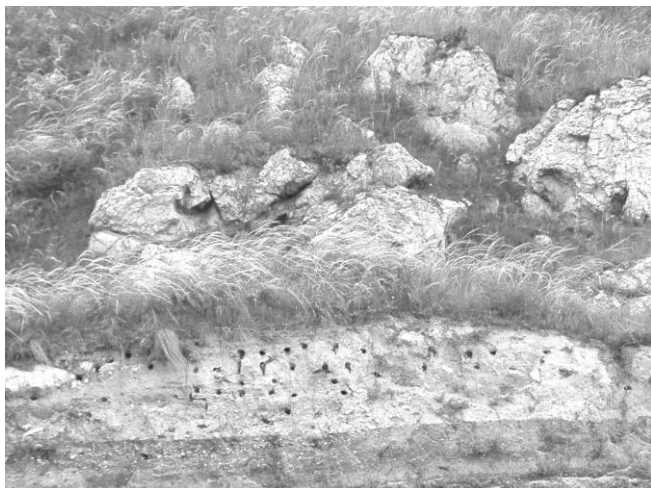

Рис. 29. Колония береговушек в гипсовом обнажении. Река Ирень.

Фото С.А. Винокурова

гипсовым щебнем, в верхней части сошедшего оползня (т.н. «конус выноса»). Подобные колонии исчезают обычно уже на следующий год, когда конус выноса зарастает травой. Основными кормовыми станциями береговушек являются р. Сылва и старичные озера. Обычно птицы добы-

вают насекомых в полете, но в редких случаях отмечены особи, кормящиеся на земле.

Численность. По литературным данным, колонии береговушек на р. Сылве могут насчитывать до 2900 (Никольская, 1989), и даже 6000 норок (Файзуллина и др., 1995). Самые крупные колонии из обследованных нами состояли из 360 норок (р. Сылва, переправа д. Зухта – д. Гамово) и 148 норок (р. Ирень, д. Колпашники).

126. Деревенская ласточка *Hirundo rustica* Linnaeus, 1758

Статус. Немногочисленный, спорадично распространенный, гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Обычный вид лесостепного Зауралья, связанный с населенными пунктами. В степных районах известны случаи гнездования на каменистых речных обрывах (Захаров, 2006). В Пермском крае спорадично встречается по всей территории (Воронцов, 1949), тяготеет к мелким населенным пунктам. Мы наблюдали ее очень редко, и в основном единичных птиц. В предгнездовой период (7 мая 1994 г., что необычно рано для данного вида) стайка ласточек отмечена над старичными озерами близ д. Калашниково (Кунгурский

район). Очевидно, ласточки использовали эти водоемы как временный кормовой участок. Одиночные птицы встречались нам в деревнях Щелканы, Колпашники и В. Талица (Кунгурский район).

127. Воронок *Delichon urbica* (Linnaeus, 1758)

Статус. Немногочисленный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. В зональной лесостепи Зауралья – немногочисленный гнездящийся вид, связанный городами и поселками городского типа (Захаров, 2006). В Пермском крае – немногочисленный, спорадично распространенный гнездящийся вид (Шепель, Фишер, 2004). В районах Кунгурской лесостепи распространение неравномерное. Ласточек наблюдали на Кишертских озерах, в с. Усть-Кишерть, в с. Невотино (Кунгурский район), в с. Воскресенск (Уинский район). Отмечено гнездование в г. Кунгуре (Фуфаева, 2004), по нашим наблюдениям – в очень незначительном количестве. Вообще же во многих, казалось бы, подходящих местообитаниях этот вид отсутствует.

128. Рогатый жаворонок *Eremophila alpestris* (Linnaeus, 1758)

Статус. Немногочисленный пролетный вид.

Распространение. Немногочисленный, в отдельные годы обычный пролетный вид лесных районов Южного Урала (Лоскутова, 1998) и зональной лесостепи Зауралья (Коровин, 2004; Захаров, 2006). Для территории Пермского Прикамья указан Е.М. Воронцовым (1949), однако в сводку «Животный мир Прикамья» (1989) не включен. Мы отмечали стайки жаворонков в 10-15 особей на распаханых водоразделах в окрестностях деревень Щелканы и Стерлигово (Кунгурский район) в мае 1994-1995 гг.

129. Полевой жаворонок *Alauda arvensis* Linnaeus, 1758

Статус. Обычный, местами многочисленный, гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Обычный, многочисленный гнездящийся вид лесостепных и степных районов Зауралья (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае обычен (Воронцов, 1949; Ангальт, 1989), особенно в районах Кунгурской лесостепи.

Сроки прилета. Д.Н. Кузнецов (1925) отмечал прилет первых жаворонков под г. Кунгуром с 26 марта. Наиболее ранняя встреча жаворонка нами (отмечен по песне) – 2 апреля 2008 г. у д. Мазуевка Кишертского района.

Численность. В большинстве случаев (62,6%) мы отмечали жаворонков на сырых лугах. Однако здесь плотность его населения (40 особей на 1 км²) и доля в населении птиц (17%) в среднем невысоки. Небольшие по площади выпасаемые суходольные луга (18,8% встреч) жаворонок заселяет с высокой плотностью (до 240 особей на 1 км²), являясь абсолютным доминантом (60% в населении). Наши данные весьма близки к указанным для зональной лесостепи (Захаров, 2006). Отдельные пары жаворонков отмечены также на прошлогодней стерне (12,5% встреч) и на клеверных полях (6,2% встреч).

Гнездование. Найденные гнезда (6) по внешнему виду и расположению были весьма однотипны. Половина из них располагалась в пределах остепненных суходольных лугов, одно – на поле с озимыми, и два – в посевах многолетних трав. Все гнезда, кроме одного, найдены во второй декаде мая. Одна кладка была, вероятно, повторной, так как найдена 10 июня 2006 г. на ковыльно-разнотравном лугу у с. Воскресенск (Уинский район). Слетки отмечены по полям и полевым дорогам, начиная с конца мая. В такие же сроки жаворонки размножаются и в зональной лесостепи Зауралья (Коровин, 2004; Захаров, 2006).

130. Лесной конек *Anthus trivialis* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный, многочисленный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Многочисленный вид горных лесов Южного Урала (кроме чистых ельников), березово-осиновых колков, островных боров и пойменных зарослей степных и лесостепных районов Зауралья (Захаров, 2006). В Пермском крае обычен и широко распространен (Шепель, Фишер, 2004). В Кунгурской лесостепи – один из немногих видов, встречающихся практически во всех исследованных лесных станциях.

Численность. Обитает по опушкам лесов различных типов. Наибольшее число регистраций относится к березнякам (39%, в среднем 23 особи на 1 км²) и елово-березовым лесам (33%, 16 особей на 1 км²), что соответствует их преобладанию в исследуемом районе (таблица 6).

Таблица 6 – Динамика численности лесного конька в лесных местообитаниях, особей/км²

Биотоп	1994	1995	1996	2002	2003	2004	2005	2006	M±m
Хвойно-широколиств. леса	13	10	-	-	-	5	12	10	10±1,5
Елово-мелколиств. леса и ельники	18	14	15	-	-	-	-	16	16±2,2
Сосновые леса	11	16	14	20	5	18	14	10	14±0,5
Сосновые посадки	10	29	10	19	12	15	10	11	15±1,5
Березняки	22	38	18	20	14	19	27	23	23±1,8
Ивняки и ольшаники	10	5	-	8	11	-	-	-	9±1

Данные по плотности населения варьируют. Существенно превышают средние показатели, полученные при учетах в разреженном березняке на Ледяной горе и на пустыре на месте бывшей д. Сычугово (Кунгурский район) – 66 и 100 особей на 1 км². Как правило, входит в состав доминантов. Доля в населении в большинстве случаев составляла от 10 до 20%, за исключением березняка на Ледяной горе, где она достигала 40%.

Гнездование. В окрестностях д. Усть-Мечка (Кунгурский район) 11 июня 1994 г. найдены два однотипных гнезда лесного конька в средневозрастных разреженных ленточных березняках, в 8 и 12 м от опушки. В одном было четыре десятидневных птенца, в другом – пять насиженных яиц. Еще одно гнездо с шестью яйцами найдено 8 июня 1995 г. на склоне Монастырского лога (Кунгурский район), покрытом степной растительностью, вдалеке от лесных массивов.

131. Луговой конек *Anthus pratensis* (Linnaeus, 1758)

Статус. Немногочисленный пролетный вид.

Распространение. Обычный пролетный вид степных и лесостепных районов Зауралья (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае гнездится в северо-восточных горных районах (Шепель, Фишер, 2004), здесь мы находили гнездо конька в горной тундре хребта Кваркуш 12 июля 2001 г. (Наумкин, Чуприянов, 2004). Собственных наблюдений в Кунгурской лесостепи у нас нет. В Вяткинском заказнике в 1982 г. конька отмечал Н.С. Возжаев, на Кишертских озерах (в качестве обычного и даже многочисленного на весеннем пролете) – В.А. Лапушкин и В.П. Казаков (2000).

132. Краснозобый конек *Anthus cervinus* (Pallas, 1811)

Статус. Немногочисленный пролетный вид.

Распространение. Обычный или немногочисленный пролетный вид степных и лесостепных районов Зауралья (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Кунгурской лесостепи встречается в мае стайками (6-10 особей) по берегам Вяткинских (Наумкин, 2004а) и Кишертских озер (Лапушкин, Казаков, 2000), по полевым дорогам.

133. Желтая трясогузка *Motacilla flava* Linnaeus, 1758

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Обычный гнездящийся вид всего Уральского региона (Рябицев, 2001а; Коровин, 2004). В Кунгурской лесостепи – обычный вид сырых околоводных биотопов.

Численность. Многочисленна на сырых пойменных разнотравно-злаковых и осоковых лугах, кочкарниках с кустарниками. В подобных биотопах плотность населения составляет 16-32 особи на 1 км². В некоторых локальных местообитаниях, особенно подходящих для гнездования этого вида (например, озерные поймы Вяткинского заказника), плотность населения достигала 104 особей на 1 км² (май 2003 г.). Это соответствует данным, указанным для зональной лесостепи Зауралья (Захаров, 2006).

134. Желтолобая трясогузка *Motacilla (flava) lutea* (S.G. Gmelin, 1774)

Статус. Для районов Кунгурской лесостепи статус не определен. Вероятно, редкий или случайно гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. В зональной лесостепи Зауралья – редкий гнездящийся вид (Захаров, 2006). По мнению многих исследователей (Ильичев, Фомин, 1988; Рябицев, 2001а; Коровин, 2004), в Предуралье желтолобая трясогузка обычна. Мы, однако, не видели ее ни разу, скорее всего, из-за недостаточного внимания к желтым трясогузкам, подвидом которой *M. lutea* считалась. На Кишертских озерах территориального самца отмечали В.А. Лапушкин и В.П. Казаков (2000) 31 мая 1998 г.

135. Желтоголовая трясогузка *Motacilla citreola* Pallas, 1776

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Широко распространена в зональной степи и лесостепи Зауралья, но встречается спорадично в связи с выраженной стенотопностью (Ильичев, Фомин, 1988; Коровин, 2004). В Пермском крае – спорадично распространенный, немногочисленный вид, уступающий по численности желтой трясогузке. За все время наблюдений мы отметили всего около 10 - 12 пар этого вида, в основном в нижнем течении р. Сылвы и на оз. Чаечном в Уинском районе. Обычна на Кишертских озерах (Лапушкин, Казаков, 2000).

136. Горная трясогузка *Motacilla cinerea* Tunstall, 1771

Статус. Редкий гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Немногочисленный, но обычный гнездящийся вид горных районов Южного Урала (Ильичев, Фомин, 1988; Захаров, 2006). В Пермском крае также встречается в основном в горных районах (Шепель, Фишер, 2004), однако, судя по недавним фаунистическим находкам (Фишер, Казаков, 2003), может относиться, по крайней мере, к периодически гнездящимся видам Кунгурской лесостепи. Указанные авторы наблюдали птиц в Кунгурском, Березовском, Уинском и Октябрьском районах.

137. Белая трясогузка *Motacilla alba* Linnaeus, 1758

Статус. Обычный, многочисленный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Обычная гнездящаяся птица Зауральской лесостепи; в степных регионах встречается несколько реже. Гнездится в большинстве населенных пунктов региона (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае – обычный, широко распространенный гнездящийся вид (Шепель, Фишер, 2004). Встречалась во всех обследованных нами биотопах Кунгурской лесостепи.

Сроки прилета. Относится к рано прилетающим видам. В г. Кунгуре появляется во второй декаде апреля, 12 – 18 числа в разные годы.

Численность. Предпочитает поймы рек и озер (сырые луга), тяготеет к селитебным территориям и антропогенно трансформированным участкам. Чаще всего ее регистрировали на сырых лугах в окрестностях старичных озер (47,5% встреч) и по берегам р. Сылвы (25,0% встреч). Остальные встречи относились к опушкам смешанных лесов и березняков, сельхозугодьям, суходольным лугам, пустырям и залежам. В наиболее оптимальных местообитаниях плотность

населения составляет 28,5-50 пар (и более) на 1 км². Встречается во всех населенных пунктах.

Гнездование. В районах Кунгурской лесостепи имеет два цикла размножения, в неблагоприятные годы – один (Фуфаева, 2004; 2006). Нередко находили гнезда, в том числе в самых необычных местах: в распределительных электрощитах (Вяткинский заказник и парк у входа в Кунгурскую Ледяную пещеру), грузовом автотранспорте (передвигающемся с места на место), в разнообразных постройках и поленницах дров, в скальных нишах и трещинах. Промеры яиц в 4 кладках составили: 17,8-16,8 мм x 13,7-12,6 мм, в среднем 17,2 мм x 13,2 мм (n = 19).

138. Обыкновенный жулан *Lanius collurio* Linnaeus, 1758

Статус. Обычный, немногочисленный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Обычен в лесостепном Зауралье (Захаров, 2006). В Пермском крае спорадично распространен по всей территории (Шепель, Фишер, 2004). В районах Кунгурской лесостепи птиц отмечали в пойменных зарослях, по опушкам парковых березняков (плотность населения – 7 пар на 1 км²) и елово-мелколиственных лесов, где жуланы гнездились в еловом подростве. Здесь 20 июля 1994 г. наблюдали выводок из трех птенцов. Встречается по окраинам населенных пунктов (Фуфаев, 1980).

139. Чернолобый сорокопуд *Lanius minor* J.F. Gmelin, 1788

Статус. Вероятно, залетный вид.

Распространение. Редкий гнездящийся вид степных районов Южного Урала и Зауралья (Торгашов, 2003; Захаров, 2006). Ни в одном из орнитофаунистических обзоров Пермского Прикамья не упоминается. В коллекции Кунгурского музея есть чучело (инв. № ИК 109), поступившее в 1948 г. (Наумкин, 2001а).

140. Серый сорокопут *Lanius excubitor* Linnaeus, 1758

Статус. Редкий гнездящийся, перелетный, периодически зимующий вид, занесенный в Красную книгу России (III категория редкости).

Распространение. Редкий гнездящийся и зимующий вид степных и лесостепных районов Южного Урала и Зауралья (Кириков, 1952; Ильичев, Фомин, 1988; Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае повсеместно редок (Шепель, Фишер, 2004). В районах Кунгурской лесостепи известны единичные встречи. Отмечен А.Г. Воронным (1950) в заказнике «Предуралье». В октябре 1977 г. Э.К. Васкин добыл одну птицу в окрестностях с. Каширино (Кунгурский район, нижнее течение р. Сылвы – коллекция Кунгурского музея, инв. № ИК 4279/8). Пару птиц с кормом мы встретили на Подкаменной горе (в кустарниках у проселочной дороги) 11 июня 2006 г.

Гнездование. Гнездование в Кунгурском районе отмечено И.А. Лоскутовой (2003). У д. Талачик пара выкармливала птенца.

141. Обыкновенная иволга *Oriolus oriolus* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Относительно обычна в лесах (главным образом, лиственных) Южного Урала, в лесостепных районах обитает в березовых колках, островных борах и приречных зарослях. В степной зоне редка (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае – немногочисленный, спорадично распространенный, гнездящийся вид (Шепель, Фишер, 2004). В Кунгурской лесостепи относительно обычна.

Сроки прилета. В южных районах края, по среднемноголетним данным, появляется 20 мая (Фуфаев, 1984), наиболее раннее пение зарегистрировано нами в пойме р. Сылвы у д. Сороки Кунгурского района 25 мая 2008 г.

Численность. Отмечена в основном в парковых березняках (более 60% случаев наблюдений), где плотность населения в среднем составляет 3 – 4 пары на 1 км² (около 3% населения птиц). В спелых сосняках плотность населения несколько ниже, в сосновых посадках, конечно, не гнездится, хотя здесь отмечались поющие самцы. Встречается в садах на территории г. Кунгура и сельских населенных пунктов (Наумкин, 2002).

142. Обыкновенный скворец *Sturnus vulgaris* Linnaeus, 1758.

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Широко распространен в зональной степи и лесостепи Зауралья, в том числе в агроландшафтах и населенных пунктах (Коровин, 2004). В южных степных районах известно гнездование по речным обрывам (Захаров, 2006). В Пермском крае – спорадично распространенный вид, в таежной зоне встречается только в населенных пунктах (Шепель, Фишер, 2004).

Сроки прилета. Д.Н. Кузнецов (1925) наблюдал первых скворцов в г. Кунгуре с 29 марта.

Гнездование. Скворцы гнездятся во многих (не во всех!) населенных пунктах и в г. Кунгуре (Фуфаева, 2004; Шураков, Ахметова, 2004). Кроме того, отмечено гнездование в естественных биотопах: дважды – в одиночно стоящих старых дуплистых тополях в пойме р. Ирени, и один раз в смешанном хвойно-широколиственном лесу у д. Иштеряки Уинского района. В июне 2002 г. многочисленные стайки (до 20-30 особей) молодых скворцов встречались на Спасской горе (точнее, под горой, в зарослях высоких сорняков возле фермы) и в д. Колпашники (точно в такой же станции).

Численность. Численность в последние годы, по-видимому, сокращается. Так, А.А. Фуфаев отмечает ее резкое снижение по сравнению с 1970 - ми годами (Фуфаев, Фуфаева, 2004). По нашим данным, в 1994 г. в Вяткинском заказнике и его окрестностях скворцы вообще

отсутствовали (хотя в 1982 г. были отмечены на гнездовании в естественных условиях, по сообщению Н.С. Возжаева), в 1995 г. была отмечена единственная встреча поющего самца в д. Щелканы (Наумкин, Демидова, 2002). В 2002-2006 гг. скворцы были обычны на пойменных лугах вокруг Кишертских озер.

143. Кукша *Perisoreus infaustus* (Linneus, 1758)

Статус. Редкий, кочующий или оседлый вид. Внесен в Приложение Красной книги Пермского края.

Распространение. Редкий гнездящийся вид горных лесов Южного Урала (Захаров, 2006). В Пермском крае – редкая, спорадично распространенная и гнездящаяся птица (Шураков, Каменский, 1986; Шепель, Фишер, 2004). Гнездование в Кунгурской лесостепи не подтверждено гнездовыми находками. Собственных наблюдений у нас нет. Добытые под г. Кунгуром летние и осенние экземпляры (1971 г.) имелись в коллекции Кунгурского музея (инв. №№ ИК 3308/13, 3308/14, до наших дней не сохранились).

144. Сойка *Garrulus glandarius* (Linnaeus, 1758)

Статус. Немногочисленный гнездящийся, оседлый или кочующий вид.

Распространение. Встречается в горных лесах Южного Урала, а также в лесостепи Зауралья по березовым колкам и островным борам (Захаров, 2006). В степных районах редка. В Пермском крае – довольно обычный, но немногочисленный, спорадично встречающийся вид (Воронцов, 1949; Шепель, Фишер, 2004). Нам сойка чаще всего встречалась в елово-мелколиственных лесах Вяткинского заказника. Обычна в «Предуралье». 13 октября 2005 г. две птицы встречены в высокоствольных ольшаниках по берегу оз. Долгого (Кунгурский район), две – в лесополосе вдоль дороги на окраине с. Орда. В открытых биотопах не встречалась. В 1995 г. останки сойки найдены в добыче сапсана (д. Усть-Турка, Кунгурский район).

145. Сорока *Pica pica* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный гнездящийся, оседлый и кочующий вид.

Распространение. Широко распространена и обычна по всем природным зонам Уральского региона (Коровин, 2004; Захаров, 2006), в том числе и в Пермской крае (Шепель, Фишер, 2004). В Кунгурской лесостепи встречалась во всех обследованных биотопах.

Гнездование. Большинство гнезд приурочено к пойменным ивнякам и ольшаникам речных долин, к сырым низинам с озерами или временными водоемами, а также к придорожным лесополосам. Привлекательны для сороки и островные кустарниковые и древесные фрагменты посреди сплошных сельхозугодий (Коровин, 2004).

Численность. На 1 км пойменных ивняков встречали до 3 гнезд. По данным А.А. Фуфаевой (2004), на территории г. Кунгура плотность гнездования сороки составляет 1,2 пары на 1 км².

146. Кедровка *Nucifraga caryocatactes* (Linnaeus, 1758)

Статус. Редкий, кочующий или оседлый вид.

Распространение. Кочующий вид, нерегулярно встречающийся в горных лесах Южного Урала (Кириков, 1952; Захаров, 2006). В Пермском крае – обычный, спорадично распространенный и гнездящийся в северных районах вид (Шепель, Фишер, 2004). По территории Кунгурской лесостепи проходит граница гнездового ареала (Рябицев, 2001а). Экземпляры коллекции Кунгурского музея добыты в Кунгурском районе в осеннее время в 1971 и 2000 гг. (инв. №№ ИК 3245/17 и НВ 3502/2).

147. Галка *Corvus monedula* Linnaeus, 1758

Статус. Обычный гнездящийся, оседлый вид.

Распространение. Широко распространена и обычна по всем природным зонам Уральского региона (Коровин, 2004; Захаров, 2006), в том числе и в Пермском крае (Шепель, Фишер, 2004). В Кунгурской лесостепи, как и в других местах региона, тяготеет к населенным

пунктам, но может гнездиться и в подходящих естественных биотопах.

Гнездование. Гнезда устраивает на чердаках жилых и нежилых построек, в естественных биотопах – на крутых каменистых склонах долины р. Сылвы, ее притоков и крупных логов. Период яйцекладки начинается со второй декады апреля и продолжается до первой декады мая (Фуфаева, Фуфаев, 2004).

Численность. Количество гнездящихся пар в колониях Кунгурского района – от 22 до 40 (Фуфаева, Фуфаев, 2004). В г. Кунгуре – наиболее многочисленный зимующий вид семейства (Наумкин, Соснин, 2002).

148. Грач *Corvus frugilegus* Linnaeus, 1758

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный или зимующий вид.

Распространение. Широко распространен и обычен в степной и лесостепной зоне Зауралья, на юге лесной зоны встречается и гнездится спорадично (Коровин, 2004). Для степных районов Зауралья характерно гнездование на опорах ЛЭП (Захаров, 2006). В Пермском крае населяет почти всю территорию, но крупные гнездовые колонии сосредоточены в южных районах (Шураков и др., 1989; 2001), в том числе во многих населенных пунктах Кунгурской лесостепи.

Сроки прилета. По наблюдениям в г. Кунгуре (Кузнецов, 1925) и Кунгурском районе (Дьяконов и др., 1983), первые птицы появляются в середине марта (14-16 марта), массовый прилет приходится на третью декаду марта. В последние годы часть птиц зимует в г. Кунгуре (Наумкин и др., 2004).

Гнездование. Для гнездования птицы используют в основном березы и тополя. В г. Кунгуре грачи гнездятся на тополях и соснах. Начало яйцекладки приходится на первую декаду апреля (Дьяконов и др., 1983).

Численность. В населенных пунктах Кунгурской лесостепи встречаются колонии от нескольких пар до сотен гнезд (Шураков, Бушуев, 1978). Наиболее крупная и известная колония располагалась у ст. Ергач Кунгурского района – более тысячи гнезд (Шураков, Бушуев, 1978; Дьяконов и др., 1983). В последние 10-15 лет наблюдается тенденция к сокращению численности (Шураков и др., 2001). Так, общее число гнезд (161), учтенных в 1998 г. в населенных пунктах в нижнем течении р. Сылвы, было значительно ниже, чем в 1970-е гг.; к 2001 г. количество гнезд сократилось еще в два раза (Фуфаев, Фуфаева, 2004). В 2006-2007 гг. исчезла небольшая колония в городском сосновом бору г. Кунгура, так как этот участок был вырублен под застройку.

149. Серая ворона *Corvus (corone) cornix* Linnaeus, 1758

Статус. Обычный, многочисленный гнездящийся, оседлый и кочующий вид.

Распространение. Обычна во всех природных зонах Уральского региона (Коровин, 2004; Захаров, 2006), в том числе и в Пермском крае (Шепель, Фишер, 2004). В Кунгурской лесостепи встречается повсеместно.

Гнездование. Первые кладки ворон отмечены в южных районах Пермского края в первой декаде апреля (Шураков и др., 1989).

Численность. Чаще всего мы отмечаем ворон во время учетов в спелых сосняках (3,5 пары на 1 км²) и сосновых посадках (3,2 пары). Доля в населении не высока (в среднем 2,2%). Это намного ниже, чем на территории г. Кунгура, где плотность населения достигает 11 пар на 1 км² (Фуфаева, 2004), а доля в населении птиц городского сосняка колеблется от 10,7% до 32,7% (Наумкин, Соснин, 2002).

150. Ворон *Corvus corax* Linnaeus, 1758

Статус. Обычный гнездящийся, оседлый вид.

Распространение. Широко распространен по всем природным зонам Уральского региона (Рябицев, 2001а; Коровин, 2004). Обычен в горных лесах Южного Урала, более редок в колках и островных борах зональной степи Зауралья (Захаров, 2006). В Пермском крае обычен по всей территории (Шепель, Фишер, 2004), в том числе и в районах Кунгурской лесостепи.

Гнездование. Найденные гнезда приурочены к ельникам. В мае 1995 г. два таких однотипных гнезда были осмотрены нами в Кунгурском районе. Оба располагались на елях, на высоте приблизительно 4-5 м. В обоих гнездах находились крупные, готовые к вылету птенцы (по три в каждом). В 2005 г. вороны впервые загнездились на южном склоне Ледяной горы над входом в Кунгурскую Ледяную пещеру. В 2005-2007 гг. они успешно выводили по 2 – 3 птенца. Гнездится на городской территории (Фуфаева, 2004).

Численность. Ворон отмечен в самых разных лесных биотопах: елово-мелколиственных и хвойно-широколиственных лесах, ельниках и сосняках. В парковых березняках редок. Плотность населения составила 2,2 пары на 1 км². В осенне-зимнее время вороны образуют огромные скопления (сотни особей) на Ледяной горе, трофически связанные с городской свалкой.

151. Свиристель *Bombycilla garrulus* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный, иногда многочисленный, зимующий вид.

Распространение. Обычный кочующий и зимующий вид лесостепного Зауралья. Стаи свиристелей держатся в городах и поселках до конца апреля (Захаров, 2006). В Пермском крае – обычный зимующий, в северных районах гнездящийся вид (Шепель, Фишер, 2004). Численность на осенне-зимних кочевках существенно колеблется по годам. Огромные стаи свиристелей (до трех сотен особей) отмечали в декабре 1996 г. и в январе 2006 г. в городском сосновом бору. В теплые зимы свиристели в г. Кунгуре отсутствовали или появлялись

лишь к весне (Наумкин и др., 2004). Напротив, после очень холодной зимы 2005-2006 гг. свиристели задержались в городе до середины апреля, когда появились зяблики, овсянки и дрозды. То же отмечено в 2010 г. – последние даты наблюдения птиц 25 и 27 апреля.

152. Оляпка *Cinclus cinclus* (Linnaeus, 1758)

Статус. Для районов Кунгурской лесостепи не определен. По данным С.Л. Ушкова (1927), была обычна на р. Шакве. Другой информации о пребывании вида на юго-востоке Пермского края у нас нет.

153. Крапивник *Troglodytes troglodytes* (Linnaeus, 1758)

Статус. Редкий, немногочисленный гнездящийся, перелетный, иногда зимующий вид.

Распространение. Редкий, малозаметный ввиду скрытного образа жизни вид, встречающийся в горных лесах Южного Урала. Гнезвился в заповеднике «Шульган-Таш» (Лоскутова, 1998). По лесостепному Зауралью данных почти нет (Захаров, 2006). В Пермском крае – спорадично распространенный гнездящийся вид (Шепель, Фишер, 2004). В районах Кунгурской лесостепи случаи наблюдений крапивника редки. По данным А.И. Шепеля (1981а), встречается в заказнике «Предуралье». По сообщению А.А. Пермякова, 1 декабря 2003 г. самец крапивника был отловлен паутинной сетью в пойменном ивняке у подножия Ледяной горы (г. Кунгур).

154. Лесная завирушка *Prunella modularis* (Linnaeus, 1758)

Статус. Редкий, немногочисленный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Относительно обычна в Башкирском Предуралье (Ильичев, Фомин, 1988) и в горных лесах Южного Урала (Захаров, 2006). В зональной степи и лесостепи редка или не встречается. В Пермском крае – немногочисленный, спорадично распространенный гнездящийся вид (Шепель, Фишер, 2004). В районах Кунгурской ле-

состепи наблюдения редки. Завирушка отмечена в заказнике «Предуралье» (Шепель, 1981а). Поющий самец встречен в заболоченном елово-мелколиственном лесу в Вяткинском заказнике 14 мая 2003 г. (Наумкин, 2004а).

Гнездование. В фондах Кунгурского музея есть гнездо (инв. № НВ 3751/13), найденное К.М. Елтышевой в августе 2002 г. в елово-мелколиственном лесу у пос. Голдыревский (Кунгурский район). Типичная для вида постройка из тонких еловых веточек, с выстилкой из плодовых стебельков зеленых мхов, тонких злаков и волос. Диаметр гнезда – 10 см, диаметр лотка – 5 см, глубина лотка – 3,5 см. По наблюдениям А.А. Фуфаевой (2004), гнездится на территории г. Кунгура.

155. Речной сверчок *Locustella fluviatilis* (Wolf, 1810)

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Обычный вид горных лесов Южного Урала и зональной лесостепи Зауралья, в степных районах редок или отсутствует (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае обычен и широко распространен (Шепель, Фишер, 2004). В Кунгурской лесостепи встречается во многих местах, в подходящих околородных биотопах.

Гнездование. В парке у входа в Кунгурскую Ледяную пещеру песня сверчка была отмечена 21 мая 2004 г. В июне того же года сверчки пели в пойме р. Сухой Телес (окр. д. Барсаи, Уинский район). Здесь 17 июня В.П. Казаков нашел гнездо сверчка в высокоствольном пойменном ольшанике, заросшем крапивой. Диаметр гнезда – 13 см, диаметр лотка – 6,5 см, глубина лотка – 4,5 см. Кладка из 5 яиц (20,7-21,5 мм x 14,2-14,8 мм, в среднем 21 x 14,5 мм). Обычными были сверчки в Вяткинском заказнике в 1994-1995 гг. (Наумкин, Демидова, 2002). Обычный гнездящийся вид на Кишертских озерах (Лапушкин, Казаков, 2000).

Численность. На учетном маршруте в остепненном березняке на Подкаменной горе дважды отмечено по одной паре (плотность населения – 2,5 пары на 1 км²). Это соответствует аналогичным показателям для березовых колков лесостепного Зауралья (Захаров, 2006).

156. Обыкновенный сверчок *Locustella naevia* (Boddaert, 1783)

Статус. Редкий гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Редкий вид горных лесов Южного Урала (Лоскутова, 1998; Торгашов, 2003), обычен в зональной степи и лесостепи Зауралья (Захаров, 2006). В Пермском крае – малочисленный, спорадично встречающийся вид (Шепель, Фишер, 2004). В районах Кунгурской лесостепи его обилие намного ниже, чем у речного сверчка. Нами отмечен в пойменных зарослях в Вяткинском заказнике и у подножия Подкаменной горы (здесь самцы пели вместе с речными сверчками).

Численность. В июне 1995 г. сверчок зарегистрирован на учетном маршруте в городском сосняке, в заболоченной карстовой воронке (плотность населения – 2,5 пары на 1 км²).

157. Камышевка-барсучок *Acrocephalus schoenobaenus* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Обычен на гнездовании в зональной степи и лесостепи Зауралья (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае – обычный, спорадично распространенный, гнездящийся вид (Шепель, Фишер, 2004). В районах Кунгурской лесостепи эта камышевка довольно часто встречалась нам в Вяткинском заказнике, на больших старичных озерах напротив д. Курманаево (Кунгурский район), обычно на Кишертских озерах.

158. Индийская камышевка *Acrocephalus agricola* (Jerdon, 1845)

Статус. Для районов Кунгурской лесостепи не определен. Залетный, либо случайно гнездящийся вид.

Распространение. Обычный гнездящийся вид подходящих биотопов в зональной степи и лесостепи Зауралья (Коровин, 2004; Захаров, 2006). Поющие самцы отмечены в мае 1997 г. у д. Чирки Кишертского района (Лапушкин, Казаков, 2000).

159. Садовая камышевка *Acrocephalus dumetorum* Blyth, 1849

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Широко распространена в горных лесах Южного Урала и в зональной лесостепи Зауралья (Захаров, 2006), в степных районах встречается реже (Коровин, 2004). В Пермском крае – обычный, широко распространенный гнездящийся вид (Шепель, Фишер, 2004). Самая обычная из камышевок Кунгурской лесостепи.

Гнездование. В литературе фигурируют довольно поздние сроки прилета и гнездования этого вида в зональной лесостепи – вторая половина мая и первая декада июня (Коровин, 2004; Захаров, 2006). По-видимому, такие же сроки характерны для птиц, обитающих в Кунгурской лесостепи. В районе г. Кунгура начало гнездостроительства отмечают с 25 мая (Фуфаева, 2004). 21 мая 2003 г. мы нашли готовое, но еще пустое гнездо в кусте смородины в д. Поповка. Обычна в г. Кунгуре.

Численность. Местообитания садовой камышевки отличаются разнообразием: наряду с пойменными зарослями это лесные фрагменты среди полей, отдельные кустарники (например, можжевельник), растущие на открытых сухих остепненных склонах (плотность населения 2,5 пары на 1 км²), зарастающие вырубki, территории населенных пунктов (плотность населения 2-6 пар на 1 км²). В лесных биотопах плотность населения невысока, 2-5 пар на 1 км².

160. Болотная камышевка *Acrocephalus palustris* (Bechstein, 1798)

Статус. Немногочисленный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Относительно обычна в горных лесах Южного Урала по вырубкам, редколесьям и пойменным зарослям, редка в лесостепных районах (Захаров, 2006). Е.М. Воронцов (1949) не указывал ее для Пермского Прикамья, а А.Г. Воронов (1950) уже отмечал ее в составе орнитофауны заповедника «Предуралье». А.И. Иванов (1976) указывал г. Кунгур в качестве одного из пунктов, маркирующих северную границу ареала болотной камышевки. В сводку «Животный мир Прикамья» Ю.Н. Каменский (1989) этот вид не включил. По-видимому, болотная камышевка нерегулярна на гнездовании и распространена спорадично; мы отмечали ее в Вяткинском заказнике и в сырых заросших ложбинах на Спасской горе (в парковом березняке, 2,5 пары на 1 км²), а В.А. Лапушкин и В.П. Казаков (2000) – на Кишертских озерах. Отмечена в черте г. Кунгура.

161. Дроздовидная камышевка *Acrocephalus arundinaceus* (Linnaeus, 1758)

Статус. Залетный вид.

Распространение. На лесостепных и степных водоемах Зауралья местами обычна (Захаров, 2006). В июле 1978 г. отловлена в заказнике «Предуралье» (Шепель и др., 1981). Возможны новые находки вида на нашей территории (Рябицев, 2001а).

162. Зеленая пересмешка *Hippolais icterina* (Vieillot, 1817)

Статус. Немногочисленный, вероятно, гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Встречается в горных лесах Южного Урала и в зональной лесостепи Зауралья (Захаров, 2006). В степных районах редка или отсутствует (Коровин, 2004). В Пермском крае в прошлом отмечалась, главным образом, в южных и центральных районах (Воронцов, 1949), сейчас распространена значительно шире (Шепель, Фишер, 2004). Мы отмечали пересмешку трижды: в городском сосня-

ке (г. Кунгур) в 1996 г. (Наумкин, 2002), в Вяткинском заказнике в 2003 г. (Наумкин, 2004а), в смешанных хвойно-широколиственных лесах в окр. д. Иштеряки (Уинский район) в 2005 г. Отмечена в заказнике «Предуралье» (Шепель, 1981а).

163. Северная бормотушка *Hippolais caligata* (M.N.K. Lichtenstein, 1823)

Статус. Обычный, немногочисленный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Обычный гнездящийся вид степных и лесостепных районов Зауралья (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае – редкий гнездящийся вид (Шепель, Фишер, 2004). Наши наблюдения относятся к Кунгурскому и Уинскому районам.

Численность. Встречается на залежах, лугах с кустарниками (18-20 пар на 1 км²), по краям полей, заросших высокотравьем (7,5-10,5 пар на 1 км²). Показатели плотности населения уступают аналогичным данным для зональной лесостепи (Захаров, 2006). Численность, по-видимому, колеблется по годам (Симкин, 1990).

164. Ястребиная славка *Sylvia nisoria* (Bechstein, 1795)

Статус. Для Кунгурской лесостепи не определен.

Распространение. В Башкирии была обычна в подходящих биотопах (Ильичев, Фомин, 1988), в зональной лесостепи Зауралья – скорее редка (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае ранее не отмечалась (Воронцов, 1949), недавно установлено гнездование у г. Перми (Казаков, 1998). Для районов Кунгурской лесостепи известна единственная встреча – 18 августа 1992 г. у ст. Иренский Кунгурского района (Лапушкин и др., 1995б).

165. Славка-черноголовка *Sylvia atricapilla* (Linnaeus, 1758)

Статус. Немногочисленный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Обычна в горных, в основном лиственных лесах Южного Урала, редка в лесостепных и степных районах За-

уралья (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае относительно обычна (Шепель, Фишер, 2004).

Гнездование. Гнездование в г. Кунгуре наблюдали Л.А. Долгих (устн. сообщ.) и А.А. Фуфаева (2004). В фондах городского музея есть 4 гнезда этого вида, найденных в городе и районе.

Численность. По численности явно уступает другим видам славков. Так, в 1994-1996 гг. черноголовка отмечена нами только один раз, в старом елово-липовом лесу у д. Калашниково (Кунгурский район). В последующие годы (2002-2006) отмечена в гнездовое время в городском сосняке и южных хвойно-широколиственных лесах Уинского района (плотность населения – 5 пар на 1 км²).

166. Садовая славка *Sylvia borin* (Boddaert, 1783)

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Встречается в горных лесах Южного Урала, в зональной лесостепи Зауралья. В степных районах редка (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае обычный, широко распространенный гнездящийся вид (Шепель, Фишер, 2004). Отмечена почти во всех лесных биотопах Кунгурской лесостепи.

Гнездование. Появляется в местах гнездования со второй половины мая. 18 июня 2003 г. в парке у Кунгурской Ледяной пещеры найдено гнездо с 5 яйцами, на высоте 40 см на молодом и тонком американском клене. Появившиеся позднее птенцы погибли от переохлаждения в затянувшуюся непогоду.

Численность. Отмечалась большей частью в парковых березняках (плотность населения 5-23,6 пары на 1 км²), где иногда входила в число доминантов. В сосняках встречалась значительно реже и с меньшим обилием (2,5-7 пар на 1 км²), в сухих «горных» сосняках с разреженным кустарниковым ярусом не отмечена вообще. Сосновые посадки населяла с невысокой плотностью (5 пар на 1 км²), в основном лишь там, где присутствовали ягодные кустарники.

167. Серая славка *Sylvia communis* Latham, 1787

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Обычна в зональной степи и лесостепи Зауралья, встречается и в горных лесах Южного Урала. Везде связана с кустарниковой растительностью (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае обычна и широко распространена (Шепель, Фишер, 2004). Наиболее характерные местообитания серой славки в Кунгурской лесостепи – сухие, остепненные березовые перелески с возобновлением березы и ели и зарослями кустарников.

Численность. По южным склонам Спасской и Ледяной гор плотность населения составила 9,5-18 пар на 1 км². Только в таких биотопах серая славка входит в состав доминантов (10,8-23%). Также обычна серая славка в сосновых посадках, поскольку под них лесхозы распахивают в первую очередь остепненные участки на склонах, которые быстро зарастают высокотравьем, а потом и кустарниками. Здесь ее обилие достигало в среднем 7,5 пар на 1 км². В лесных биотопах этот вид немногочислен, отмечен в основном в парковых березняках, реже – в сосняках, и единично – в зрелых смешанных лесных сообществах, где, конечно, славки придерживались кустарников. Кроме того, серая славка – обычный обитатель антропогенных элементов ландшафта: брошенных деревень, залежей с кустарниками, выпасов, садов и парков. В подобных местах наблюдается очень высокая плотность населения – более сотни особей на 1 км². Подобная плотность населения характерна для агроландшафта как на юге лесной зоны Свердловской области, так и в зональной лесостепи Зауралья (Коровин, 2004).

168. Славка-мельничек *Sylvia curruca* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный, немногочисленный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Немногочисленный гнездящийся вид горных лесов Южного Урала, степного и лесостепного Зауралья (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае – обычный гнездящийся вид (Шепель, Фишер, 2004). Гнездится в заказнике «Предуралье» (Шепель, 1981а). Отмечена в остепненных сосновых и сосново-березовых лесах с развитым подлеском, с плотностью населения 2-7 пар на 1 км².

169. Пеночка-весничка *Phylloscopus trochilus* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный, многочисленный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Широко распространена по всем природным зонам Уральского региона (кроме южных зональных степей), везде обычна или многочисленна (Рябицев, 2001а; Коровин, 2004; Захаров, 2006). То же можно сказать и о распространении вида по территории Пермского края (Шепель, Фишер, 2004). В Кунгурской лесостепи отмечена во всех лесных биотопах, где проводили учеты.

Сроки прилета. Наиболее раннее пение отмечено в пойме р. Ирень у д. Веслянка 1 мая 2006 г. и в пойме р. Сылвы в черте г. Кунгура 25 апреля 2010 г.

Численность. Максимальная плотность населения характерна для травяных сосняков (особенно с примесью березы и липы, составляющих в древесном ярусе второй горизонт) – в среднем 20 пар (14-86 особей) на 1 км². Отмечена высокая заселенность смешанных хвойно-широколиственных (южного облика) лесов – в среднем 16 пар на 1 км², и пойменных зарослей (ольшаники, ивняки) – 12 пар на 1 км² (таблица 7).

Несколько ниже этот показатель для парковых березняков – чуть меньше 10 пар (7-38 особей). В ельниках и елово-мелколиственных сообществах, а также в сосновых посадках обилие веснички было более низким. Практически везде (за исключением отдельных учетов в посадках и чрезмерно разреженных березняках)

весничка относилась к доминантам, составляя 10-20% (до 30,6-32,2%) в населении птиц. В условиях города это один из наиболее обычных (наряду с зябликом) видов певчих воробьиных.

Таблица 7 – Динамика численности пеночки-веснички в лесных местообитаниях, особей/км²

Биотоп	1994	1995	1996	2002	2003	2004	2005	2006	M±m
Хвойно-широколиств. леса	20	36	-	-	-	31	32	35	31±2,6
Елово-мелколиств. леса и ельники	18	29	13	-	-	-	-	13	18±1,6
Сосновые леса	22	14	37	86	53	34	44	21	39±3,2
Сосновые посадки	14	19	5	8	9	15	18	5	11±1,5
Березняки	33	25	18	38	7	13	12	10	19±1,5
Ивняки и ольшаники	24	27	-	25	30	-	-	18	25±2,5

170. Пеночка-теньковка *Phylloscopus collybita* (Vieillot, 1817)

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Обычна в горных лесах Южного Урала, в зональной лесостепи Зауралья (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае всегда была обычной, широко распространенной птицей (Воронцов, 1949; Шепель, Фишер, 2004). В Кунгурской лесостепи немногочисленна.

Численность. В лесных биотопах зональной лесостепи Зауралья плотность населения теньковки выше, чем у веснички (Коровин, 2004; Захаров, 2006). Для района наших исследований этого сказать никак нельзя. Из данных маршрутных учетов явно просматривается связь теньковки с сосновыми лесами и ельниками, что отмечено и в литературе (Симкин, 1990). В этих биотопах плотность населения достигала 5-10 пар на 1 км². В темном высокоствольном ельнике, осветленном заросшими прогалинами (окр. д. Щелканы, Кунгурский район), обилие теньковки было сопоставимо с обилием пеночки-веснички, и

только здесь она являлась одним из доминантов (13,2%). В смешанных лесах плотность населения была ниже – 3-5 особей на 1 км².

171. Пеночка-трещотка *Phylloscopus sibilatrix* (Bechstein, 1793)

Статус. Редкий гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Встречается в горных лесах Южного Урала (Лоскутова, 1998; Торгашов, 2003), в лесостепных районах (Захаров, 2006), везде немногочисленна или редка. Для Пермского Прикамья впервые указана в 1970-х гг. А.И. Шураковым и Ю.Н. Каменским (1980). С 1975 г. зарегистрирована в Кунгурском и Кишертском районах (Шепель и др., 1987). Мы отмечали трещотку намного реже других пеночек.

Сроки прилета и отлета. Не прослежены. Отмечен любопытный факт отлова трещотки в г. Кунгуре 12 октября 2008 г., когда уже появились чечетки.

Численность. Единичные пары зарегистрированы почти во всех обследованных типах лесов: в травяном сосняке, сосновых посадках, елово-пихтовой тайге и хвойно-широколиственных лесах, березняках. При этом плотность населения во всех перечисленных биотопах составила в среднем 2,5 пары на 1 км², и лишь в сосновых посадках на Ледяной горе в 1995 г. она достигла 10 особей на 1 км². В составе населения на трещотку приходилось 2,4-4,6% в различных биотопах.

172. Зеленая пеночка *Phylloscopus trochiloides* (Sundevall, 1837)

Статус. Обычный, многочисленный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Обычна в зональной лесостепи Зауралья, в степных районах возможно спорадичное гнездование (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае была и остается обычной и широко распространенной птицей (Воронцов, 1949; Шепель, Фишер, 2004). В Кунгурской лесостепи встречалась во всех лесных биотопах.

Гнездование. 11 июня 1994 г. в смешанном елово-березовом лесу по берегу р. Сылвы в окр. д. Усть-Мечка нами найдено гнездо зеленой пеночки в небольшом углублении в гипсовой стенке, поросшей мхом. Кладка состояла из 6 яиц. В окрестностях д. Зуята также в елово-березовом лесу 29 июля 1994 г. найдено еще одно гнездо этого вида на земле в углублении от выгнившего корня с кладкой из 5 яиц.

Численность. Наибольшего обилия достигала в сомкнутых высокоствольных сообществах: смешанных лесах, тайге, травяных сосняках (плотность населения – 10-38 особей на 1 км², в среднем 13 пар на 1 км²). Здесь она почти всегда входила в состав доминантов, составляя немногим больше 10% (до 15,2%) в населении, и уступая пеночке-весничке. В разреженных парковых березняках и сосновых посадках плотность населения зеленой пеночки была ниже – 9 пар и 9,5 пары на 1 км² соответственно. Здесь она реже становилась доминантом. В березняках это обычно соответствовало появлению густого подлеска или подроста (12,8%-18%). В сосновых посадках доля в населении птиц в среднем составляла чуть ниже 10%.

173. Желтоголовый королек *Regulus regulus* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный гнездящийся, оседлый или кочующий вид.

Распространение. Гнездится в горных лесах Южного Урала (Ильичев, Фомин, 1988), в лесостепных районах Зауралья отмечен на кочевках (Захаров, 2006). В Пермском крае обычен по всей территории (Воронцов, 1949; Шепель, Фишер, 2004). В Кунгурской лесостепи – малозаметный, но, по-видимому, обычный вид. Встречается в заказнике «Предуралье» (Шепель, 1981а). Становится заметным в зимнее время. По результатам зимних учетов в еловых, хвойно-мелколиственных лесах и сосняках Кунгурского района оказался одним из доминантов – 46-51% (Преображенская, Боголюбов, 1996). То же отмечали мы для городского сосняка г. Кунгура (Наумкин, Соснин,

2002), где на долю королька приходилось до 42,8% всего населения зимующих птиц.

174. Мухоловка-пеструшка *Ficedula hypoleuca* (Pallas, 1764)

Статус. Немногочисленный гнездящийся, перелетный вид.

Рис. 30. Кладка мухоловки-пеструшки.

Заказник «Предуралье»

Фото А.В. Рыбкина

Распространение. Обычна в горных лесах Южного Урала и в лесостепных районах Зауралья. В степных районах редка (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае обычна в южных и центральных районах, но спорадично встречается и севернее (Шепель, Фишер, 2004). В Кунгурской лесостепи мы встречали этот вид в светлых, разреженных парковых березняках (с присутствием сосны, липы и вяза) Спасской горы, в смешанных хвойно-широколиственных лесах Уинского и Октябрьского районов.

Гнездование. Гнездится в заказнике «Предуралье», составляя 6,9% в населении птиц-дуплогнездников, заселяющих линии дуплянок (Волегова, Шепель, 1980; рисунок 30). Гнездование отмечено также на территории г. Кунгура (Фуфаева, 2004).

175. Малая мухоловка *Ficedula (parva) parva* (Bechstein, 1794)

Статус. Редкий гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Редкий, малочисленный вид горных лесов Южного Урала (Ильичев, Фомин, 1988; Лоскутова, 1998), крайне редка в лесостепи Зауралья (Захаров, 2006). В Пермском крае широко распространенный, но малочисленный вид (Шепель, Фишер, 2004). В Кунгурской лесостепи мы отмечали поющих самцов в заказнике «Предуралье» и в смешанных хвойно-широколиственных лесах Вят-

кинского заказника (Наумкин, 2004а). А.И. Шепель отмечал гнездование у д. Усть-Турка (Кунгурский район).

176. Серая мухоловка *Muscicapa striata* (Pallas, 1764)

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Обычный гнездящийся вид горных лесов Южного Урала, лесостепных районов Зауралья. В степных районах встречается редко (Коровин, 2004; Захаров, 2006). Населяет всю территорию Пермского края (Воронцов, 1949; Шепель, Фишер, 2004). Обычна в Кунгурской лесостепи.

Численность. Регулярно встречается в парковых березняках на Спасской горе. Здесь в 1994 г. мухоловка входила в состав доминантов (13,5%), а плотность ее населения составила 14 пар на 1 км². Однако уже на следующий год картина изменилась, и в последующие годы этого не повторялось. В других лесных биотопах встречалась реже: в сосняках и смешанных елово-мелколиственных лесах плотность населения составила 1,5-3,5 пары на 1 км². В небольшом количестве отмечена в пригородных садах и парках.

177. Луговой чекан *Saxicola rubetra* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Встречается по открытым пространствам (поляны, пойменные луга) в горных районах Южного Урала. Обычен в зональной степи и лесостепи Зауралья (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае – обычный вид, широко распространенный по благоприятным биотопам (Шепель, Фишер, 2004), в том числе и в районах Кунгурской лесостепи.

Численность. Чаше всего встречался нам на пойменных лугах (46,2%), кроме того, отмечен на суходольных лугах (23,1%), залежах (23,1%), пустыре на месте брошенной деревни (7,6%). В наиболее оптимальных биотопах, например, в окрестностях д. Гари (Кунгурский район) на пойменном лугу, или в пойме р. Судинки (Уинский район),

плотность населения достигала 120-200 особей на 1 км². Это соответствует аналогичным показателям для влажных пойменных лугов в зональной лесостепи Зауралья (Захаров, 2006).

178. Черноголовый чекан *Saxicola torquata* (Linnaeus, 1766)

Статус. Редкий, спорадично гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. В Башкирии – крайне редкий вид, как в Предуралье, так и в Зауралье республики (Валуев, 2005). В зональной лесостепи Зауралья Челябинской области в прошлом был обычен (Волчанецкий, 1927), сейчас скорее редок (Захаров, 2006). В Пермском крае – малочисленный, спорадично распространенный вид (Шепель, Фишер, 2004). В районах Кунгурской лесостепи поющего самца мы наблюдали в мае 1995 г. на северной окраине д. Щелканы, в высоких зарослях сорняков по склону искусственной каменистой выемки (Наумкин, Демидова, 2002). 28 июня 2006 г. выводок и взрослый самец отмечены на залежи, заросшей сорняками, в д. Колпашники Кунгурского района. В июне 2007 г. поющий самец отмечен на сухом дереве в пойме р. Сылвы у Ломотинской старицы, и еще один – в высоких сорняках на краю Филипповского карьера (Кунгурский район).

Гнездование. С.М. Мушкалов наблюдал гнездование птиц в окрестностях с. Кинделино (Кунгурский район) на опушке смешанного мелколесья. Позднее опустевшее гнездо поступило в фонды Кунгурского музея. Оно было свито из сухих стеблей и листьев злаков с добавлением зеленого мха, в лотке присутствовали растительный пух и перья. Диаметр гнезда – 10 см, диаметр лотка – 5,5 см, глубина лотка – 4,5 см (инв. № НВ 3751/6).

179. Обыкновенная каменка *Oenanthe oenanthe* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный, не многочисленный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Широко распространена по всем природным зонам Урала (Коровин, 2004), особенно многочисленна в каменистых степях и на пастбищах южных степных районов (Захаров, 2006). В Пермском крае встречается по всей территории (Шепель, Фишер, 2004). В районах Кунгурской лесостепи мы отмечали каменку на выгонах (суходольных лугах с признаками пастбищной дигрессии), на пологих склонах с выходами коренных пород в Кишертском и Уинском районах, в дачных поселках по окраинам г. Кунгура, где птицы придерживались куч строительного мусора.

180. Обыкновенная горихвостка *Phoenicurus phoenicurus* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Обычная, во многих районах Урала многочисленная птица (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае

Рис. 31. Самец горихвостки.
Заказник «Предуралье»
Фото А.В. Рыбкина

Рис. 32. Кладка горихвостки
в дуплянке.
Фото А.В. Рыбкина

встречается по всей территории в самых разных биотопах (Шепель, Фишер, 2004).

Гнездование. В заказнике «Предуралье» горихвостка охотно заселяла линии дуплянок (рисунки 31-32), составляя 61% в населении гнездящихся в них птиц (Волегова, Шепель, 1980) и 32% всех окольцованных за год воробьиных (Шепель, Львовский, 1984). Это домини-

рующий вид населения искусственных гнездовий и в других районах Прикамья (Пантелеев, Болотников, 1976).

Численность. Встречается во всех типах лесов, но составляет в населении очень небольшую долю (5%-7%). Основные станции горихвостки – сосновые и березовые леса, плотность населения в которых составила чуть меньше 5 пар на 1 км² и 4 пары на 1 км² соответственно. В хвойно-широколиственных лесах, пойменных ольшаниках и посадках отмечены единичные пары. В елово-пихтовой тайге заказника «Предуралье» (1996 г.) горихвостка была одним из доминантов (10,9% населения птиц) с плотностью населения 12 пар на 1 км².

181. Зарянка *Erithacus rubecula* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Обычна в горных лесах Южного Урала и в лесных биотопах зональной лесостепи Зауралья. В степных районах редка (Захаров, 2006). В Пермском крае встречается по всей территории (Шепель, Фишер, 2004).

Рис. 33. Кладка зарянки
в дуплянке.

Фото А.В. Рыбкина

Гнездование. В заказнике «Предуралье» гнездится в искусственных дуплянках (рисунок 33), но реже, чем другие виды дуплогнездников (Волегова, Шепель, 1980).

Численность. В нижнем течении р. Сылвы в 1994 г. зарегистрирована в елово-мелколиственных лесах и березняках с густым подлеском и кустарниками, в 1995 г. отмечена преимущественно в травяных захламленных сосняках (средняя плотность населения – 8 пар на 1 км²). Здесь зарянка входила в состав доминантов, составляя 11,6-12,8% в населении.

182. Обыкновенный соловей *Luscinia luscinia* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Обычен в зональной степи и лесостепи Зауралья (Захаров, 2006). В Пермском крае встречается по всей территории, расселяется в северо-восточном направлении (Шепель, Фишер, 2004). Обычен в Кунгурской лесостепи.

Сроки прилета. Наиболее раннее пение отмечено нами 3 мая 1994 г. в Вяткинском заказнике.

Численность. Многочислен в пойменных зарослях по берегам рек и озер, где иногда отмечается очень высокая плотность населения – до 50 особей на 1 км². Встречается и в других биотопах – залежах на местах брошенных деревень, сосняках и сосновых посадках, но здесь, как правило, гнездятся единичные пары, и средняя плотность населения в таких местах невелика – в среднем 3,5 пары на 1 км². Часто встречается в садах и парках населенных пунктов. Обычен в г. Кунгуре (плотность населения – 11 поющих самцов на 1 км поймы р. Сылвы в пределах городской черты).

183. Варакушка *Luscinia svecica* (Linnaeus, 1758)

Статус. Редкий гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. В пределах Уральского региона распространение неравномерное: обычна и многочисленна в зональной степи и лесостепи Зауралья (Захаров, 2006), на юге лесной зоны редка (в том числе и в районах Кунгурской лесостепи). Относительно обычна в таежной зоне (Рябицев, 2001а), в том числе в северных районах Пермского края (Шепель, Фишер, 2004). Мы наблюдали варакушек трижды: гнездовую пару в высоких сорняках у обочины дороги за с. Посад (Кишертский район) в 1995 г.; поющего самца в березняке на Подкаменной горе в мае 2001 г.; беспокоящуюся самку с кормом в кустарниках по берегу оз. Забошное в Вяткинском заказнике в июле 2002 г.

184. Рябинник *Turdus pilaris* Linnaeus, 1758

Статус. Обычный, многочисленный гнездящийся, перелетный или зимующий вид.

Распространение. Обычен в зональной лесостепи Зауралья, в степных районах редок (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае распространен по всей территории (Шепель, Фишер, 2004).

Сроки прилета. В г. Кунгуре и его окрестностях появляется в середине апреля (самые ранние даты – 12 апреля 2005 г. и 27 марта 2010 г.). Зимующих птиц наблюдали в 2001-2004 гг. (Наумкин, Соснин, 2002; Наумкин и др., 2004), и в последующие годы (2006-2007). Очевидно, часть птиц зимует в городе ежегодно.

Гнездование. Обычно встречаются колониальные поселения размерами от 2-3 до десятков пар. Крупные колонии отмечены в сосняках у с. Серга и в черте г. Кунгура, гнезда в них располагались на концах длинных боковых ветвей. Первые кладки в Кишертском районе отмечены в конце апреля (Шураков, Шкарин, 1989), в г. Кунгуре – 15 мая 2003 г. (наши данные). Размеры яиц в трех кладках (n = 13): 28,5-33 мм x 21,1-20,5 мм, в среднем 30 x 20,9 мм. Со второй половины лета выводки рябинников в массе кормятся на садово-огородных участках, причиняя населению ощутимый ущерб.

Численность. Колонии рябинников встречались в березняках (9 пар на 1 км²), сосняках (12 пар), смешанных лесах (10 пар) и сосновых посадках (20 пар). Как правило, при наличии колониального поселения рябинник становился одним из доминантов в населении (до 20%), особенно ярко это проявилось в сосновых посадках на Ледяной горе, где его доля в населении составила 22,3-34,3%.

185. Черный дрозд *Turdus merula* Linnaeus, 1758

Статус. Редкий гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Редкий гнездящийся вид горных лесов Южного Урала (Рябицев, 2001а; Захаров, 2006). В Пермском крае распространен в южных районах (Воронцов, 1949), постепенно проникает в Зауралье (Шураков и др., 1989).

Рис. 34. Гнездо черного дрозда.

Заказник «Предуралье»

Фото А.В. Рыбкина

Встречается в заказнике «Предуралье» (Шепель, 1981а; рисунок 34), где мы отмечали поющих птиц в хвойно-широколиственных лесах в 1996 г. В Вяткинском заказнике также отмечены поющие самцы (в смешанных лесах, березняках и пойменных ольшаниках, в среднем 3,5-4 особи на 1 км²). Одна птица (самка или молодая) встречена в пойме р. Сылвы (ивняки) в черте г. Кунгура весной 2004 г., поющий самец зарегистрирован 24 июня 2006 г. в пойменном ивняке по берегу р. Турки (Кунгурский район).

186. Белобровик *Turdus iliacus* Linnaeus, 1766

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Обычен в горных лесах Южного Урала, в лесных биотопах зональной лесостепи Зауралья (Захаров, 2006). В степных районах редок. В Пермском крае встречается по всей территории (Шепель, Фишер, 2004).

Сроки прилета. Под г. Кунгуром отмечен со второй декады апреля (2003 и 2005 гг.). Зимующих птиц наблюдали 20 января 2004 г. (Наумкин и др., 2004).

Гнездование. Полная кладка из пяти яиц найдена в елово-липовом лесу в Вяткинском заказнике 10 мая 1995 г.; кладки отмечены (в разные годы) 19, 20 и 29 мая в парках и садах в черте г. Кунгура (найжены в кучах хвороста и на невысоких пеньках). Промеры яиц в

трех кладках ($n = 14$): 23-27,3 мм x 18-21,1 мм, в среднем 25,7 x 19,5 мм.

Численность. В нижнем течении р. Сылвы населяет в основном елово-мелколиственные леса (Наумкин, Демидова, 2002). Обычен в высокоствольных сосняках (6,5 пар на 1 км²) и в парковых березняках (2,5 пары на 1 км²). Доля в населении птиц в целом не высока (2-3,9% в разных биотопах). В городском сосняке в отдельные годы входил в состав доминантов – 10,4-13,5 % (Наумкин, 2004б). Встречается также в широколиственных лесах, пойменных ольшаниках и сосновых посадках. Активно осваивает селитебные территории.

187. Певчий дрозд *Turdus phylomelos* C.L. Brehm, 1831

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Встречается в горных лесах Южного Урала, в зональной лесостепи Башкирии и Зауралья. В степной зоне отмечены редкие встречи в островных борах (Захаров, 2006). В Пермском крае распространен по всей территории (Шепель, Фишер, 2004).

Гнездование. 9 мая 1994 г. в Вяткинском заказнике найдено гнездо с кладкой из 4 яиц. Помещалось оно в большой овальной нише, выдолбленной дятлом в трухлявом обломанном стволе липы, на высоте примерно 1,7 м. Гнездится в г. Кунгуре (Фуфаева, 2004).

Численность. Предпочитает елово-березовые леса и березняки с еловым подростом (3,5 пары на 1 км²). Отмечен также в хвойно-широколиственных лесах и сосняках. Высокой численности не достигает нигде, составляя в населении птиц в среднем менее 4%.

188. Деряба *Turdus viscivorus* Linnaeus, 1758

Статус. Редкий гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Немногочисленный гнездящийся вид горных лесов Южного Урала и лесостепного Зауралья (Ильичев, Фомин, 1988; Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае в прошлом считался обычным (Ушков, 1927; Воронцов, 1949). В настоящее время

малочислен (Шепель, Фишер, 2004). Мы встречали его всего несколько раз: пару особей в парковом березняке на Спасской горе (2,5 пары на 1 км²) в 1996 г., взрослых птиц и слетков в высокоствольных пойменных ольшаниках Ломотинской старицы в 1996 г., и одну птицу также в пойменных ольшаниках вдоль узкого и длинного озера Долгого 13 октября 2005 г. (все встречи относятся к нижнему течению р. Сылвы). Встречался в заказнике «Предуралье» (Воронов, 1950). Пролетные птицы отмечены на Кишертских озерах (В.А. Лапушкин, устн. сообщ.).

189. Пестрый дрозд *Zoothera varia* (Pallas, 1811)

Статус. Редкий, возможно гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Редкий гнездящийся вид горных лесов Южного Урала, отмечен в заповедниках Башкирии и Ильменах (Захаров, 2006). В Пермском крае встречи птиц известны по всей территории (Шепель, Фишер, 2004), в том числе в Уинском районе (Шураков и др., 1989). С.Л. Ушков (1927) наблюдал этот вид на р. Шакве. С 1978 г. пестрый дрозд отмечен в заказнике «Предуралье» (Шепель, 1981а).

190. Ополовник *Aegithalos caudatus* (Linnaeus, 1758)

Статус. Немногочисленный гнездящийся, оседлый и кочующий вид.

Распространение. Обычный гнездящийся вид пойменных лесов Южного Урала, немногочислен в лесостепном Зауралье (Захаров, 2006). В Пермском крае встречается почти повсеместно, более обычен в южных районах (Воронцов, 1949). В гнездовое время ополовников наблюдали в пойменных зарослях Вяткинского заказника (Наумкин, Демидова, 2004). Выводки из 8-10 особей встречали в июле в Кишертском и Уинском районах (Пантелеев, Кривошеков, 1989). В период осенне-зимних кочевок птицы становятся более заметными, в это время часто встречались в пойменных ивняках и сосновых посадках Ле-

дяной горы (Наумкин и др., 2004) и в сосновых лесах заказника «Предуралье».

191. Обыкновенный ремез *Remiz pendulinus* (Linnaeus, 1758)

Статус. Редкий гнездящийся (возможно, не ежегодно), перелетный вид. Внесен в Приложение Красной книги Пермского края.

Распространение. В Башкирии редок (Ильичев, Фомин, 1988; Валуев, 2002), в лесостепных районах Зауралья местами обычен (Кузьмич и др., 2005; Захаров, 2006). В Пермском Прикамье Е.М. Воронцов (1949) его не отмечал; в сводку «Животный мир Прикамья» (1989) он не включен. Гнездование не так давно зарегистрировано в окр. г. Перми (Лапушкин и др., 1995б; Казаков, 1998). Вторым выявленным местом гнездования ремеза в Пермском крае стали Вяткинские озера, где в мае 2003 г. В.П. Казаковым и А.И. Шепелем (ПГНИУ) на березах были найдены свежие и прошлогодние гнезда (Казаков и др., 2003; Наумкин, 2004а).

192. Пухляк *Parus montanus* Baldenstein, 1827

Статус. Обычный гнездящийся, оседлый и кочующий вид.

Распространение. Широко распространен во всех природных зонах Уральского региона, обычен в лесостепных районах, в степи встречается в островных борах (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае распространен повсеместно (Шепель, Фишер, 2004).

Численность. В Кунгурской лесостепи этот вид отмечали в различных лесных биотопах, но высокой плотности населения он достиг лишь в южно-таежных елово-мелколиственных лесах (12,5 пар на 1 км²) и в сосняках (10 пар). Здесь буроголовая гаичка чаще всего становилась одним из доминантов в населении (11,3-12,8%). Хвойно-широколиственные леса, березняки и сосновые посадки она заселяет с меньшим обилием (5,5 – 11 пар на 1 км²). Доля в населении – несколько ниже 10% (8,7-8,8%). В 1995 г. была отмечена высокая численность

гайчек – они были очень обильны и в посадках (20,8%), и в спелых сосняках (20,1%), и даже в березняках (13,5%).

193. Хохлатая синица *Parus cristatus* Linnaeus, 1758

Статус. Редкий, возможно, гнездящийся, оседлый и кочующий вид.

Распространение. Редкий гнездящийся вид горных лесов Южного Урала (Кириков, 1952; Ильичев, Фомин, 1988; Захаров, 2006). В лесостепных районах Зауралья отсутствует или встречается в незначительном количестве. В Прикамье всеми исследователями признается редким видом (Сабанеев, 1874; Воронцов, 1949; Шепель, Фишер, 2004). Гнездится в юго-западной части края (Шураков и др., 1989). В.П. Казаков (2001) отмечал под Пермью встречи малочисленных кочующих стаяк. Такую же стайку мы встретили в г. Кунгуре в ноябре 2001 г. (Наумкин, Соснин, 2002).

194. Московка *Parus ater* Linnaeus, 1758

Статус. Немногочисленный гнездящийся, оседлый и кочующий вид.

Распространение. В горных темнохвойных лесах Южного Урала обычна, в зональной лесостепи Зауралья немногочисленна, в степных районах редка (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае широко распространена по всей территории (Шепель, Фишер, 2004). Обычна в заказнике «Предуралье» (Шепель, 1981а). В большинстве районов Кунгурской островной лесостепи немногочисленна, спорадично распространена по участкам темнохвойных лесов, которые занимают здесь незначительную площадь. По данным опросов птицеводов-любителей (А.А. Пермяков), в окрестностях г. Кунгура московка бывает не ежегодно.

195. Лазоревка *Parus caeruleus* Linnaeus, 1758

Статус. Редкий, возможно, гнездящийся, оседлый и кочующий вид.

Распространение. Редкий гнездящийся вид горных районов Южного Урала (Ильичев, Фомин, 1988), в лесостепном Зауралье редка, в степных районах – единичные встречи (Захаров, 2006). В Пермском крае была и остается редкой птицей. Л.П. Сабанеев (1874) считал ее гнездящимся видом юго-западных районов Пермской губернии. Е.М. Воронцов (1949) изредка отмечал ее в окрестностях г. Перми. Мы видели только птиц, отловленных А.А. Пермяковым в пойменных ивняках под Ледяной горой (г. Кунгур). По его словам, лазоревки нередко встречаются в зимнее время в г. Кунгуре и его окрестностях (Наумкин и др., 2004).

196. Князек *Parus cyanus* Pallas, 1770

Статус. Редкий вид, встречающийся на осенне-зимних кочевках. Занесен в Красную книгу России (IV категория редкости).

Распространение. Редкий гнездящийся вид лесостепного Зауралья (здесь мы отмечали птиц в заболоченной пойме р. Миасс у д. Устиново, Челябинская обл.), относительно обычный только в немногих местообитаниях (Захаров, 2006). В Пермском крае встречается редко (Ушков, 1927; Воронцов, 1949). В пределах Кунгурской лесостепи птиц наблюдали, по литературным данным, в октябре 1994 г. в с. Усть-Кишерть (Лапушкин, Казаков, 2000); на ст. Ергач (Кунгурский район); в окрестностях райцентра Суксун (Шепель, Казаков, 2008).

197. Большая синица *Parus major* Linnaeus, 1758

Статус. Обычный, многочисленный гнездящийся, оседлый и кочующий вид.

Распространение. Широко распространена по лесным биотопам всех природных зон Уральского региона (Рябицев, 2001а; Коровин, 2004; Захаров, 2006), в том числе в Пермском крае (Шепель, Фишер, 2004) и в Кунгурской лесостепи.

Гнездование. Среди птиц, гнездящихся в искусственных гнездовьях в заказнике «Предуралье» (Волегова, Шепель, 1980; рисунок 35) и в сельских населенных пунктах Уинского района (Шураков, Ахметова, 2004) большая синица ста-

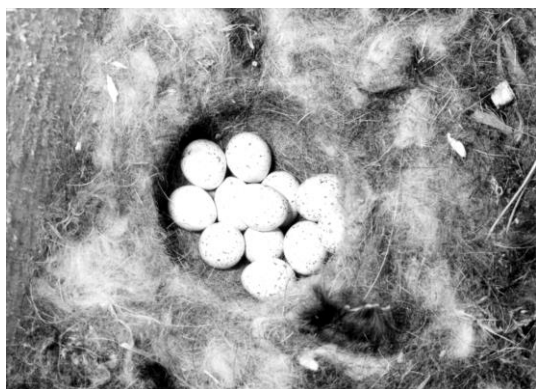

Рис. 35. Кладка большой синицы в дуплянке.
Фото А.В. Рыбкина

бильно занимает второе место, уступая в первом случае обыкновенной горихвостке, во втором – скворцу.

Численность. Встречается в различных биотопах, как лесных, так и пойменных, однако, как правило, в естественных лесах (сос-

няках и березняках) плотность гнездования (2-3 пары на 1 км²) и доля в населении птиц (5%) невысоки. Антропогенно трансформированные и селитебные территории привлекают больших синиц в большей степени. В зимнее время синица становится особенно заметной. Специальные наблюдения в городском сосняке в 2001-2002 гг. (Наумкин, Соснин, 2002) показали, что птицы постепенно переключаются из лесных биотопов в городскую застройку, их доля в общем населении плавно снижается с октября (37,8%) по январь (17,8%).

198. Обыкновенный поползень *Sitta europea* Linnaeus, 1758

Рис. 36. Выводок поползня в дуплянке.
Заказник «Предуралье»
Фото А.В. Рыбкина

Статус. Обычный гнездящийся, оседлый вид.

Распространение. Обычный гнездящийся вид лесных биотопов зональной лесостепи Зауралья, в степных районах отмечены кочующие птицы (Коровин, 2004; Заха-

ров, 2006). В Пермском крае широко распространен по всей территории (Шепель, Фишер, 2004). В Кун-

гурской лесостепи обычен в лесах различных типов.

Гнездование. В мае 1995 г. в Вяткинском заказнике, в пойме оз. Забошное найдено гнездо в дупле старой липы (Наумкин, Демидова, 2002). Гнездится в дуплянках (рисунок 36).

Численность. В Черниковском сосновом бору (Подкаменная гора) и сосново-лиственничных посадках Ледяной горы плотность населения составила 3,5 пары на 1 км². Это соответствует показателям плотности населения в островных сосновых борах зональной лесостепи Зауралья (Захаров, 2006). Встречается в городском сосняке (Наумкин, Соснин, 2002). Становится особенно заметным в осенне-зимний период.

199. Обыкновенная пищуха *Certhia familiaris* Linnaeus, 1758

Статус. Обычный гнездящийся, оседлый вид.

Распространение. Немногочисленный гнездящийся вид горных лесов Южного Урала и островных боров лесостепной зоны Зауралья (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермской области – немногочисленный, но, по-видимому, обычный вид (Ушков, 1927; Воронцов, 1949; Шепель, Фишер, 2004).

Численность. Мы отмечали пищуху в смешанных хвойно-широколиственных лесах Вяткинского заказника (Наумкин, Демидова, 2002), в елово-пихтовой тайге (7 пар на 1 км²) заказника «Предуралье», на территории г. Кунгура в сосновых посадках Ледяной горы и городском сосняке. Здесь плотность населения также составила 3,5-7 пар на 1 км². Судя по литературным данным (Захаров, 2006), в Кунгурской лесостепи численность выше, чем в лесных биотопах зауральской лесостепи.

200. Домовый воробей *Passer domesticus* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный, многочисленный гнездящийся, оседлый синантропный вид.

Распространение. По сравнению с полевым воробьем является более строгим синантропом (Коровин, 2004). Распространение по Уральскому региону связано с населенными пунктами. Везде многочислен (Коровин, 2004; Шепель, Фишер, 2004; Захаров, 2006). Обычен в районах Кунгурской лесостепи и в г. Кунгуре.

Численность. Специальных подсчетов численности мы не проводили. В разных населенных пунктах Октябрьского района плотность населения в июле 2001 г. составила 160-267 особей, в среднем 212 особей на 1 км² (Лидия В. и Людмила В. Кирсберг, 2004). Это почти в два раза выше, чем у полевого воробья. Опубликованные данные несколько ниже указанных в литературе для населенных пунктов зональной лесостепи (Захаров, 2006).

201. Полевой воробей *Passer montanus* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный, многочисленный гнездящийся, оседлый и кочующий синантропный вид.

Распространение. В лесостепных районах Зауралья гнездится, помимо населенных пунктов, в приречных зарослях и по береговым обрывам. В зональной степи в наименьшей степени связан с человеческим жильем, поселяется в лесополосах, пойменных лесах и по береговым обрывам, где гнездится в норках береговушек и золотистых щурок (Захаров, 2006). В Пермском крае широко распространен по всей территории (Воронцов, 1949), в том числе и в северных районах (Шепель, Фишер, 2004).

Численность. С.Л. Ушков (1927) и Е.М. Воронцов (1949) считали полевого воробья более многочисленным, чем предыдущий вид. В настоящее время он численно уступает домовому воробью даже в сельских населенных пунктах (Наумкин, Демидова, 2002). В Октябрьском районе плотность населения в июле 2001 г. в среднем составила 130 особей на 1 км² (Лидия В. и Людмила В. Кирсберг, 2004). Зимует в г. Кунгуре (Наумкин, Соснин, 2002).

202. Зяблик *Fringilla coelebs* Linnaeus, 1758

Статус. Обычный, многочисленный гнездящийся, перелетный и зимующий (в теплые зимы) вид.

Рис. 37. Гнездо зяблика.
Заказник «Предуралье»
Фото А.В. Рыбкина

Распространение. Многочисленный гнездящийся вид лесных биотопов всех природных зон Уральского региона (Коровин, 2004; Шепель, Фишер, 2004; Захаров, 2006). В Кунгурской лесостепи почти повсеместно доминирует в населении птиц лесных биотопов, за исключением очень

разреженных парковых березняков.

Сроки прилета. Появляется под Кунгуром во второй декаде апреля. К строительству гнезд приступает в 20-х числах апреля (Фуфаева, 2004). Для районов Кунгурской лесостепи характерно наличие двух циклов размножения (Фуфаев, 1986), в неблагоприятные годы второй цикл гнездования отсутствует (рисунок 37).

Численность. По усредненным данным составила: в южной пихтово-еловой тайге – 26 пар на 1 км², в сосняках и сосновых посадках – 21-22,5 пары на 1 км², в хвойно-широколиственных лесах – 16,5 пар, в парковых березняках – 13,5 пар, в чистых ельниках – 8 пар, и наконец, в пойменных ивняках и ольшаниках – 5,5 пар на 1 км² (таблица 8).

Доля в населении сосняков достигала 30%, но в среднем составляла 21%. В чрезмерно разреженных березняках, например, на Ледя-

ной горе, зяблик утрачивал доминирующие позиции в населении (5,4%).

Таблица 8 – Динамика численности зяблика в лесных местообитаниях, особей/км²

Биотоп	1994	1995	1996	2002	2003	2004	2005	2006	М±m
Хвойно-широколиств. леса	39	36	-	-	-	30	30	30	33±3
Елово-мелколиств. леса и ельники	32	29	35	-	-	-	-	33	32±3,5
Сосновые леса	39	29	45	53	66	34	44	41	44±3,5
Сосновые посадки	33	30	44	39	52	45	48	40	41±2
Березняки	19	25	33	38	24	20	25	27	27±2,5
Ивняки и ольшаники	12	19	-	8	6	-	-	10	11±1,5

203. Юрок *Fringilla montifringilla* Linnaeus, 1758

Статус. Обычный, немногочисленный гнездящийся, перелетный и зимующий в отдельные годы вид.

Распространение. Отмечен на гнездовании в горных лесах Южного Урала (Ильичев, Фомин, 1988; Ушков, 1993), в лесостепных районах крайне редок, хотя, видимо, в отдельные годы возможно спорадичное гнездование (Захаров, 2006). В Пермском крае наиболее характерен для горно-таежных районов (Шепель, Фишер, 2004). В Кунгурской лесостепи отмечен во многих лесных местообитаниях: смешанных лесах, березняках, сосняках и сосновых посадках.

Численность. Нигде не достигает высокой численности (по вышперечисленным станциям в среднем – 3-5 пар на 1 км², 4,9% в населении птиц). В весеннее и осеннее время отмечали кочующие стайки юрков до 50 особей. В 2003-2004 гг. зимующие птицы были обычны в г. Кунгуре (Наумкин и др., 2004).

204. Обыкновенная зеленушка *Chloris chloris* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный и зимующий (в теплые зимы) вид.

Распространение. Встречается в горных лесах Южного Урала, где немногочисленна; в лесостепных районах селится по колкам и населенным пунктам. В степной зоне отмечена в основном на пролете и зимовках (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае распространена практически по всей территории (Шепель, Фишер, 2004).

Сроки прилета. В г. Кунгуре первые птицы (зимовавшие?) отмечены в конце марта, первое пение – со второй половины апреля (18 апреля 2006 г.).

Численность. Отмечена во многих лесных биотопах Кунгурской лесостепи, но также, как и предыдущий вид, с невысокой плотностью гнездования и долей в населении (5,5 пары на 1 км², 6,1% в населении). В сосняках была особенно обильна, и иногда входила в группу доминантов, составляя до 11,6% общего населения птиц.

205. Чиж *Spinus spinus* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный, немногочисленный гнездящийся, перелетный и зимующий в отдельные годы вид.

Распространение. Встречается в горных лесах Южного Урала (Кириков, 1952; Ильичев, Фомин, 1988), в лесостепной зоне в небольшом количестве найден в островных борах (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае – обычный гнездящийся вид (Шепель, Фишер, 2004). В естественных биотопах Кунгурской лесостепи чижей наблюдали редко. Пролетная стайка отмечена в Вяткинском заказнике (Наумкин, Демидова, 2002). В 2004 г. был обычен в зимнее время на территории г. Кунгура и в его окрестностях (Наумкин и др., 2004).

206. Щегол *Carduelis carduelis* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный и зимующий в отдельные годы вид.

Распространение. Обычен в зональной лесостепи Башкирии и Зауралья, редок в степной зоне (Захаров, 2006). Встречается по всей территории Пермского края, продвигаясь в северные районы вслед за появлением открытых биотопов (Шепель, Фишер, 2004). В Кунгурской лесостепи встречается по опушкам хвойных и смешанных лесов, чаще по окраинам населенных пунктов. Обычен в агроландшафте в высоких зарослях сорняков.

Сроки прилета. В 2007 г. стайки щеглов были обычны в затопленной пойме р. Сылвы под Спасской горой с 1 мая, в 2009 г. в г. Кунгуре – с 29 апреля. В 2004 г. здесь отмечены зимующие птицы (Наумкин и др., 2004).

Гнездование. Гнездится в г. Кунгуре. Гнездо в фондах Кунгурского музея (инв. № НВ 3621/18) найдено Л.А. Долгих на пустыре на территории города.

207. Коноплянка *Acanthis cannabina* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Встречается в Башкирии и лесостепном Зауралье, в степной зоне редка. Распространение в регионе крайне неравномерное, в большинстве районов – малочисленная или редкая птица (Захаров, 2006). В Пермском крае обычна, встречается вплоть до северных районов (Шепель, Фишер, 2004). В Кунгурской лесостепи птиц наблюдали в открытых местообитаниях: в снегозащитных полосах вдоль дорог, в кустах можжевельника на остепненных склонах, в березовых лесах, садах, в молодой лиственной поросли (Фуфаев, 1980; наши наблюдения).

Гнездование. В июле 2001 и 2002 гг. в пригородных садах г. Кунгура найдены два однотипных гнезда с кладками из четырех и трех яиц. Располагались они в малине и на вишне. В первом случае отмечено успешное гнездование, птенцы покинули гнездо в конце месяца.

Численность. Плотность населения по остепненным участкам с можжевельником (Пермь-Сергинская каменистая степь) составила 3 особи на 1 км².

208. Обыкновенная чечетка *Acanthis flammea* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный, иногда многочисленный, пролетный и зимующий вид, особенно заметный на осеннем пролете.

Распространение. Обычна на пролете в горных районах Южного Урала (Захаров, 2006). Кроме того, известны случаи гнездования в северной лесостепи Челябинской области (Рябицев, 1996; Кузьмич, 2002). В Пермском крае гнездится в центральных и северных районах (Ушков, 1927; Воронцов, 1949). На территории Кунгурской лесостепи гнездование не установлено (Воронцов, 1949). Первые птицы отмечены в г. Кунгуре с начала октября. Зимой встречается на территории города (Фуфаева, 2004; Наумкин и др., 2004) и в его окрестностях.

209. Пепельная чечетка *Acanthis hornemanni* (Holboell, 1843)

Статус. Пролетный и зимующий вид.

Распространение. Редкий пролетный вид горных лесов Южного Урала. Птицы отмечены в заповеднике «Шульган-Таш» (Лоскутова, 1998) и в Ильменах (Ушков, 1993). В Кунгурской лесостепи мы отмечали отдельных птиц поздней осенью в стайках с обыкновенными чечетками (Наумкин и др., 2004). Максимальное число птиц – около 30 особей, кормящихся на старых березах в большой смешанной стае обыкновенных чечеток, – наблюдали в ноябре 1995 г. на Подкаменной горе (Кунгурский район). В зимнее время птиц не встречали, но, вероятно, пепельная чечетка может зимовать в пределах Кунгурской лесостепи.

210. Обыкновенная чечевица *Carpodacus erythrinus* (Pallas, 1770)

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. Обычна в горных лесах Южного Урала и в лесостепных районах Зауралья. В зональной степи немногочисленна (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае – обычный, широко распространенный вид (Шепель, Фишер, 2004).

Численность. В березняках плотность населения составила в среднем 6,5 пар на 1 км² (8,6% в населении). Здесь она изредка становилась одним из доминантов (10,8-17,9%). В смешанных и сосновых лесах, сосновых посадках встречалась несколько реже. В лесостепном Зауралье для аналогичных биотопов указана значительно более высокая плотность населения (Захаров, 2006).

211. Урагус *Uragus sibiricus* (Pallas, 1773)

Статус. Залетный в период осенне-зимних кочевок (зимующий) вид.

Распространение. Зимует в горных лесах Башкирии (Лоскутова, 1998) и в зауральской лесостепи (Захаров, 2006). Кроме того, для зональной лесостепи известны случаи гнездования в Челябинской области (Кузьмич и др., 2005) и, предположительно, в Ильменском заповеднике (Захаров, 2004). В Пермском крае впервые отмечен на зимовках в окрестностях г. Перми в середине 1980-х гг. (Кривошеков, Имамеев, 1988). Мы отмечали маленькие стайки и пары птиц в пойменных ивняках под Ледяной горой и в парке у входа в Кунгурскую Ледяную пещеру в феврале-марте 2004 г. (последняя встреча – 29 марта). По сообщению А.А. Пермякова, урагусы регулярно зимуют под Кунгуром в последние два-три года (Наумкин и др., 2004). В 2003 г. отмечено летнее пребывание урагусов в пойме р. Сылвы у д. Гусельниково Кишертского района (Шураков, 2004).

212. Щур *Pinicola enucleator* (Linnaeus, 1758)

Статус. Залетный в период осенне-зимних кочевок (зимующий) вид.

Распространение. Редкий зимующий вид горных лесов Южного Урала (Захаров, 2006). В Пермском крае, помимо зимующих птиц, в северных районах отмечены явно гнездящиеся (Шепель, Фишер, 2004). В Кунгурской лесостепи вид немногочислен, и встречается далеко не ежегодно. Стайку птиц из 8 особей мы вместе с В.П. Казаковым наблюдали на окраине городского сосняка в г. Кунгуре в начале ноября 2001 г. (Наумкин, Соснин, 2002).

213. Клест-сосновик *Loxia pytyopsittacus* Borkhausen, 1793

Статус. Залетный вид.

Распространение. В пределах Урала выяснено недостаточно (Рябицев, 2001а). По-видимому, в зональной лесостепи встречается крайне редко. В районах Кунгурской лесостепи может появляться вследствие типичных для клестов инвазий. Отмечен в заказнике «Предуралье» (Шепель, Львовский, 1984).

214. Клест-еловик *Loxia curvirostra* Linnaeus, 1758

Статус. Обычный гнездящийся, оседлый и кочующий вид.

Распространение. В лесных районах Южного Урала относительно обычен, в зональной лесостепи встречается в островных борах (Захаров, 2006). В Пермском крае обычен по всей территории, но численность и распространение колеблются по годам в зависимости от урожая еловых шишек (Шепель, Фишер, 2004). Отдельных птиц и небольшие стайки видели в марте в городском сосновом бору и заказнике «Предуралье», в мае – в Вяткинском заказнике (Наумкин, 2004а).

215. Белокрылый клест *Loxia leucoptera* J.F. Gmelin, 1789

Статус. Редкий, возможно, периодически гнездящийся, кочующий вид.

Распространение. Крайне редкий зимующий и кочующий вид Южного Урала (Захаров, 2006). В Пермском крае спорадично распространен по всей территории, численность и распространение тесно связаны с урожаем еловых шишек (Шепель, Фишер, 2004). На терри-

тории Кунгурской лесостепи в такие годы птицы могут появляться в значительном количестве. Кунгурские птицеловы хорошо знают этот вид.

216. Обыкновенный снегирь *Pyrrhula pyrrhula* (Linnaeus, 1758)

Статус. Немногочисленный гнездящийся, обычный зимующий вид.

Распространение. Относительно обычен в гнездовое время в горных лесах Южного Урала, в островных лесостепных борах редок. В зимнее время широко кочует по лесостепным районам Зауралья (Захаров, 2006). Встречается по всей территории Пермского края (Воронцов, 1949). В гнездовое время отдельные птицы отмечены нами в елово-мелколиственных и елово-липовых лесах, а также в сосняках. Плотность населения невысока – 5-7 пар на 1 км² (7% в населении птиц). В зимний период снегيري становятся очень заметными, встречаются во всех населенных пунктах, где есть ягодные кустарники. В городском сосняке, где кустарниковый ярус хорошо выражен, снегيري составляли значительную часть населения зимующих птиц – их количество постепенно снижалось с ноября (28,5%) по январь (10,7%), затем птицы, по-видимому, откочевывают из города в лесные биотопы (Наумкин, Соснин, 2002).

217. Серый снегирь *Pyrrhula cinerea* Cabanis, 1872

Статус. Залетный вид.

Распространение. Сибирский вид, обычный для Восточной Сибири. Распространение в Западной Сибири изучено плохо. На осенне-зимних кочевках может встречаться далеко к западу (Рябицев, 2001а). В лесостепном Зауралье – редкий зимующий вид (Захаров, 2006). В Кунгурской лесостепи в зимнее время встречаются одиночные птицы. Мы наблюдали пару на кустах сирени в центре г. Кунгура в феврале 2004 г., одну птицу – в краевом центре г. Перми (Наумкин и др.,

2004), и одну – на яблоне в парке у входа в Кунгурскую Ледяную пещеру 10 марта 2006 г.

218. Обыкновенный дубонос *Coccothraustes coccothraustes* (Linnaeus, 1758)

Статус. Малочисленный, возможно гнездящийся, перелетный и зимующий (в теплые зимы) вид.

Распространение. Редкий гнездящийся и эпизодически зимующий вид Башкирии и лесостепных районов Зауралья (Ильичев, Фомин, 1988; Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае малочислен, распространен и гнездится спорадично (Фуфаев и др., 1989). Гнездование отмечено в Чернушинском районе (Фуфаев и др., 1989) и в г. Перми (Казаков, 2001). В гнездовой период 2003 г. мы отметили одиночную птицу в Вяткинском заказнике (Наумкин, 2004а). В марте-феврале 2004 г. дубоносы были обычны по окраинам г. Кунгура везде, где встречались ягодные кустарники (Наумкин и др., 2004).

219. Просянка *Miliaria calandra* (Linnaeus, 1758)

Статус. Залетный вид.

Распространение. Ближайшие залеты известны для степного Оренбуржья (Коршиков, Корнев, 2003). В июле 1980 г. молодая птица была поймана в заказнике «Предуралье» (Шепель и др., 1981).

220. Обыкновенная овсянка *Emberiza citrinella* Linnaeus, 1758

Статус. Обычный, многочисленный гнездящийся, перелетный и зимующий в отдельные годы вид.

Распространение. Обычный гнездящийся и зимующий вид зональной лесостепи и северных степных районов Башкирии и Зауралья (Ильичев, Фомин, 1988; Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае встречается повсеместно (Воронцов, 1949; Шепель, Фишер, 2004). Одна из наиболее обычных и многочисленных птиц Кунгурской лесостепи.

Сроки прилета. Пение овсянок мы отмечали со второй половины апреля. В это время птицы обычны по оттаявшим остепненным склонам долины р. Сылвы. В конце апреля – начале мая интенсивное пение отмечено в поймах рек Сылвы и Ирени, Кишертских и Вяткинских озер. Зимующих птиц отмечали в г. Кунгуре и его окрестностях в 2003-2004 гг. (Наумкин и др., 2004) и в последующие годы.

Численность. Тяготеет к парковым березнякам (10 пар на 1 км²) и сосновым посадкам (10 пар на 1 км²). Здесь она стабильно входила в группу доминантов, составляя по среднесноголетним данным 10,8% в населении березняков и 10,2% в населении сосновых посадок. Особенно многочисленна овсянка в разреженных березняках Ледяной горы (17,7-17,9%). Отдельные пары овсянок встречались в пойменных ольшаниках и ивняках, а также по опушкам сосновых лесов. Судя по литературным данным (Коровин, 2004; Захаров, 2006), в лесостепных районах Зауралья те же местообитания обыкновенная овсянка населяет с более высокой плотностью.

221. Белошапочная овсянка *Emberiza leucocephala* S.G. Gmelin, 1771

Статус. Залетный вид.

Распространение. Редкий залетный (Захаров, 2006) и эпизодически гнездящийся вид (Кузьмич и др., 2005) лесостепных районов Зауралья. В Пермском крае в прошлом встречались залетные птицы (Ушков, 1927), в настоящее время граница ареала проводится по северо-восточным районам края (Рябицев, 2001а). В Кунгурской лесостепи – залетный вид. По информации от птицеловов (А.А. Пермяков), в 2001-2002 гг. отмечен массовый залет (в осеннее время) белошапочных овсянок на территорию пос. Нагорного и д. Поповка (северо-западная часть г. Кунгура).

222. Садовая овсянка *Emberiza hortulana* Linnaeus, 1758

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. В Башкирии обычна, но не многочисленна (Ильичев, Фомин, 1988; Торгашов, 2003), в лесостепных районах Зауралья распространена неравномерно, в большинстве районов редка (Захаров, 2006). В степи Зауралья более многочисленна. В Прикамье Л.П. Сабанеев (1874) предполагал ее обитание по остепненным участкам Красноуфимского и Осинского уездов, Е.М. Воронцов (1949) отмечал как редкость в гнездовое время под г. Кунгуром. В настоящее время садовая овсянка обычна в остепненных биотопах Кунгурской лесостепи.

Сроки прилета. Наиболее раннее пение отмечено нами 3 мая 2006 г. у с. Ленск Кунгурского района.

Гнездование. 18 июня 2004 г. на степном участке (ковыльно-разнотравная степь) по склону долины р. Ирени (Уинский район) В.П. Казаковым найдено гнездо с готовыми к вылету птенцами.

Численность. Встречается в основном в сосновых посадках (не повсеместно), где нередко преобладает над обыкновенной овсянкой (19 пар на 1 км², 19,5% в населении). Обычна в редких кустарниках по открытым остепненным склонам (12-15 пар на 1 км²). Отмечена также в учетах в южных хвойно-широколиственных лесах (где обыкновенная овсянка нам не встречалась) и по опушкам березняков, где значительно уступала в численности обыкновенной овсянке.

223. Камышовая овсянка *Schoeniclus schoeniclus* (Linnaeus, 1758)

Статус. Обычный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. В горных районах Южного Урала редка (Лоскутова, 1998), в лесостепных и степных районах Зауралья обычна и широко распространена (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В Пермском крае встречается по всей территории в подходящих биотопах (Шепель, Фишер, 2004). Отмечена во многих пунктах Кунгурской лесостепи.

Сроки прилета. Наиболее раннее наблюдение нами камышовых овсянок – 28 апреля 2002 г. на Кишертских озерах.

Гнездование. 4 июля 2003 г. здесь найдено гнездо с кладкой. Размеры яиц (n = 5) составили 20-25 мм x 13,4-14,4 мм, в среднем 22,8 x 14 мм.

Численность. Обычна на пойменных лугах с кустарниками, многочисленна на Вяткинских и Кишертских озерах (в среднем 0,8 пары на 1 км береговой линии).

224. Овсянка-ремез *Ocyris rusticus* (Pallas, 1776)

Статус. По опросным данным, обычна на весеннем пролете.

Распространение. В горных районах Южного Урала гнездится (Ильичев, Фомин, 1988), в степных и лесостепных районах Зауралья встречаются отдельные птицы (Захаров, 2006). В Пермском крае более обычна в северных районах (Воронцов, 1949), в южных районах встречается спорадично. Кунгурские птицеловы (А.А. Пермяков) предполагают гнездование в окрестностях города по речным поймам и заболоченным лесам.

225. Дубровник *Ocyris aureolus* (Pallas, 1773)

Статус. Немногочисленный гнездящийся, перелетный вид.

Распространение. В Предуралье Башкирии малочислен (Торгашов, 2003), в лесостепной зоне Зауралья обычен или многочислен (Коровин, 2004; Захаров, 2006). В степных районах не найден. В Пермском крае обычен по всей территории (Шепель, Фишер, 2004). В Кунгурской лесостепи встречается реже других овсянок. Мы отмечали поющих самцов на пойменных лугах в Вяткинском заказнике и в окрестностях с. Каширино (Кунгурский район). Был обычен на Кишертских озерах (Лапушкин, Казаков, 2000). В настоящее время происходит снижение численности.

226. Лапландский подорожник *Calcarius lapponicus* (Linnaeus, 1758)

Статус. Пролетный вид.

Распространение. Обычный пролетный вид в степном и лесостепном Зауралье (Коровин, 2004). В пределах Кунгурской лесостепи, очевидно, немногочислен. Мы его не отмечали. В заказнике «Предуралье» найден среди добычи воробьиного сыча в 1976 г. (Шепель, 1981а).

227. Пуночка *Plectrophenax nivalis* (Linnaeus, 1758)

Статус. Пролетный и зимующий вид.

Распространение. Обычный, но немногочисленный пролетный вид в горных районах Южного Урала (Лоскутова, 1998; Торгашов, 2003) и лесостепных районах Зауралья (Захаров, 2006). В степи зимует (Коровин, 2004). В Пермском крае в прошлом была, по-видимому, более многочисленна, чем сейчас (Сабанеев, 1874). Поскольку у нас мало наблюдений, относящихся к внегнездовым сезонам, пуночек видели редко. Маленькие стайки (5-6 птиц) отмечены 29 марта 2004 г. и 18-20 марта 2006 г. по южным обтаявшим склонам Ледяной горы (г. Кунгур). Стая примерно из 20 особей встречена на обочине дороги в Березовском районе 12 ноября 2008 г.

В завершение данной главы мы помещаем список птиц, включение которых в состав орнитофауны Кунгурской лесостепи в настоящее время представляется нам недостаточно обоснованным.

1. Черный аист *Ciconia nigra* (Linnaeus, 1758). Считался редким гнездящимся видом Пермского Прикамья (Воронцов, 1949). В конце XX в. его обитание в Пермском крае подвергалось обоснованным сомнениям (Шепель, 1993). Присутствие этой крупной, заметной птицы в Вяткинском заказнике в период наших исследований (1994-1996 гг.) не подтвердилось.

2. Краснозобая казарка *Branta ruficollis* (Pallas, 1769). Очень редкий пролетный вид. Возможно, встречается на пролете в бассейне

р. Сылвы. В Кунгурском музее есть дореволюционное чучело (инв. № НВ 3740) неизвестного происхождения.

3. Белолобый гусь *Anser albifrons* (Scopoli, 1769). Редкий пролетный вид Пермского края (Ананьин, 1960). По районам Кунгурской лесостепи опубликованных данных и опросных сведений нет.

4. Степной орел *Aquila nipalensis* (Nodgs.). Редкий залетный и случайно гнездящийся вид. Исторических сведений о степном орле в Пермском крае нет. В августе 1980 г. в окрестностях райцентра Орда была обнаружена пара с птенцом (Шепель и др., 1981; Шепель, 1992). В последующие годы нигде на территории края не регистрировался.

5. Водяной пастушок *Rallus aquaticus* Linnaeus, 1758. Отмечен на Воткинском водохранилище в июне 2002 г. (Казаков и др., 2003). Находки вида возможны в районах Кунгурской лесостепи.

6. Погоныш-крошка *Porzana pusilla* (Pallas, 1776). В июне 2002 г. токующие птицы встречены в окр. г. Перми и на Воткинском водохранилище (Казаков и др., 2003). Возможны встречи в Кунгурской лесостепи.

7. Плосконосый плавунчик *Phalaropus fulicarius* (Linnaeus, 1758). Е.М. Воронцов (1949) отмечает этот вид на пролете по рекам Чусовой и Сылве; не исключено, что ошибочно, так как он совсем не упоминает круглоносового плавунчика.

8. Зеленый дятел *Picus viridis* Linnaeus, 1758. Известны редкие залеты на Средний Урал (Рябицев, 2001а). В Кунгурском музее есть чучело неизвестного происхождения (инв. № ИК 96), датированное 1950 г.

9. Хохлатый жаворонок *Galerida cristata* (Linnaeus, 1758). Ни в одном из орнитофаунистических списков Пермского края не встречается. У В.К. Рябицева (2001а) есть упоминания о залетах в лесное Предуралье. В Кунгурском музее имелось чучело (инв. № ИК 113), не сохранившееся до настоящего времени.

10. Лесной жаворонок *Lullula arborea* (Linnaeus, 1758). Впервые отмечен на гнездовании в окрестностях г. Перми в 1957 г. (Самарин, 1959), пролетные птицы встречены под Екатеринбургом (широта г. Кунгура) в 1969 и 1970 гг. (Никонов, 1973). В Кунгурском музее есть чучело неизвестного происхождения (инв. № ИК 629), датированное 1953 г.

11. Вертлявая камышевка *Acrocephalus paludicola* (Vieillot, 1817). В последнее десятилетие XX в. установлено гнездование на р. Каме в окрестностях г. Перми (Лапушкин и др., 1995). В Кунгурской лесостепи пока не отмечалась, не исключены находки в будущем.

12. Сероголовая гаичка *Parus cinctus* Boddaert, 1783. Е.М. Воронцов (1949) не включает этот вид в список птиц Пермской области, хотя С.Л. Ушков (1927) отмечал сероголовых гаичек в стайках других синиц в зимнее время. А.А. Пермяков, хорошо знающий мелких воробьиных птиц, сообщил о встрече сероголовой гаички в сосновых посадках на Ледяной горе (территория г. Кунгура).

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРНИТОФАУНЫ

Видовой состав

Таким образом, общее число видов птиц, отмеченных на территории Кунгурской лесостепи (в общей сложности, как нами, так и другими исследователями), составляет 227, относятся они к 19 отрядам. Для сравнения: Е.М. Воронцов (1949) для всего Прикамья указывал 214 видов, А.И. Шураков и Ю.Н. Каменский (1986) – 226, в сводку «Животный мир Прикамья» (1989) включены 224 вида. Полученное нами число видов связано как с возросшей интенсивностью проводившихся в последнее время орнитофаунистических исследований, так и с процессами расселения и изменения границ ареалов многих птиц.

По сравнению с северными таежными регионами Пермского края орнитофауна Кунгурской лесостепи, несомненно, более разнообразна. Так, в Камско-Вишерском Предуралье насчитывается 212 (Шепель, Фишер, 2004), в междуречье Усьвы и Вильвы (заповедник «Басеги» и его окрестности) – 191 вид птиц (Наумкин, Лоскутова, 2010). От общего числа отмеченных к настоящему времени в Пермском крае видов птиц – 283 (Шепель, 2006) – орнитофауна Кунгурской лесостепи составляет 80,2%.

Большая часть орнитофауны принадлежит к отряду Воробьинообразных – 103 вида (45,6%), представленному 22 семействами (рисунков 38). Наибольшее значение имеют семейства Славковых и Вьюрковых – 18 и 17 видов (7,9% и 7,5%), Дроздовых – 13 (5,8%), Овсянковых – 9 (4%), Трясогузковых и Врановых – по 8 (3,5%), Синицевых – 7 (3,1%). Остальные 15 семейств Воробьинообразных представлены 1-3 видами.

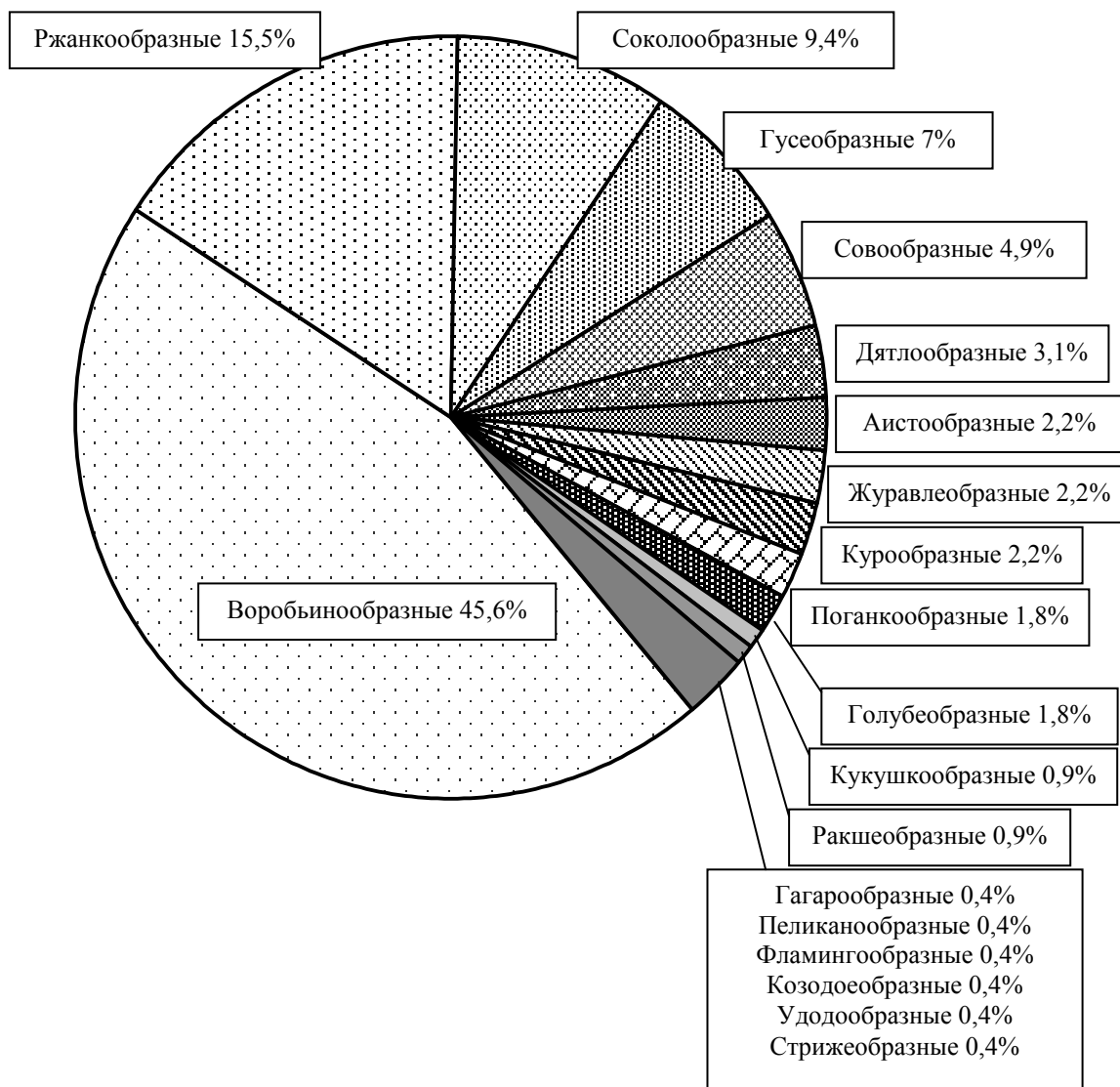

Рис. 38. Разнообразие орнитофауны
(представленность отрядов птиц) Кунгурской лесостепи, %

Многочисленны по числу видов отряды Ржанкообразных – 35 (15,5%), Соколообразных – 21 (9,4%), Гусеобразных – 16 (7%), Совообразных – 11 (4,9%). Отряд Дятлообразных представлен 7 видами (3,1%), отряды Аистообразных, Курообразных, Журавлеобразных – 5 видами (2,2%), отряды Поганкообразных и Голубеобразных – 4 видами (1,8%), отряды Гагарообразных, Ракшеобразных и Кукушкообразных – 2 видами (0,9%). Остальные отряды (Пеликанообразные, Фламингообразные, Удодообразные, Козодоеобразные, Стрижеобразные) представлены 1 видом, причем представители первых трех отрядов – случайные залетные виды.

Характер пребывания и отношение к территории

Классификация статусов пребывания дана по В.К. Рябицеву с соавторами (2001). При попытке распределить орнитофауну Кунгурской лесостепи по традиционным категориям (рисунок 39), характеризующимся определенным статусом пребывания, мы столкнулись с некоторыми трудностями. В ряде случаев было затруднительно отнести вид лишь к какой-то одной категории. Кроме того, 11 видов (4,5% всего состава орнитофауны) пришлось отнести к группе с неопределенным статусом, поскольку современных сведений о их пребывании в регионе явно недостаточно.

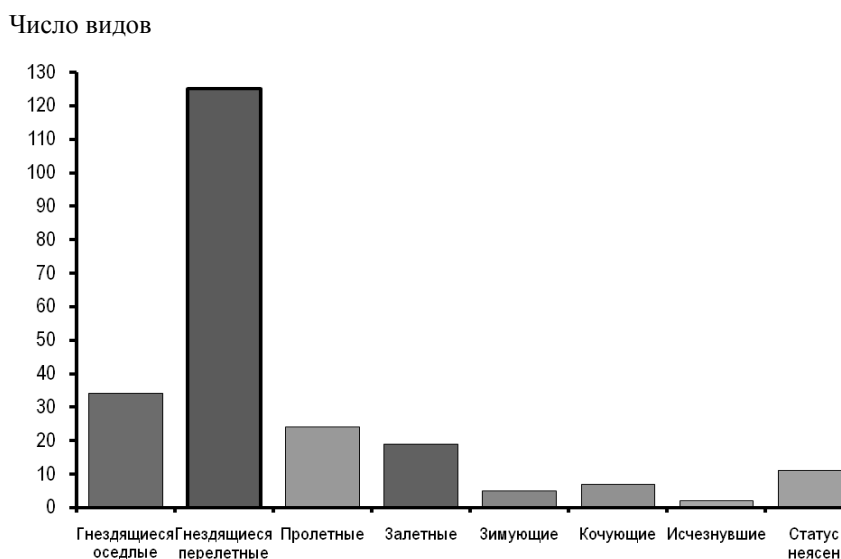

Рис. 39. Статус пребывания и отношение к территории птиц Кунгурской лесостепи

Гнездящиеся оседлые виды

Таких видов мы насчитали 34 (15%). Это ястреб-тетеревятник, 4 вида куриных (серая куропатка, тетерев, глухарь, рябчик), сизый голубь, филин, серая, длиннохвостая и бородатая неясыти, мохноногий сыч и воробьиный сычик, 5 видов дятлов (седой, большой и малый пестрые, белоспинный, желна), 5 видов врановых (сойка, сорока, галка, ворона, ворон), королек, длиннохвостая синица, пухляк, московка,

лазоревка, большая синица, поползень, пищуха, 2 вида воробьев, клест-еловик и снегирь (рисунок 39).

Гнездящиеся перелетные виды

Составляют половину орнитофауны Кунгурской лесостепи (125 видов, или 55%). К ним относятся поганки (3 вида), два вида цапель, большая часть гусеобразных (10), соколообразных (12), ржанкообразных (19), пастушковых (4), три вида голубей, три вида сов, все кукушки, козодои, стрижи, по одному виду курообразных (перепел), ракшеобразных (золотистая щурка) и дятлообразных (вертишейка), подавляющее большинство воробьинообразных (62). Согласно рекомендациям Н.Н. Данилова (1984), Н.Н. Данилова с соавторами (1984), мы подразделили гнездящихся птиц (159 видов, включая 34 оседлых и 125 перелетных) на три категории: регулярно гнездящихся, периодически гнездящихся, случайно гнездящихся. Регулярно гнездящихся видов – 124 (54,6%), периодически гнездящихся – 32 (13,7%), случайно гнездящихся – 3 (1,3%). К периодически гнездящимся нами отнесены черношейная поганка и чомга, большая выпь, лебедь-шипун, шилохвость, гоголь и луток, степной и болотный луни, многие кулики (поручейник, большой кроншнеп, большой веретенник, мородунка, турухтан), сизая чайка, черная и белокрылая крачки, филин, сплюшка, серая, длиннохвостая и бородатая неясыти, золотистая щурка, из воробьиных – горная трясогузка, серый сорокопут, крапивник, малая мухоловка, лазоревка, зеленая пересмешка, пестрый дрозд, ремез, дубонос. Как можно заметить, это в основном виды, находящиеся в Прикамье на границе гнездового ареала (Рябицев, 2001а) и активно его расширяющие, либо виды, спорадично распространенные по большим территориям. Видов, гнездование которых носит случайный характер, мало – это желтолобая трясогузка и индийская камышевка. Возможно, случайно гнездящимися видами Кунгурской лесостепи могут оказаться вертлявая камышевка и лесной жаворонок.

Пролетные виды

Группа пролетных птиц представлена 24 видами (10,7%). Из соколообразных сюда относится зимняк. Основу группы составляют представители гусеобразных (6 видов) и ржанкообразных (10), а также воробьинообразных (7). При этом из ржанкообразных относительно обычными, регулярно пролетными можно считать лишь большого улита и фифи, остальные (тулес, золотистая ржанка, галстучник, кулик-воробей, белохвостый песочник, щеголь, средний кроншнеп, круглоносый плавунчик) встречаются единично или не ежегодно. Зато среди воробьиных почти все виды – регулярно пролетные: рогатый жаворонок, луговой и краснозобый коньки, тундряная чечетка, подорожник и пуночка (за исключением, может быть, овсянки-ремеза). Из 6 видов гусеобразных 5 – малочисленные, редкие или нерегулярно пролетные (серый гусь, гуменник, лебедь-кликун, серая утка, морская чернеть), и только один – свиязь – ежегодно бывает обычным или многочисленным.

Залетные виды

Как уже отмечалось, наличие залетных видов связано и с географическим положением региона, и с богатством представленных на его территории местообитаний, отличающихся по степени антропогенной трансформации (таблица 9). Сказались здесь и изменения в численности и распространении некоторых видов. Так, сюда нами отнесен исчезнувший черный гриф. Он регулярно залетал в Прикамье в конце XIX и начале XX вв. (Сюзев, 1911; Ушков, 1924; 1927). В настоящее время его численность сократилась, а северная граница гнездового ареала отступила далеко на юг. Численность белого аиста в европейской части России, напротив, растет, и он активно расселяется в северо-восточном направлении, все чаще встречаясь в Прикамье (Ананьин, 1971; Демидова, 1997; Наумкин, 2005а).

Таблица 9 – Залетные виды птиц в орнитофауне Кунгурской лесостепи

Вид	Место регистрации	Источник информации
Краснозобая гагара	р. Сылта, д. Дейково	Наумкин, Старова, 2011
Серощекая поганка	Кишертские озера	Лапушкин и др., 1995б; Лапушкин, Казаков, 2000
Пеликан ср.	Кунгурский или Березовский районы, р. Шаква	Николаев, 1958
Рыжая цапля	Кишертский район, оз. Камышовое	Лапушкин, Казаков, 2000
Белый аист	Кунгурский район, д. Усть-Мечка; Кишертский район, д. Осинцево	Демидова, 1997; Наумкин, 2005
Розовый фламинго	г. Кунгур, р. Сылта	Лапушкин и др., 1995б; Шепель, 2004
Черный гриф	Окрестности г. Кунгура	«Искра» от 30 июня 1925 г.; Воронцов, 1949
Кречет	Кунгурский уезд	Бианки, 1911
Степная тиркушка	г. Кунгур	Коллекция Кунгурского музея
Халей	Кишертские озера	Лапушкин, Казаков, 2000
Тонкоклювая кайра	Кунгурский район, р. Сылта	Шепель и др., 1987
Зимородок	Кунгурский район, Кишертский район, реки Бабка, Ирень и Сылта	Данные С.П. Чащина, А.И. Шепеля (цит. по: Шураков, 1989)
Удод	Кишертский район, заказник «Предуралье»	Шепель и др., 1981; Сообщенные сведения
Чернолобый сорокопуд	Кунгурский район	Коллекция Кунгурского музея
Дроздовидная камышевка	Кишертский район, заказник «Предуралье»	Шепель и др., 1981
Клест-сосновик	Кишертский район, заказник «Предуралье»	Шепель, Львовский, 1984
Серый снегирь	г. Кунгур	Наумкин и др., 2004
Просянка	Кишертский район, заказник «Предуралье»	Шепель и др., 1981
Белошапочная овсянка	г. Кунгур	Сообщенные сведения
Степной орел*	Ординский район	Шепель и др., 1981; Шепель, 1992

* - в общий список орнитофауны не включен

К редким залетным в период осенне-зимних кочевок относится кречет, которого и в настоящее время изредка отмечают в Прикамье, в

том числе недалеко от района наших исследований (Казаков, 2001). Вероятно, случайным залетом можно считать наблюдение на р. Сылве краснозобой гагары 31 июля 2010 г. (Наумкин, Старова, 2011). Исключительно залетными видами представлены в орнитофауне Кунгурской лесостепи отряды пеликанообразных, фламингообразных и удообразных. Среди ржанкообразных залетные виды – это степная тиркушка, восточная клуша и тонкоклювая кайра (!). Из двух представителей ракшеобразных один – зимородок – также является залетным. Из воробьинообразных к этой категории относятся чернолобый сорокопут, дроздовидная камышевка, клест-сосновик, серый снегирь, просянка, белшапочная овсянка, а также хохлатый жаворонок. Степной орел – случайно и единично гнездившийся вид – вполне обоснованно может быть включен и в данную группу (таблица 9).

Зимующие виды

Формально их 5 (2,2%). Помимо белой совы, все остальные – представители воробьинообразных (свиристель, чечетка, щур, урагус). Однако к этой категории можно отнести довольно много частично зимующих птиц: крякву, перепелятника, грача, серого сорокопута, дроздов – рябинника и белобровика, крапивника, зяблика, юрка, зеленушку, чижа, щегла, дубоноса, обыкновенную овсянку (Наумкин и др., 2004). Сюда можно отнести и обыкновенного снегиря (птиц, откочевывающих в Кунгурскую лесостепь из более северных районов), серого снегиря, пепельную чечетку и пуночку. Все же мы рассматриваем вышеперечисленные виды в составе других категорий, в основном в качестве перелетных.

Виды, встречающиеся на кочевках

К этой группе мы отнесли 7 видов (3,1%): хохотунью, ястребиную сову, кукушку и кедровку, белую лазоревку и хохлатую синицу, белокрылого клеста.

Исчезнувшие виды

Их, по-видимому, два. Это чернозобая гагара и малая выпь. Полвека назад эти птицы еще встречались на территории Кунгурской лесостепи. Сюда можно также включить черного аиста и черного грифа.

Группа видов с невыясненным статусом пребывания

Сюда отнесены 11 видов (4,5%). Это скопа, большой подорлик, беркут, дербник и кобчик, серый журавль, дупель, малая крачка, трехпалый дятел, оляпка, ястребиная славка. Скопа и беркут, по-видимому, перестали гнездиться на территории Кунгурской лесостепи, подорлик, кобчик и дербник встречаются крайне редко (Шепель, 1992). Остальные виды относятся к малоизученным.

Биотопическое распределение

Как мы уже отмечали, для Кунгурской лесостепи характерна выраженная мозаичность и взаимопроникновение биотопов. В связи с этим на видовом составе населения тех или иных местообитаний неизбежно сказывается влияние краевых эффектов (Коровин, 2004). Помимо видов, экологически адаптированных и эволюционно связанных с конкретными типами местообитаний, в них всегда присутствуют виды, условия для которых здесь далеки от оптимальных (или даже пессимальны) и которые появляются здесь случайно или вынужденно. Их распределение по типам местообитаний (рисунок 40) осуществляли без учета экзотических, единично залетных и редких пролетных (краснозобая гагара, пеликан, фламинго, тонкоклювая кайра, многие кулики, и др.) видов (204 вида из 227).

Лесных видов – 78, кустарниковых и опушечных – 15, водоплавающих и околоводных – 62, луговых и полевых (точнее, видов, связанных с открытыми пространствами) – 41, синантропных – 9, и, наконец, 4 вида – белая трясогузка, сорока, серая ворона, большая си-

ница – выделены в отдельную группу, так как они встречались во всех биотопах Кунгурской лесостепи (рисунок 40).

Число видов

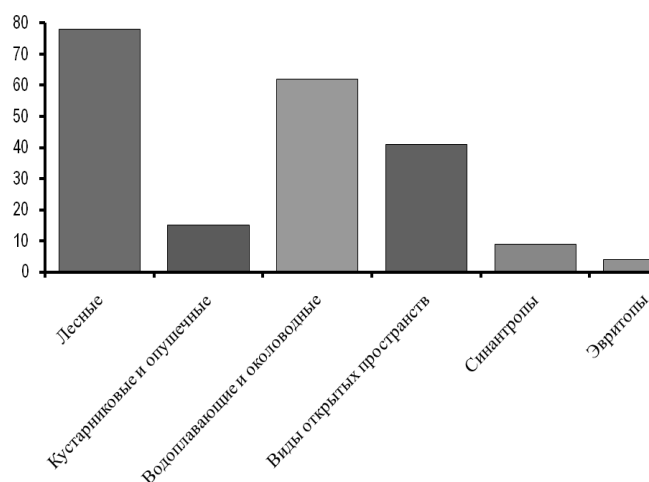

Рис. 40. Распределение птиц Кунгурской лесостепи по типам местообитаний

Лесные станции

По мнению многих авторов (Воронцов, 1949; Данилов, 1960б; и др.), фауна лесов – наиболее древняя, и, в соответствии с этим, представлена наибольшим числом видов – 78 (30 – неворобьиные и 48 – воробьинообразные). Это 34,5% всего видового состава орнитофауны Кунгурской лесостепи. Из них 61 вид – гнездящийся, еще 17 – кочующие, зимующие, либо недостаточно изученные виды. С кустарниками и опушками связаны 15 видов воробьиных птиц (7,3%), большинство из которых (13) – гнездящиеся (таблица 10).

Таблица 10 – Птицы, отмеченных в лесных станциях

Группы птиц	Всего видов	Из них гнездящихся
1. Лесные	78	61
2. Кустарниково-луговые и опушечные	15	13
3. Водоплавающие и околоводные	5	5
4. Открытых пространств	4	2
5. Синантропы	2	2
6. Эвритопы	4	4
Всего: 108, из них гнездящихся 87		

Помимо типичных дендрофилов и опушечно-кустарниковых видов, в лесных станциях были зарегистрированы кряква, чирок-свистун, обыкновенный и речной сверчки, дневные хищники, отнесенные нами к группе птиц открытых местообитаний (черный коршун, сапсан, кобчик, дербник), черныш, черный стриж. Последний вид, эволюционно также относящийся к группе дендрофилов, в условиях Кунгурской лесостепи ведет себя преимущественно как синантропный вид, и отнесен нами к этой категории. Из прочих синантропных видов в лесных станциях на гнездовании отмечен также скворец.

В хвойно-широколиственных лесах района исследований отмечено пребывание 54 видов 10 отрядов, в том числе на маршрутных учетах зарегистрировано 39 видов 5 отрядов; в елово-мелколиственных лесах и ельниках – 48 видов 9 отрядов, в том числе на учетных маршрутах 29 видов 3 отрядов; в парковых березняках – 47 видов 8 отрядов, в том числе на учетных маршрутах – 39 видов 5 отрядов; в естественных сосняках (включая городской сосновый бор г. Кунгура) – 51 вид 9 отрядов, в том числе в учетах – 34 вида 5 отрядов; в сосновых посадках – 28 видов 5 отрядов, в том числе на учетных маршрутах – 26 видов 4 отрядов; в пойменных ивняках и ольшаниках – 37 видов 7 отрядов, из них лишь 26 видов 2 отрядов – на учетных маршрутах (таблица 11).

Как видно из таблицы, наибольшим видовым разнообразием характеризуются сложные, объединяющие растительные элементы различного возраста и происхождения южные хвойно-широколиственные леса, обладающие ярко выраженной ярусной структурой, спелые или перестойные, нередко захламленные. Здесь отмечено гнездование представителей всех 10 отрядов птиц (включая уток, куликов, дневных хищников, сов, обыкновенного козодоя и др.), много видов «южного», или, по мнению А.Е. Лугового (1994), лесостепного происхождения – вяхирь, клинтух, козодой, седой дятел, иволга, зеленая пере-

смешка, славка-черноголовка, теньковка, трещотка, черный дрозд, болотная камышевка, садовая овсянка и др. Показатели индекса видового разнообразия здесь максимальны (таблица 12). В группу доминантов в разные годы здесь входили до 8 видов.

Таблица 11 – Биотопическое распределение и некоторые экологические особенности населения птиц основных типов лесов Кунгурской лесостепи

Биотоп	Число видов	Число отрядов	Индекс Шеннона	Индекс Симпсона	Кроно- и наземногн. виды, %
Хвойно-широколиств. леса	54 (39)*	10 (5)	3,39	0,057	41,0 / 23,2
Елово-мелколиств. леса и ельники	48 (29)	9 (3)	2,90	0,086	52,1 / 17,3
Сосновые леса	51 (34)	9 (5)	3,06	0,067	41,6 / 20,8
Сосновые посадки	28 (26)	5 (4)	1,83	0,130	32,1 / 32,1
Парковые березняки	47 (39)	8 (5)	2,82	0,095	42,2 / 26,6
Пойменные ольшаники и ивняки	37 (26)	7(2)	2,20	0,088	31,4 / 25,7

*- в скобках указано число видов и отрядов птиц, встреченных на учетных маршрутах

Таблица 12 – Динамика уровня видового разнообразия населения птиц основных типов лесов Кунгурской лесостепи

Биотоп	Индекс Шеннона-Уивера							
	1994	1995	1996	2002	2003	2004	2005	2006
Хвойно-широколиств. леса	3,52	3,58	-	-	-	3,10	3,52	3,26
Елово-мелколиств. леса и ельники	2,74	3,13	2,83	-	-	-	-	2,90
Сосновые леса	2,36	2,58	3,56	3,24	3,44	3,34	2,74	2,95
Сосновые посадки	1,24	2,85	1,28	1,24	1,36	3,03	1,92	1,74
Березняки	2,97	3,30	3,25	3,09	2,18	2,30	2,39	3,05
Ивняки и ольшаники	1,35	2,59	-	3,01	2,25	-	-	1,80

Елово-мелколиственные леса несколько уступают им по уровню видового разнообразия. Очень небогат видовой состав населения чи-

стых ельников (всего 10 видов в пределах учетных маршрутов), особенно сомкнутых мертвопокровников.

В сосновых лесах отмечено больше видов птиц, чем в парковых березняках (таблица 11), поскольку сосняки, как правило, отличались большей сложностью строения древесного яруса, часто – наличием ярко выраженного кустарникового яруса и подлеска. При этом уровень видового разнообразия выше в городском сосняке (индекс Шеннона-Уивера колебался в пределах 3,34-3,59), а в загородных сосняках он был несколько ниже (2,32-3,51). Возможно, это связано с тем, что большая часть обследованных сосняков относится к так называемому «горному» типу, для которого характерен разреженный травяной покров, отсутствие зеленых мхов, низкая увлажненность почвы. Городской сосняк относится к типу травяных сосняков, к тому же его травяной ярус имеет мезофильный облик, свидетельствующий о достаточном увлажнении почвы, что является одним из существенных факторов, лимитирующих возможность гнездования воробьиных птиц (Фуфаев, 1980). К тому же видовое разнообразие здесь несколько повышается за счет присутствия синантропов (черный стриж, грач, галка, домовый воробей).

Парковые березняки обычно отличались упрощенной структурой древостоя (чрезмерная разреженность, монодоминантный состав 10 Б, отсутствие горизонтальной расчлененности), отсутствием или слабым развитием кустарникового яруса. Это негативно отражается на возможностях гнездования представителей многих отрядов птиц, особенно крупных и заметных видов. Однако на учетных маршрутах в березняках отмечено больше видов птиц (чем в сосняках) – в основном за счет воробьинообразных открытых (каменка, белая трясогузка, овсянки) или кустарниковых и околоводных биотопов (сорокопужулан, варакушка, сверчки, камышевки), которые проникали в разреженные березняки и довольствовались крошечными подходящими для

них местообитаниями (например, густо заросшими карстовыми воронками с озерцами, сырыми ложбинами, или, наоборот, сухими каменистыми проплешинами по склонам). В составе группы доминантов здесь отмечено максимальное число видов – 11.

Видовой состав населения пойменных ивняков и ольшаников складывается во многом за счет кочующих в послегнездовое время и пролетных видов-мигрантов (белоспинный дятел, деряба, ополовник, обыкновенная чечетка, урагус, овсянка-ремез). В репродуктивный период гнездящееся население этих биотопов представлено меньшим числом видов – 20. Такая же цифра фигурирует в литературе (Пантелеев, Полушкина, 1989). Наименьший уровень видового разнообразия населения и максимальная степень концентрации доминирования, по понятным причинам, характерны для сосновых посадок. Тем не менее, в них отмечены такие виды, как иволга, соловей, обыкновенная кушка.

В целом биотопическое распределение лесных птиц характеризуется следующими особенностями:

1) абсолютным преобладанием на учетных маршрутах воробьинообразных птиц по числу видов;

2) основу орнитоценозов во всех исследованных биотопах составляют фоновые (многочисленные и обычные) виды, они абсолютно преобладают в учетах, составляя 97-100% всех учтенных видов;

3) три вида – зяблик, пеночка-весничка и зеленая пеночка – стабильно доминируют во всех лесных биотопах, образуя основную тройку доминантов, на которую приходится до 40%-60% населения птиц (таблица 13). В качестве субдоминантов часто выступали рябинник, лесной конек, буроголовая гаичка, обыкновенная овсянка, соловей. Другие виды становятся доминантами лишь в отдельных биотопах, соответствующих их оптимальным требованиям;

Таблица 13 – Доминирующие виды лесных стадий (1994-2006 гг.), %

Вид	Биотоп				
	Хвойно-широколиств.леса	Елово-мелк. и ельники	Сосновые леса	Сосновые посадки	Парковые березняки
Зяблик	16	22,2	22,3	21	17,6
Весничка	16,8	19,1	21,5	11,7	16,7
Зеленая пеночка	13,5	17,1	11,8	-	15,5
Рябинник	15,2	-	18,3	24,1	15,7
Лесной конек	13,5	17,1	14	13,9	18,1
Бурог. гаичка	-*	15,6	18,3	20,8**	13,5**
Обыкн. овсянка	-	-	10	13,5	15,8
Садовая овсянка	10,2	-	-	19,4	-
Теньковка	-	13,2	12,8	-	-
Чечевица	13,6	-	-	-	13,6
Белая трясогузка	-	-	-	26,4***	-
Серая славка	-	-	-	-	17,2
Серая мухоловка	-	-	-	-	13,5
Зарянка	-	-	12,2	-	-
Садовая славка	-	-	-	-	12,1
Зеленушка	-	-	11,6	-	-
Горихвостка	-	10,9	-	-	-
Пищуха	-	-	-	10,9	-
Рябчик	10,2	-	-	-	-

* - значок « - » означает, что обилие вида ниже 10% населения птиц, или он отсутствует.

** - только в 1995 г.

*** - только в 2002 г.

4) степень доминирования зависит от характера биотопа. Так, например, в чрезвычайно разреженной и старой березовой роще на Ледяной горе в черте г. Кунгура пеночки часто уступали по численности лесному коньку, серой славке, обыкновенной овсянке или чечевице, которую привлекала молодая березовая поросль, активно возобновляющаяся в понижениях рельефа. Садовая овсянка становилась доминантом в населении, главным образом, сосновых посадок, поскольку эти искусственные сообщества в условиях Кунгурской лесостепи занимают (и трансформируют) ее оптимальные биотопы: участки луговых и каменистых степей по склонам. Теньковка была доминантом в сосняках и ельниках, подтверждая, таким образом, устойчивые и давние топические связи с подобными биотопами (Симкин, 1990). Горихвостка, несмотря на широкое распространение в лесах

различных типов, попадает в состав доминантов лишь в елово-пихтовой, южного типа, тайге заказника «Предуралье», где, помимо естественных дупел, имеются линии дуплянок, которые этот вид охотно заселяет (Волегова, Шепель, 1980). Белая трясогузка становится доминантом только в тех сосновых посадках, которые располагались на склонах речной долины, непосредственно над водой;

5) максимальная степень концентрации доминирования (индекс Симпсона) характерна для сосновых посадок (в среднем 0,130) и городских березовых лесов г. Кунгура (0,084 – 0,122);

6) в целом для лесных биотопов характерен кронно-наземный тип ярусного распределения населения при заметном участии дуплогнездников в хвойно-широколиственных (18,5%) и сосновых (20,8) лесах;

7) видовой состав населения лесных биотопов сходен. Максимальное сходство, по Жаккару, прослеживается между орнитоценозом хвойно-широколиственных лесов, с одной стороны, и елово-мелколиственных лесов и сосняков, с другой (таблица 14, рисунок 41). Весьма велико фаунистическое сходство видового состава птиц, обитающих в сосняках, парковых березняках и елово-мелколиственных лесах.

Орнитоценоз сосновых посадок обнаруживает максимальное сходство с орнитоценозами естественных сосняков и, в меньшей степени, березняков. Очевидно, это объясняется тем, что эти искусственные сообщества в условиях Кунгурской лесостепи заселяются в первую очередь птицами двух преобладающих здесь типов древесной растительности – сосняков и березняков. Минимальное фаунистическое сходство проявляется между сообществом птиц пойменных ивняков и ольшаников и остальных лесных местообитаний; особенно велики различия, естественно, с населением хвойно-широколиственных лесов.

Таблица 14 – Число общих видов, отмеченных в лесных станциях

Тип	Хвойно-широколиств. леса	Елово-мелколиств. леса и ельники	Сосновые леса	Сосновые посадки	Березняки	Ивняки и ольшаники
Хвойно-широколиств. леса		36	39	22	32	15
Елово-мелколиств. леса и ельники	36		31	20	29	16
Сосновые леса	39	31		26	31	18
Сосновые посадки	22	20	26		23	14
Березняки	32	29	31	23		23
Ивняки и ольшаники	15	16	18	14	23	

59
20

– индекс Жаккара, %

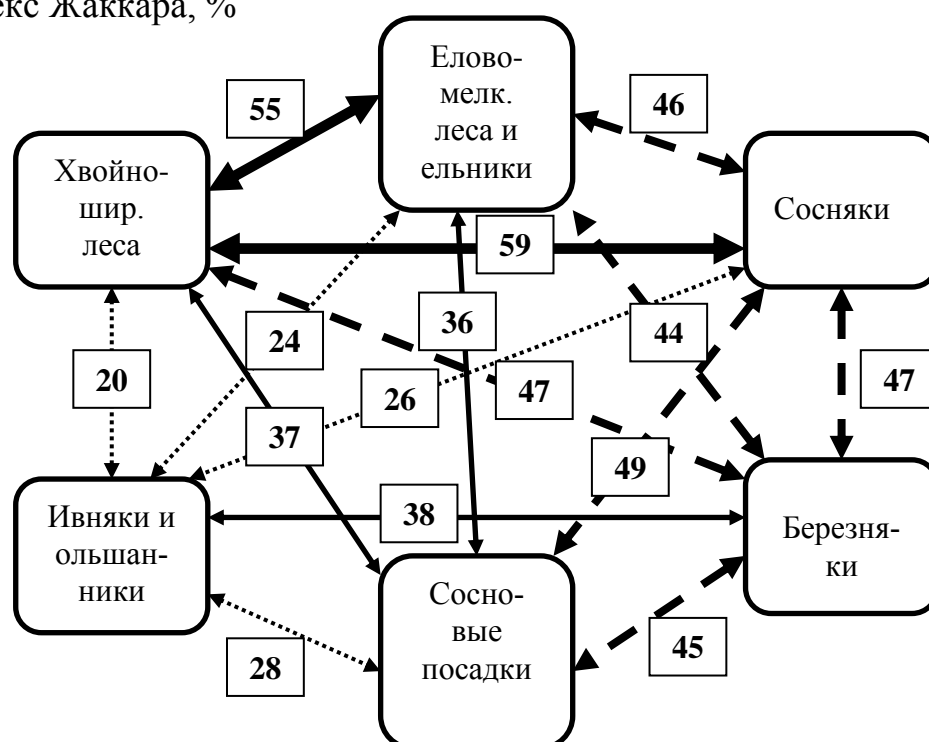

Рис. 41. Фаунистическое сходство населения птиц основных типов лесов Кунгурской лесостепи

Оценивая исследованные лесные массивы, относящиеся к одной группе типов, но расположенные в различных районах Кунгурской лесостепи, по уровню биоценотического сходства присущего им населения птиц, можно отметить, что в целом этот показатель наиболее высок для сосновых посадок (индекс Чекановского-Сьеренсена (К) в среднем – 50,37%). Очевидно, это связано с выраженной однородностью посадок как среды обитания птиц, обусловленной упрощенностью их структуры и искусственным происхождением. Сосновые леса и остепненные березняки отличались меньшим биоценотическим сходством населения птиц ввиду большего разнообразия экологических условий (К = 40,45% и 43,44% соответственно), еще более ярко это проявляется в хвойно-широколиственных лесах, где биоценотическое сходство населения птиц значительно различалось в каждом из обследованных пунктов (К = 24,30%).

Помимо естественных факторов (состав древостоя, его структура, соотношение возрастных категорий, захламленность, степень увлаженности почвы, и др.) на фаунистическом и биоценотическом сходстве населения птиц в исследованных биотопах отражается и уровень действующих антропогенных нагрузок.

Виды, учтенные лишь в какой-то одной группе типов леса, практически отсутствуют. Однако предпочтительность некоторых биотопов отдельными видами все же заметна, она выражается в увеличении их численности. Основные причины широкого биотопического распределения большинства видов – мозаичное распространение биотопов, нарушенность и малая площадь сохранившихся первичных лесных массивов, а также высокая экологическая пластичность большинства обычных и многочисленных (фоновых) видов по отношению к различным типам лесной растительности (Бутьев, 1976). Особенно показателен в этом плане зяблик, отличающийся широчайшим (и, вероятно, еще не изученным полностью) набором адаптаций,

позволяющих ему доминировать ежегодно и практически повсеместно (Измайлов, 1981).

Водно-болотные и околотоводные станции

В составе этой группы местообитаний мы не рассматриваем пойменные ивняки и ольшаники. Акватории рек и озер, заросли прибрежно-водной растительности, отмели, острова, заболоченные берега и грязевые участки населяет 108 видов птиц (таблица 15), 83 из которых – гнездящиеся, 12 – пролетные, остальные – залетные, либо с неопределенным статусом (в том числе два вида – чернозобая гагара и малая выпь – по-видимому, исчезли). Многие из них (черный коршун, сапсан, полевой и луговой луни, филин, грач, галка, скворец, ласточки) используют подобные местообитания в качестве охотничьих угодий. При этом специфичным для данного типа местообитаний можно считать лишь 62 вида (таблица 15), 46 из которых гнездятся.

Таблица 15 – Птицы, отмеченные в водно-болотных и околотоводных станциях

Группы птиц	Всего видов	Из них гнездящихся
1. Лесные	12	10
2. Кустарниково-луговые и опушечные	8	8
3. Водоплавающие и околотоводные	62	46
4. Открытых пространств	17	13
5. Синантропы	5	2
6. Эвритопы	4	4
Всего: 108, из них гнездящихся 83		

Основу группы составляют представители отряда гусеобразных – 15 видов, ржанкообразных – 22, воробьинообразных – 8, в том числе береговая ласточка, горная трясогузка, оляпка, речной и обыкновенный сверчок, камышевка-барсучок, ремез, камышовая овсянка. Из дневных хищников мы сочли «подходящими» для данной категории скопу и болотного луны. В целом структура орнитофауны водно-болотных и околотоводных местообитаний определяется птицами эко-

логического «облика» утки, кулика, чайки, трофически связанных с водными экосистемами, при наличии небольшого числа кустарниково-луговых видов мелких воробьинообразных, некоторые из которых (садовая, болотная камышевка, соловей, варакушка, и др.) могут встречаться и в лесных биотопах. Такие виды, как коростель, чибис, трясогузки, рассматриваются нами в составе следующей группы обитателей открытых пространств (Измайлов, Сальников, 1976; и др.).

В качестве примера рассмотрим состав населения двух групп пойменных озер, расположенных в среднем и нижнем течении р. Сылвы – Кишертских и Вяткинских (Лапушкин, Казаков, 2000; Наумкин, Демидова, 2002; Наумкин, 2004а; Чуприянов и др., 2004).

Здесь отмечены птицы, характерные для следующих типов местообитаний (рисунок 42): водно-болотных и околоводных станций (доминирующая) –

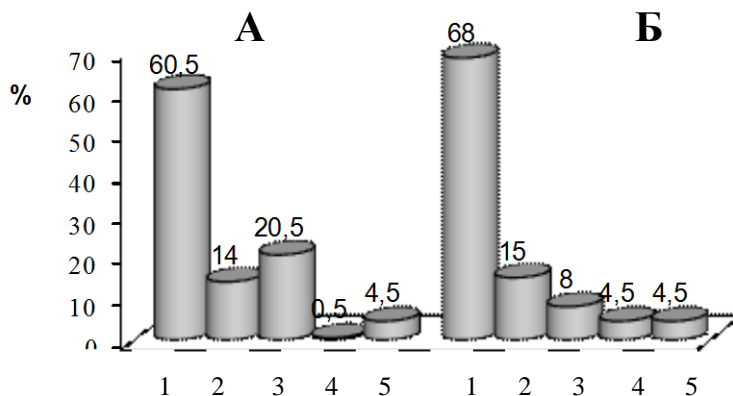

Рис. 42. Соотношение птиц различных типов местообитаний в составе населения Вяткинских (А) и Кишертских (Б) озер, %.

1 - водоплавающие и околоводные; 2 - открытых пространств; 3 - лесные, кустарниковые и опушечные; 4 - синантропы; 5 - эвритопы.

60,5% на Вяткинских и 68% на Кишертских озерах; открытых пространств – 14% на Вяткинских и 15% на Кишертских озерах; лесные, кустарниковые и опушечные виды закономерно преобладают на Вяткинских озерах, окруженных елово-мелколиственными и пойменными лесами – 20,5%, в то время как на Кишертских озерах, расположенных в черте райцентра Усть-Кишерть, встречено только 7 видов (8%) этой группы; этим же объясняется наличие в орнитоценозе поймы Кишерт-

ских озер синантропов (4,5%), практически отсутствующих на Вяткинских озерах. На тех и на других озерах присутствуют виды-эвритопы: белая трясогузка, сорока, ворона и большая синица (4,5% и 4,5%).

Индекс фаунистического сходства между этими двумя орнитоценозами составил 53%. Общих видов выявлено 57. На Кишертских озерах отмечено больше пролетных, но меньше гнездящихся видов (по сравнению с Вяткинскими), что связано с меньшим разнообразием гнездовых биотопов и влиянием антропогенных факторов (в основном рекреационного). Преобладание гнездящихся видов на Вяткинских озерах достигается за счет экологической группы птиц лесных, опушечных и кустарниковых местообитаний. Экологическая группировка открытых пространств представлена на территории сравниваемых озерно-болотных систем в основном птицами – обитателями сырых лугов (трясогузки, коньки, чибис) и широко распространенными дневными хищниками, встречающимися на пролете (мохноногий канюк, беркут), либо во время охоты (черный коршун, сапсан).

Открытые пространства

С открытыми местообитаниями, в том числе агроландшафтами, связано не менее 75% всей орнитофауны Среднего Урала (Коровин, 2004). В них встречаются лесные, кустарниковые, опушечные и водно-болотные виды, относящиеся к уже рассмотренным выше категориям. Группа видов, экологически адаптированных к открытым пространствам, в Кунгурской лесостепи очень разнообразна, и включает, наряду с гнездящимися птицами типично лугового (коростель) или полевого (серая куропатка) облика, множество пролетных (тундровых) и залетных (степных) видов. Их общее количество – 41 (184%), причем только 26 из них относятся к гнездящимся. Это луни (полевой, луговой и степной), черный коршун, пустельга, сапсан, перепел, серая куропатка, коростель, чибис, болотная сова, золотистая щурка, мно-

жество воробьинообразных (полевой жаворонок, трясогузки, чеканы, каменка, дубровник, и др.). С открытыми станциями во время пролета связаны тундровые формы: зимняк, золотистая ржанка, рогатый жаворонок, краснозобый и луговой коньки, лапландский подорожник, пучочка. Залетные виды, тяготеющие к открытым местообитаниям – это белый аист, кречет, удод, просянка. К этой группе (на основании непосредственных регистраций) мы отнесли беркута, кобчика и дербника. В целом группа выглядит несколько искусственной из-за неразработанности и неопределенности экологического содержания понятий «поле» и «луг» как ландшафтно-исторических явлений нашей природы (Симкин, 1990). Не рассматривая подробно видовой состав населения отдельных категорий открытых биотопов-агроландшафтов (Коровин, 2004), остановимся на характеристике орнитоценоза, специфичного для участков луговых и каменистых степей и остепненных лугов, располагающихся, главным образом, по склонам речных долин или крупных логов-суходолов.

Здесь нами отмечено 35 видов птиц, в том числе 9 видов дневных хищников, 3 вида куриных, коростель, два вида голубей, филин, 19 видов воробьинообразных. Последние составляют основу населения. Из них наиболее обычны и многочисленны обыкновенный жаворонок, заселяющий подобные остепненные местообитания с высокой плотностью, и овсянки, причем садовая нередко доминирует над обыкновенной. Часто встречается белая трясогузка (так как остепненные участки обычно расположены на приречных склонах) и каменка (поскольку здесь встречаются выходы коренных пород). По этой же причине в подобных местах гнездятся галки, иногда ворон, а также сапсан и филин. На гипсовых скалах отмечены пустельга, чеглок и клинтух, однажды – пара сизых голубей (на расстоянии около 2 км от ближайшего населенного пункта).

В кустарниках (шиповник, ракитник, можжевельник) гнездятся серая и садовая славки, садовая камышевка и чечевица. Обычны, но не многочисленны, весничка и лесной конек, изредка встречаются черноголовый чекан и сорокопут-жулан, зеленая пеночка, большая синица. Сорока и ворона часто отмечались в транзитном полете. Перепел в подобных местообитаниях довольно редок, поскольку он предпочитает высокотравные пойменные луга, серая куропатка также редка по причине общей депрессии численности вида в регионе.

Дневные хищники, отмеченные нами, использовали остепненные участки для охоты. Это черный коршун, полевой и степной луни, канюк, сапсан, чеглок, пустельга, беркут. Последний вид встречен лишь однажды, в окрестностях д. Щелканы (Кунгурский район), где он охотился на тетеревов, прятавшихся в березовых колках посреди обширного остепненного склона. Во время пролета в подобных местах встречался мохноногий канюк.

Селитебные территории

С ними связаны в первую очередь, конечно, синантропные виды, которых мы насчитали 9. Это сизый голубь, черный стриж, деревенская и городская ласточки, скворец, галка и грач, полевой и домовый воробьи. Сюда же нужно добавить (как и во все выше охарактеризованные типы местообитаний) эвритопов: белую трясогузку, серую ворону, сороку и большую синицу. Что касается других видов, то их присутствие на территории населенного пункта будет зависеть от наличия суррогатных, антропогенно трансформированных (в той или иной степени) местообитаний – аналогов природных, с которыми они эволюционно связаны.

Специальными учетами птиц в пределах селитебных территорий мы не занимались. Предварительные наблюдения 1994 г. выявили, казалось бы, логичную картину: видовое разнообразие, как и представленность отрядов, на городской территории были минимальны (23

вида трех отрядов) и увеличивались по мере удаления от города (Демидова, Наумкин, 1996). Позднее (по мере накопления материалов) выяснилось, что формально городская орнитофауна значительно богаче. Так, на учетных маршрутах, заложенных на городской территории в кварталах с разнотиповой застройкой и различной степенью озеленения, зарегистрировано 62 (27,5% всей орнитофауны Кунгурской лесостепи) вида птиц из 8 отрядов, 38 из которых – гнездящиеся (Фуфаев, Фуфаева, 2003; Фуфаева, 2004). Эти цифры, безусловно, не окончательные. Если брать городскую территорию в официально утвержденных границах, городская орнитофауна существенно пополняется лесными видами, так как вся южная часть города занята лесами. В городском сосняке естественного происхождения, отличающемся сложной структурой древостоя и наличием кустарникового яруса, отмечено 35 видов птиц 5 отрядов, то есть больше, чем в некоторых сосняках Кунгурского района. Множество водоплавающих и околоводных видов (например, серая цапля, утки, чайки, и др.) проникают в город по рекам Сылва и Ирень. С учетом наших неопубликованных и литературных данных (Наумкин, Соснин, 2002; Фуфаева, 2004; Наумкин, 2004б; Наумкин и др., 2004; Наумкин, 2005), общее число отмеченных в г. Кунгуре видов птиц возрастает до 112 (49,3% от орнитофауны Кунгурской лесостепи) из 12 отрядов, в том числе аистообразные (1 вид), гуеобразные (5), дневные хищники (9), курообразные (1), пастушковые (3), кулики и чайки (8), голубеобразные (4), совообразные (5), кукушкообразные (1), стрижеобразные (1), дятлообразные (5), и воробьинообразные (69 видов). Весьма вероятны встречи на городских озерах и поганок. Это сопоставимо с городской орнитофауной других, гораздо более крупных городов Урала и Предуралья (Брауде, 1984; Некрасов, 1984; Амеличев, 1988) – Ижевска (75 видов), Екатеринбурга (108), Магнитогорска (95). Для 68 видов установлено гнездование, в основном это воробьиные (51), представители других

отрядов на гнездовании в городе редки (кряква и чирок-свистун, ка-нюк и пустельга, тетерев, три вида пастушков, включая камышницу (Наумкин, 2005а), чибис, три вида голубей, ушастая сова, черный стриж, вертишейка, большой пестрый и белоспинный дятлы).

Если же остановиться только на орнитофауне центральных рай-онов города, то она будет представлена в основном синантропами (галка, домовый воробей, черный стриж и сизый голубь) и эвритопами (ворона, сорока, большая синица и белая трясогузка), к которым в парках и скверах присоединяются зяблик, пеночка-весничка, зеленая пеночка, дрозд-рябинник и дрозд-белобровик, зеленушка, горихвост-ка, садовая камышевка, щегол. В последние годы в историческом цен-тре города отмечено появление на гнездовании городской ласточки. Из представителей других отрядов встречается большой пестрый дя-тел.

На осеннем и весеннем пролете, а также на кочевках в границах города отмечены 10 видов, не встреченных в гнездовое время. Это гу-менник и хохлатая чернеть, дербник и чеглок, полярная сова, малый пестрый дятел, черный дрозд, хохлатая синица, белокрылый клест, пуночка. 16 видов (не считая оседлых синантропов и эвритопов) на городской территории зимуют. Это тетеревиный и перепелятник, се-рая неясыть, седой дятел, 12 видов воробьиных, в том числе такие, как сойка, крапивник, обыкновенная лазоревка, урагус, шур, клест-еловик, дубонос. 18 видов отмечены нами как залетные, это серая цапля и ле-бедь-кликун, дневные хищники (черный коршун, полевой лушь, сап-сан), чайки и кулики (7 видов), клинтух, обыкновенная кукушка, фи-лин, мохноногий сыч, серый снегирь, белошапочная овсянка. В эту же группу залетных видов можно добавить экзотического розового фла-минго (мы не включили его в общее число городской авифауны).

На территориях сельских населенных пунктов, по сравнению с г. Кунгуром, обычно более полно представлен набор синантропов (го-

родская ласточка, грач, скворец, полевой воробей), которые определяют общий облик орнитофауны. Деревенская ласточка вообще встречалась нам только в сельской местности. Другие птицы, особенно неворобьиные, бывают здесь в основном транзитом, или используют сельские населенные пункты как кормовой биотоп. В качестве гнездящихся, особенно в брошенных или в полузаброшенных деревнях, можно назвать дневных хищников, использующих постройки (пустельга) или заросшие крапивой огороды (полевой лунь).

Численность

Учеты численности водоплавающих проводили в период весеннего пролета и во время гнездования. Анализируя результаты учетов, можно отметить, что в целом пролет водоплавающих довольно плотен: по нашим данным, на 1 км береговой линии открытых пойменных озер в нижнем течении р. Сылвы приходилось от 4 до 28,4 особей уток и поганок.

Лесные озера использовались мигрирующими водоплавающими в меньшей степени. Здесь их обилие составило от 1,3 до 11,4 на 1 км береговой линии в разные дни пролета (Демидова, Наумкин, 1996). Количество пролетных особей изменяется по времени довольно быстро. Так, на озерах у д. Калашниково

(Кунгурский район) в течение 2-х дней произошло 2-х кратное увеличение абсолютного числа зарегистрированных птиц. Динамика чис-

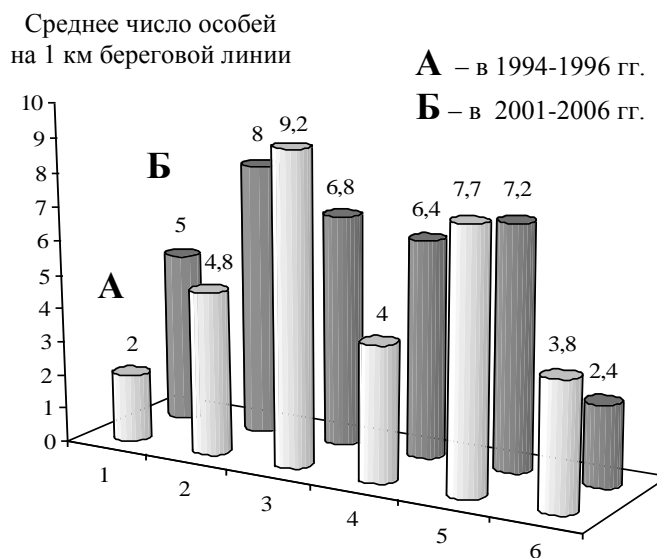

Рис. 43. Сравнительная динамика численности массовых видов гусеобразных в разные периоды исследований (1 – кряква; 2 – свиязь; 3 – трескунок; 4 – красноголовый нырок; 5 – хохлатая чернеть; 6 – свистунок)

ленности основных видов водоплавающих (речные и нырковые утки, без учета поганок) в середине 1990-х гг. и 2002-2006 гг. отражена на рисунке 43, в таблице 16 представлены усредненные данные за весь период наблюдений.

В гнездовой сезон обилие водоплавающих ниже – около 2 выводков на 1 км береговой линии (на Кишертских озерах этот показатель значительно выше – 7,1 выводка на 1 км береговой линии). Самыми массовыми видами на гнездовании являются кряква и хохлатая чернеть (таблица 17).

Таблица 16 – Видовой состав и обилие водоплавающих птиц в нижнем и среднем течении р. Сылвы в период весеннего пролета

Вид	Особей на 1 км бер. линии	Доля в населении, %
Черношейная поганка	0,1	0,2
Красношейная поганка	0,8	2,2
Чомга	0,4	0,9
Кряква	3,5	9,5
Чирок-свистунок	3,1	8,5
Серая утка	0,2	0,6
Связь	6,3	17,5
Шилохвость	0,5	1,2
Чирок-трескунок	8	21,6
Широконоска	0,7	1,8
Красноголовая чернеть	5,2	14,4
Хохлатая чернеть	7,5	20,3
Гоголь	0,2	0,5
Луток	0,3	0,8
Всего:	36,8	100

Таблица 19 – Среднее число птенцов в выводках водоплавающих

Вид	Число выводков	Среднее число птенцов
Красношейная поганка	7	1,80
Кряква	30	8,07
Трескунок	12	5,40
Красноголовый нырок	14	6,50
Хохлатая чернеть	20	6,75
Лысуха	3	5,00

Плотность населения пернатых хищников рассчитана на всю обследованную площадь, поскольку их крупные гнездовые террито-

рии включают разнообразные по характеру компоненты. Птицы, отмеченные на автомобильных маршрутах, в расчет не включены. По нашим данным, плотность населения дневных хищников составила 24 пары на 100 км². Это сопоставимо с данными, полученными в 1980-е гг. экспедициями ПГНИУ (Демидова, 1984).

Ядро населения дневных хищников (более 60%) составляют экологически пластичные, устойчивые к постепенному преобразованию среды черный коршун, полевой лунь, обыкновенный канюк, обыкновенная пустельга. Остальные виды немногочисленны или редки. Такая структура населения хищных птиц характерна для всего центра и юга Пермского края (Демидова, 1994). В последние годы в группу обычных видов вошел сапсан. По нашим данным, в 1994 г. сапсан был отмечен лишь однажды (Демидова, Наумкин, 1996), тогда как на пустельгу приходилось 13% общего количества учтенных хищных птиц. В настоящее время ситуация обратная – за последние годы пустельга была встречена всего несколько раз, а численность сапсана увеличилась, он заселил почти все пригодные местообитания в долинах рек Сылвы и Ирени, в том числе часто посещаемые людьми (Шепель, 2000а; 2004). В настоящее время пустельга составляет всего 7,6% суммарной численности соколообразных, а сапсан – 12,2%, войдя в четверку доминантов, с плотностью населения 3 пары на 100 км² (таблица 20).

Таблица 20 – Видовой состав и обилие хищных птиц Кунгурской лесостепи*

Вид	Число пар	Число пар на 100 км ²	Доля в населении, %
Скопа	0,5	-	0,5
Осоед	1,5	0,4	1,7
Черный коршун	20,5	5,7	23,8
Полевой лунь	16	4,5	18,6
Степной лунь	0,5	-	0,5
Луговой лунь	2	0,5	2,2
Болотный лунь	3	0,8	3,4
Тетеревятник	4	1,1	4,7
Перепелятник	5	1,4	5,8
Канюк	14	3,9	15,1
Беркут	0,5	-	0,5
Сапсан	10,5	3	12,2
Чеглок	2,5	0,7	2,9
Кобчик	0,5	-	0,5
Обыкновенная пустельга	6,5	1,8	7,6

* - учетная площадь – около 360 км²

Совы Кунгурской лесостепи немногочисленны, их общая численность на единицу площади в два раза ниже, чем у дневных хищников – 10,3 пары на 100 км². При этом более 80% населения приходится на два вида – ушастую и болотную сову (таблица 21). Те же соотношения в структуре населения сов отмечены в Кунгурской лесостепи и в 1980-е гг. (Демидова, 1994). Филин в таблицу не включен, поскольку с 1996 г. в районе исследований мы его не наблюдали.

Таблица 21 – Видовой состав и обилие сов Кунгурской лесостепи*

Вид	Число пар/100 км ²	Доля в населении, %
Ушастая сова	6	56,7
Болотная сова	3	27
Мохноногий сыч	0,5	5,4
Воробьиный сычик	0,5	5,4
Сплюшка	0,2	2,7
Бородатая неясыть	0,1	1,4
Длиннохвостая неясыть	0,1	1,4

* - учетная площадь – около 360 км²

Численность лесных птиц оценена по разным станциям, данные усреднены по годам (таблица 22). Обобщенные данные за весь период наблюдений представлены в таблице 23.

Таблица 22 – Динамика численности птиц лесных местообитаний, особей/км²

Биотоп	1994	1995	1996	2002	2003	2004	2005	2006
Хвойно-широколиств. леса	267	283	-	-	-	142	225	218
Елово-мелколиств. леса и ельники	73	220	156	-	-	-	-	113
Сосновые леса	139	194	382	322	366	334	214	235
Сосновые посадки	128	307	215	129	192	356	228	205
Березняки	189	275	230	194	106	136	161	227
Ивняки и ольшаники	97	249	-	350	204	-	-	110

Таблица 23 – Усредненная численность птиц в лесных и открытых местообитаниях, особей/км²

Биотоп	min	max	M±m	N
Хвойно-широколиственные леса	142	283	227±16,6	10
Елово-мелколиственные леса и ельники	73	220	140±14,3	8
Сосновые леса	139	382	281±15,2	28
Сосновые посадки	128	356	221±11,5	26
Березняки	106	275	176±9,9	33
Ивняки и ольшаники	97	350	202±8,5	7
Остепненные участки по склонам	102	380	188±12,5	8
Сырые луга-кочкарники	196	292	214±14,6	10
Стерня с колками	30	94	63±10,5	5
Пустырь на месте бывшей д. Сычугово	-	1175	-	1

Как видно из таблиц, максимальные значения плотности населения птиц зафиксированы не в смешанных хвойно-широколиственных лесах (283 особи на 1 км²), где отмечен максимальный уровень видового разнообразия, а в сосняках (480 особей на 1 км², 1996 г.), сосновых посадках (371 особь на 1 км², 2004 г., см. таблицу 24) и пойменных ивняках и ольшаниках (350 особей на 1 км²). Средние значения плотности населения птиц во всех этих биотопах довольно близки. Неожиданно высокий показатель плотности населения птиц в сосновых посадках связан с высокой концентрацией доминирования – виды-доминанты (зяблик, рябинник, и др.) составляют более половины населения (до 70 %), при общем невысоком уровне видового разнообразия (S – 28 видов; H – 1,83).

Таблица 24 – Среднемноголетняя плотность населения птиц на постоянных маршрутах, особей/км²

Биотоп	1995	1996	2002	2003	2004	2005	2006	M±m
Сосняк травяной (г. Кунгур)	283	480	177	349	369	362	413	347,6±39,3
	189	373	300	237	194	233	239	252,2±26,7
Сосняк остепненный (Черниковский бор, Кунгурский р-н)								
Сосновые посадки (Ледяная гора, г. Кунгур)	256	306	251	285	322	205	282	272,5±16,6
Сосновые посадки (Кунгурский р-н)	204	192	172	284	371	224	263	244,3±27,9
Березняк остепненный (Ледяная гора, г. Кунгур)	176	227	158	209	221	200	174	195±14
Березняк остепненный (Подкаменная гора, Кунгурский р-н)	224	221	235	273	196	179	251	225,8±14,4

Что касается сосняков, то в литературе, как правило, они характеризуются как менее оптимальные местообитания для птиц, по сравнению с мелколиственными и смешанными лесами (Новиков, 1960; Панченко, 1976; Постников, 1989; и др.). Однако на территории Кунгурской лесостепи сосняки, как это уже отмечалось, отличаются более сложной горизонтальной структурой древесного яруса, по сравнению с парковыми березняками, и значительно более широким распространением, чем хвойно-широколиственные леса. Очевидно, именно этим и объясняются полученные нами результаты.

В елово-мелколиственных лесах, особенно с наличием липы в подлеске, численность птиц обычно бывает сопоставима с показателями, полученными для сосняков и хвойно-широколиственных лесов – до 397 особей/км² (Демидова, Наумкин, 1996); низкие средние показатели плотности населения связаны с включением в эту группу лесов чистых ельников, в которых численность птиц действительно невысока.

Максимальные колебания плотности населения птиц в различные годы отмечены на постоянных маршрутах в сосняках и сосновых посадках, в березняках они не превышали 30% (таблица 24).

Открытые пространства Кунгурской лесостепи характеризуются существенно различающимся обилием птиц. Обследованные нами агроценозы (озимые, стерня, клеверища) отличаются весьма низкой плотностью населения, сосредоточенного в интразональных элементах ландшафта – лесных фрагментах и кустарниках, обычно приуроченных к карстовым воронкам, и в экотонах – на межах и зарослях вдоль полевых дорог (30-94 особи на 1 км²). Преобладали в населении чибис, скворец, жаворонок, серая славка и садовая камышевка.

Высокая плотность населения птиц была отмечена на месте бывшей деревни Сычугово (пустырь с деревьями, в том числе тополями, кустарниками и водоемами, площадью 0,16 км²), со всех сторон окруженном распаханymi под яровые культуры полями (Демидова, Наумкин, 1996). Плотность населения серой славки и садовой камышевки достигала здесь 150 особей на 1 км², обыкновенной овсянки – около сотни особей на 1 км². Многочисленное население птиц выявлено на остепненных и пойменных лугах. На ковыльных лесостепных участках по склонам речных долин и логов основу населения составляли обыкновенный жаворонок (240 особей на 1 км²) и садовая овсянка (до 40 особей на 1 км²). Индекс концентрации доминирования достигал здесь максимальных значений (0,485), поскольку на долю основного доминанта – жаворонка – приходилось 60% населения. Лесной конек, весничка, чечевица встречались тут с невысоким обилием. Сырые луга-кочкарники в поймах озер плотно заселены желтой трясогузкой (до 104 особей на 1 км²), луговым чеканом (до 200 особей на 1 км²) и чибисом (23-46 особей на 1 км²).

Численность птиц на селитебных территориях нами не определялась (за исключением подсчета сизых голубей в центре г. Кунгура

на двух площадках). Анализируя литературные данные (Шураков, Бушуев, 1978; Дьяконов и др., 1983; Шураков, 1984; Шураков и др., 2001; Фуфаева, 2004; Фуфаев, Фуфаева, 2004; и др.), можно отметить следующие тенденции в динамике численности синантропов:

- 1) возрастание численности серой вороны;
- 2) снижение численности грача и обыкновенного скворца;
- 3) то же происходит, по-видимому, с деревенской ласточкой, либо ее распространение по селитебным и антропогенно трансформированным территориям носит чрезвычайно спорадичный характер;
- 4) численность домового воробья повсеместно превышает численность полевого, даже в условиях сельских населенных пунктов (Кирсберг Лидия В., Кирсберг Людмила В., 2004). В первой половине XX в. полевой воробей преобладал над домовым (Ушков, 1927; Воронцов, 1949). Н.Г. Никонов (1973) связывал эту депрессию численности домового воробья с повсеместным исчезновением гужевого транспорта в городах. В литературе 1930-40-х гг. даже высказывались предположения о полном выпадении домового воробья из состава городской орнитофауны, чего, как мы видим, не произошло.

Фауногенетический анализ

Орнитофауна Кунгурской лесостепи, как и Урала в целом, неоднородна по своему происхождению (Воронцов, 1949; Данилов, 1960а). Она состоит из представителей основных фауногенетических комплексов: европейского (смешанных и широколиственных лесов), сибирского (таежного), арктического, средиземноморского, монгольского и китайского (Штегман, 1938). Кроме того, выделена группа птиц, широко распространенных по всем природным зонам (Бутьев, 1976; Измайлов, Сербин, 1981). Из анализа исключены 19 залетных видов.

Общий облик орнитофауны определяется видами европейского происхождения, большинство из которых связаны с широколиствен-

ными и смешанными лесами. Их 70 (33,6%). Доминирующая роль этого комплекса подтверждается такими показателями:

- подавляющее большинство (61) относится к категории гнездящихся (единично представлены залетные и те, статус пребывания которых нами не определен);

- 50% представителей данного комплекса – это обычные и многочисленные (фоновые) виды, составляющие основу населения птиц в лесных биотопах. Особенно много европейских видов характерно для березовых (22) и хвойно-широколиственных лесов (20).

Широко распространенные виды составляют вторую по значимости группу – 60 видов (28,8%). Большая их часть относится к гнездящимся (51). В основном виды этой группы связаны с открытыми ландшафтами, околородными стациями (водоплавающие) и населенными пунктами (синантропы). В лесных биотопах их встречено не так много – 15, включая сороку и серую ворону.

Таежный тип фауны представлен 40 видами (19,2%), 29 из них гнездящиеся. Среди них довольно много пролетных и кочующих видов – 8, зимующих видов – 3 (свиристель, щур, урагус). Обычны на гнездовании рябчик, рябинник, белобровик, пищуха, снегирь, пухляк, юрок. Нередок глухарь. Представители этого комплекса особенно многочисленны в южно-таежных смешанных лесах и сосняках (в том числе искусственных), обычно до 12-15 видов.

Арктический тип фауны представлен 23 видами (11%). В основном это пролетные кулики и гусеобразные (13 видов), зимняк, краснозобый конек, тундряная чечетка, лапландский подорожник и пуночка, а также зимующие и кочующие в зимнее время (белая сова, кречет, чечетка) птицы. Гнездящиеся представители этого комплекса – шилохвость, возможно – турухтан.

Видов южного происхождения (средиземноморского и монгольского фауногенетических типов) – 11 (5,2%). 6 из них гнездятся, но

только 2 вида – сизый голубь и садовая овсянка – являются обычными или многочисленными. Красноголовый нырок и желтоголовая трясогузка относятся к нерегулярно гнездящимся и в целом немногочисленным птицам. Гнездование таких видов, как степной лунь, поручейник, золотистая щурка, ремез, носит неустойчивый характер, да и обнаружены на гнездовании они совсем недавно. Зимородок отмечен неоднократно, возможно, он хотя бы периодически гнездится в Кунгурской лесостепи. Рогатый жаворонок в небольшом количестве встречается на пролете. Могильник встречен один раз.

Наконец, еще 4 вида – зеленая пеночка, ополовник, князек и дубровник – птицы азиатского происхождения, заселившие Сибирь и проникшие в Европу. Их вряд ли можно отнести к птицам таежного фауногенетического типа, они, по-видимому, не связаны с темнохвойной тайгой и происходят, скорее, из теплых широколиственных лесов и редколесий Восточной Азии (Измайлов, Сербин, 1981; Симкин, 1990). Они представляют китайский тип фауны (Штегман, 1938), причем зеленая пеночка отмечена во всех лесных станциях, длиннохвостая синица – только в пойменных биотопах и сосновых лесах, а дубровник – в сырых лугах.

Таким образом, общий облик орнитофауны Кунгурской лесостепи определяется видами европейских смешанных и широколиственных лесов, в условиях лесных станций к ним по значению приближаются таежные виды. Широко распространенные птицы преобладают в открытых ландшафтах (особенно на водоемах и селитебных территориях). Арктические и южные элементы средиземноморского и монгольского фауногенетических типов только дополняют основной (европейский) комплекс видов. Однако нужно отметить, что большое количество залетных представителей этих групп (рыжая цапля, розовый фламинго, пеликан, черный гриф, степная тиркушка, удод, черно-

лобый сорокопут, и др.) придают орнитофауне Кунгурской лесостепи определенное своеобразие.

Для сравнения мы провели аналогичный анализ орнитофауны зональной лесостепи Зауралья. Список орнитофауны взят из монографии В.Д. Захарова «Птицы Южного Урала» (2006). Район исследований автора значительно превышает Кунгурскую лесостепь по площади, и охватывает территории от северных границ Челябинской области до северного Оренбуржья, а также восточные районы Башкирии. Здесь зарегистрировано большее количество видов птиц (310), чем в Кунгурской лесостепи (227). Индекс фаунистического сходства (J) орнитофаун составил 74%. Исключив из списка редких, случайно и единично залетных птиц, остальные 264 вида мы распределили по фауногенетическим типам, согласно Б.К. Штегману (1938), с незначительными поправками, заимствованными у других авторов.

Европейских лесных видов оказалось 72 (26,1%). Как и в Кунгурской лесостепи, они преобладают в населении лесных стадий, в основном в горных лесах разных типов, в пойменных лесах и березово-осиновых колках лесостепных районов. 69 видов из них относятся к гнездящимся. Индекс фаунистического сходства видовых группировок европейского происхождения в сравниваемых регионах очень высок – 97% (таблица 25).

Таблица 25 – Представленность видов (%) и фаунистическое сходство (J,%) фауногенетических комплексов различного происхождения в составе орнитофаун зональной и Кунгурской лесостепи.

Орнитокомплекс	Кунгурская лесостепь, %	Зональная лесостепь Зауралья, %	Индекс Жаккара (J), %
Европейский лесной	33,1	26,1	97
Широко распростран.	28,8	21,2	100
Таежный (сибирский)	19,2	16,6	93
Арктический	11,5	13,2	67
Степной	5,2	21,2	39

Широко распространенных видов отмечено столько же, сколько и в Кунгурской лесостепи – 56 (21,2%). Для всех отмечено гнездование. Встречаются они в сходных биотопах: в открытых и околородных станциях, в населенных пунктах, очевидно потому, что эти ландшафтные элементы экологически схожи во всех природных зонах. В составе фауны и особенно в населении птиц лесных биотопов значение транспалеарктов минимально (менее 10%).

Представителей южных фауногенетических типов (средиземноморского и монгольского) оказалось также 56 (21,2%). В отличие от Кунгурской лесостепи, где они составляют всего 5,2%, в зональной лесостепи их, естественно, больше, и они, наряду с транспалеарктами, определяют общий облик фауны и населения птиц открытых, типичных зональных ландшафтов и околородных станций. 47 видов гнездится, у 4 статус пребывания неясен. Общими для сравниваемых регионов оказались 11 видов ($J = 39\%$), однако статус большинства из них в Кунгурской и зональной лесостепи закономерно отличается. Например, многие залетные в Кунгурской лесостепи виды (кудрявый пеликан, степная тиркушка, зимородок, удод, чернолобый сорокопут, индийская и дроздовидная камышевки) являются обычными или, по крайней мере, редкими гнездящимися в зональной лесостепи.

Следующий по значению фауногенетический комплекс – таежный – представлен 44 видами (16,6%), 37 из них (84%) – гнездящиеся. Как и в условиях Кунгурской лесостепи, представители этого комплекса существенно представлены лишь в населении птиц горных смешанных и темнохвойных лесов и островных боров лесостепных районов. Фаунистическое сходство группировок этого орнитокомплекса в орнитофаунах сравниваемых территорий очень высоко ($J = 93\%$).

Арктический тип фауны представлен минимальным количеством видов – 33 (13,2%), 27 из которых – пролетные. Для 4 (чернозо-

бая гагара, шилохвость, белая куропатка и средний кроншнеп) установлено гнездование. Однако так же, как и в Кунгурской лесостепи, многочисленных гнездящихся видов среди них нет. Фаунистическое сходство группировок арктических видов в составе орнитофауны Кунгурской и зональной лесостепи – 67%.

Общий облик орнитофауны зональной лесостепи определяется, в первую очередь, широко распространенными и южными степными видами, составляющими в сумме 42,4% ее видового состава. Они абсолютно доминируют в населении птиц зональных лесостепных и околородных биотопов. Виды арктического комплекса играют в населении этих биотопов второстепенную роль. Их значимость существенно повышается в миграционные периоды. Европейские лесные виды, формально преобладающие в составе орнитофауны, реально доминируют лишь в населении горно-лесных и лесных стадий, где их существенно больше, чем таежных.

Определенный интерес представляет и сравнение фауны Кунгурской лесостепи с региональными фаунами других территорий Пермского Прикамья. По сравнению с числом видов, включенных А.И. Шепелем с соавторами (2004) в сводку «Животный мир Вишерского края» – 212 – наш показатель – 227 видов – объективно выше, что определяется географическим положением, геоботаническими факторами и существенной антропогенной преобразованностью территории Кунгурской лесостепи (Воронцов, 1949; Шепель, 2004). Южный компонент орнитофауны на северо-востоке Пермского края почти полностью исчезает – 3,7% общего числа видов. В качестве залетных, синантропных, гнездящихся и предположительно гнездящихся здесь отмечены степной лунь, поручейник, перепел, сизый голубь, желтоголовая трясогузка. Выявленные отличия обусловлены как отсутствием степных, так и существенным «недостатком» европейских лесных птиц в экосистемах Камско-Вишерского Предуралья.

Таким образом, территория Кунгурской лесостепи в настоящее время является северным пределом распространения степного (средиземноморского и монгольского фауногенетических типов) орнитокомплекса в Европе. Проникающие севернее южные виды не имеют существенной фаунистической значимости и составляют менее 5% в составе локальных (региональных) орнитофаун.

В заключение хотелось бы остановиться на таком вопросе, как орнитогеографическое районирование территорий. Выделенные профессором Е.М. Воронцовым (1949) на территории Пермского края фаунистические районы (Верхнекамский, Камско-Вишерский и Пермско-Карагайский) были без изменений приняты Н.Н. Даниловым (1960а) в статье, посвященной орнитогеографическому районированию Урала, в качестве участков. Что касается четвертого района, выделенного Е.М. Воронцовым (Кунгурского, или Южного), то Н.Н. Данилов вполне обоснованно объединил его с юго-западной частью Свердловской области – Красноуфимской лесостепью – в единый Кунгурско-Красноуфимский участок Урало-Окского округа Центрально-Европейской подпровинции Переходной (Лесостепной) провинции, подчеркнув ландшафтное единство и своеобразие, отличающее эти территории от соседних (Данилов, 1960а). Если северные и восточные границы Кунгурско-Красноуфимского участка в трактовке Н.Н. Данилова и сейчас выглядят вполне обоснованными, то западная граница очень неопределенно проводится где-то по территории Удмуртии. На наш взгляд, более обоснованным было бы проведение западной границы участка в пределах Пермского края, чтобы разделить юго-запад и юго-восток края приблизительно так, как это принято при герпетогеографическом районировании территории Прикамья (Юшков, Воронов, 1994). Обоснованием для этого могут служить резко различные геоморфологические, гидрологические, климатические, ландшафтные и геоботанические условия юго-западных и юго-

восточных районов края, в зависимости от которых и распределяются живые организмы, в том числе и птицы.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ОРНИТОФАУНЫ

Реконструкция ландшафтно-экологических условий обитания птиц Кунгурской лесостепи в раннем и среднем голоцене

Оценка современного состояния орнитофауны Кунгурской лесостепи и тенденций в ее развитии, в том числе прогнозирование изменений в численности тех или иных видов, столь необходимые для разработки эффективных стратегий их охраны, невозможны без знания истории формирования орнитокомплексов в прошлом.

Современное состояние животного мира России, в том числе и орнитофауны, обусловлено его расселением, начавшимся приблизительно 12 000 лет назад, в конце последнего вюрмского оледенения. Распространение биоты из рефугиумов началось по мере постепенного потепления климата (12 000 – 8000 лет назад) в пребореальном и бореальном периодах голоцена. Особенно интенсивное расширение ареалов большинства видов наземной фауны связано с периодом максимального потепления климата 6500 – 5000 лет назад (голоценовый климатический оптимум). Именно к этому времени ботаники относят формирование современного облика растительности Кунгурской лесостепи (Горчаковский, 1949). В последующие периоды голоцена – суббореальный и субатлантический – после некоторого похолодания и последовавшего за ним сокращения ареалов наступила относительная стабилизация климатических условий. Дальнейшее состояние живот-

ного мира вплоть до наших дней расценивается как продолжающееся медленное его расселение и освоение им новых территорий. Это относится и к птицам (Симкин, 1990; Кривенко, 1991). В последнее столетие на эти естественные процессы накладывается все возрастающая хозяйственная деятельность человека. Расширение ареалов и рост численности у ряда видов птиц на фоне потепления климата, с одной стороны, и депрессия популяций многих видов, вызванная антропогенной трансформацией местообитаний, с другой стороны, определили во многих местах четко выраженную диаметрально противоположную направленность динамики орнитофауны.

В литературе широко распространено мнение о том, что в прошлом состояние местообитаний животных и птиц было исключительно благоприятным, а по мере роста хозяйственной деятельности человека оно ухудшалось в прогрессирующей степени. Однако это не всегда бесспорно. Анализ накапливающихся фактических данных показывает, что динамика ареалов и численности многих видов часто развивается независимо от изменений, вносимых в природную обстановку человеческой деятельностью. Особенно интригующе в этом плане выглядят вспышки массового размножения видов, иногда сопровождающиеся их расселением на значительные территории, с последующим быстрым сокращением численности и распространения. Эта проблема до настоящего времени остается одной из наиболее сложных и наименее разработанных в экологии (Максимов, 1984). В рамках данной главы мы не будем затрагивать существующих теорий динамики численности животных; опубликованная по этой теме обширнейшая литература подробно рассматривается в монографии А.А. Максимова (1984). Мы лишь стремимся подчеркнуть, что особенности формирования орнитофауны Кунгурской лесостепи рассматриваются нами с позиций концепции многовековой изменчивости климата и общей увлажненности материков северного полушария А.В. Шнитни-

кова (1957) или (шире) концепции циклики природной среды, сформулированной А.А. Максимовым (1984).

Реконструировать ландшафтно-климатические условия такой незначительной по площади территории, как Кунгурская лесостепь, довольно трудно. Поэтому географические рамки реконструкции охватывают более значительную площадь – Средний Урал и Восточно-Европейскую равнину.

Древний голоцен, начавшийся по абсолютному летоисчислению около 12 000 лет назад (предбореальный период), характеризуется более суровым и сухим климатом, чем в настоящее время; обширные территории Урала и Восточно-Европейской равнины испытывают явный недостаток обводнения (Палеогеография..., 1978). Каспийское море находится в длительной послехвалынской регрессии. Его северная граница 11 тыс. лет назад располагалась на широте Мангышлака (Рычагов, 1974; Варущенко и др., 1987). Большая часть озерно-болотных комплексов находится на олиготрофной стадии (Кривенко, 1991). Растительность того времени, по представлениям большинства авторов, больше всего соответствовала облику лесостепи или лесотундры (тундростепи), с обширными участками бореальных степей с флорой сибирского облика, в составе которой главную роль играли разные виды полыней (Горчаковский, 1949; Нейштадт, 1957; Кременецкий и др., 1994). Древесная растительность представлена елью, березой и лиственницей, причем, по мнению М.И. Нейштадта (1957), на европейской территории ель абсолютно преобладала, формируя разреженные древостои (несколько напоминающие современную зеленомошную тайгу), связанные в основном с долинами рек. Карликовая березка, произрастающая на болотистых участках, сохраняется в лесной зоне вплоть до атлантического времени (Жуйкова, 2000). На Среднем Урале широко распространилась лиственница, для этой территории характерны светлые лиственничные леса и лиственнично-

березовые колки с участием и ели, и сосны, а в конце периода – пихты (Горчаковский, 1949). Одни авторы подчеркивают очень значительную роль и даже абсолютное преобладание лиственницы в составе древесных сообществ (Герасимов, 1926; 1932; Нейштадт, 1957), другие (Генкель, 1974) с этим не согласны. Впрочем, последний автор отмечает, что данные спорово-пыльцевых анализов торфяников воронок Кунгурской лесостепи (даже наиболее древних) вообще не содержат прямых или косвенных следов, соответствующих климату перигляциальных обстановок.

К концу периода прогрессирующее потепление климата, достигшее максимума около 10 000 лет назад, обуславливает мощное увлажнение. На севере Восточно-Европейской равнины и на Урале увеличивается количество осадков, их выпадает больше, чем сейчас. Каспийское море испытывает сартанскую трансгрессию (Рычагов, 1974).

Потепление климата в бореальный период голоцена привело к активизации и широкому распространению лесных формаций (Жуйкова, 2000). Лиственница и ель, столь характерные для островных лесов предыдущего времени, стали вытесняться сосной, а позднее – березой. По территории Урала продолжает расселяться пихта. Леса в это время продвинулись далеко на север. Главной особенностью древесной растительности всеми авторами признается абсолютное преобладание сосны (Горчаковский, 1949; 1957; Нейштадт, 1957; Генкель, 1974). Впервые в составе древесной растительности ненадолго появляются широколиственные породы, исчезнувшие при очередном похолодании и усилении континентальности климата около 8000 лет назад (Кинд, 1976). Это приводит к широкому распространению и длительному доминированию в лесных сообществах березы и сосны.

Очевидно, именно с возрастанием общей увлажненности климата в бореальный период голоцена связана активизация карстовых про-

цессов на территории современной Кунгурской лесостепи. Можно предположить, что уже в то время, несмотря на прогрессирующее развитие сначала елово-лиственничных, а затем березовых и сосновых лесов, вытеснявших древние перигляциальные тундростепи, на закарстованных территориях нынешней Кунгурской лесостепи сплошных лесов не было.

Потепление, знаменовавшее собой начало следующего, атлантического периода (7700 – 7500 лет назад), вызвало деградацию и исчезновение покровных оледенений в горах Северо-Западной Европы и на арктических островах (Монин, Шишков, 1979). Приблизительно 6500 лет назад оно сменилось похолоданием, с общим усилением засушливости климата (Будыко, 1980). Однако уже в период 6000-5000 лет назад вновь развившееся потепление достигает максимума за весь период голоцена (голоценовый климатический оптимум). В это время на всей европейской территории России и на Урале средние летние температуры превышали современные на 3-4° С. Количество зимних осадков приближалось к современным, а вот летних выпадало значительно ниже современной нормы. На территории Восточно-Европейской равнины и в Прибалтике отмечено усыхание озер (Нейштадт, 1957; Палеогеография..., 1978), развивается очередная регрессия Каспийского моря (Рычагов, 1974). На территории Казахстана и юге Западной Сибири формируется аридный климат, способствующий ксерофитизации растительного покрова. Сокращаются площади степных и лесостепных водоемов и ускоряется их динамика к поздним стадиям сукцессий (Кривенко, 1991).

Общая граница древесной растительности в этот период резко отодвинулась к северу, достигнув в европейской части России арктического побережья. Темнохвойная тайга вышла к океану, поглотив тундру и лесотундру. На Среднем Урале доминирующее положение прочно удерживают сосновые и сосново-березовые леса, в которые со

второй половины атлантического периода постепенно начали проникать широколиственные породы – липа, клен, вяз и дуб, переживавшие оледенение в рефугиумах, в том числе на Южном Урале и приуральских возвышенностях. На территории современной Кунгурской лесостепи эти породы по значению в древостое были сопоставимы с сосной и березой (Генкель, 1974). Одни авторы предполагают проникновение широколиственных видов за Урал (Горчаковский, 1949), другие это отрицают по причине резкой континентальности климата Сибири (Нейштадт, 1957).

Период голоценового климатического оптимума – это время окончательного формирования Кунгурской лесостепи. Тогда ее вряд ли можно было назвать «островной». Лесостепные ландшафты в районах современных городов Кунгура, Красноуфимска и Бирска сливались в одно целое (Кунгурско-Красноуфимско-Месягутовская лесостепь) и были связаны с зональными степями (Горчаковский, 1949; 1957; Ильичев, 1962). Флора уральских степей обогатилась за счет мощного наплыва ксерофитов западного, южнорусского происхождения, которые и сейчас определяют общий облик травянистой растительности Кунгурской лесостепи (ковыли, астрагалы, мордовник, и др.).

В конце атлантического периода, 4500 лет назад, жаркий климат сменился очередным похолоданием. На севере европейской части России леса отступили к югу. На среднем Урале резко сокращается площадь, занятая степной растительностью, происходит ее модификация в сторону олуговения. На степь надвигается сначала широколиственно-лесная растительность, а затем темнохвойная тайга (Горчаковский, 1949; 1957). Суббореальный период голоцена характеризуется длительным противоборством ели и пихты с комплексом широколиственных пород. Последние на всей территории Восточно-Европейской равнины и Северного Казахстана оттесняются к югу

(Нейштадт, 1957; Кременецкий и др., 1994). В течение субатлантического периода формируется ландшафтная зональность, близкая к современной (Кинд, 1976; Будыко, 1980). В это время отмечены локальные фазы потепления и уменьшения континентальности климата, последняя из которых имела место в первом тысячелетии н.э. и закончилась около 800 лет назад (Кременецкий и др., 1994).

На территории Кунгурской лесостепи усиливается мозаичность ландшафтов. Полного вытеснения степной растительности ксеротермического облика лесами не происходит. Типичная темнохвойная елово-пихтовая тайга здесь так и не сформировалась, этому препятствовали эдафические условия, обусловленные закарстованностью территории. Помимо березы и сосны, в качестве реликта атлантического времени в древостое повсеместно встречается липа, локально – клен и вяз. Наиболее теплолюбивый дуб в небольшом количестве сохранился в южных районах Кунгурской лесостепи (Овеснов, 2003), на крайнем северо-востоке своего современного ареала.

Динамика орнитофауны Кунгурской лесостепи в голоцене

Динамика ареалов, численности и видового состава птиц на протяжении всего голоцена тесно связана с циклическими изменениями климата и характера увлаженности (Шнитников, 1957). Это особенно характерно для водно-болотного орнитокомплекса (Кривенко, 1991). Ранний голоцен – весьма важный период истории многих воробьиных птиц. У большинства из них в это время началось восстановление доледниковых ареалов, а некоторые в своем становлении в качестве самостоятельных видов, по-видимому, связаны как раз с пери- и постгляциальными обстановками предбореального и бореального периодов голоцена.

Орнитофауна европейской части России и Урала (в том числе и на территории современной Кунгурской лесостепи) ранних периодов голоцена, несомненно, носила обедненный характер. Среди птиц вод-

но-болотного орнитокомплекса преобладали северные формы: чернозобая гагара, лебедь-кликун, хохлатая чернеть, турпан, гоголь, луток, шилохвость, турухтан. По мере потепления и увлажнения климата здесь появляются серый гусь и красноголовый нырок, увеличивается общая численность гнездящихся водоплавающих и околоводных птиц. Болотистые низменности лесостепей заселены стерхом (Кривенко, 1991). В это же время происходит быстрое восстановление ареала таких европейских видов, как желтая трясогузка, лесной конек, оляпка, пеночка-весничка и пеночка-теньковка. С перигляциальными заболоченными редколесьями связано становление таких видов, как луговой конек, луговой чекан, дрозд-рябинник, дрозд-белобровик (Симкин, 1990). Сформировавшиеся темнохвойные леса быстро заселяют клесты, буроголовая гаичка. Расширение ареалов птиц в северном направлении приостанавливается прогрессирующим похолоданием в конце бореального времени; некоторые теплолюбивые виды отесняются к югу. Активизируется распространение на запад сибирских видов (Данилов, 1960б).

В период голоценового климатического оптимума происходит самое мощное движение ареалов птиц, охватившее все ландшафтные зоны Евразии и особенно проявившееся в умеренных и высоких широтах. Европейские виды в это время активно восстанавливают доледниковые ареалы и расширяют их в восточном направлении (Воронцов, 1949; Симкин, 1990). Можно предположить, что орнитофауна Среднего Урала, в том числе и Кунгурской лесостепи, была тогда значительно богаче, чем сейчас, за счет множества южных и европейских водно-болотных, широколиственно-лесных и ксерофильно-кустарниковых форм, некоторые из которых сохранились в составе орнитофауны с тех времен, либо повторно осваивают эти территории в настоящее время.

По мере развития засушливости и аридизации климата на территории Средней Азии и Казахстана происходит массовое проникновение водно-болотных птиц в лесостепную и лесную зоны. Эти территории осваивают чомга и серощекая поганка, лысуха, красноголовый нырок, серая утка, широконоска, чирок-трескунок, озерная и малая чайки, хохотунья, кудрявый пеликан, малая выпь, ремез (Данилов, 1960б; Кривенко, 1991). Вероятно, именно в это время на территории Кунгурской лесостепи появились жаворонки, славки, сорокопуты, многие представители семейства дроздовых. Вероятными обитателями Кунгурской лесостепи в ксеротермическое время были орлы (степной и могильник), черный гриф, сип, балобан, дрофа, степные виды куликов, южные представители отряда ракшеобразных, которые населяли тогда территорию современной Башкирии (Ильичев, 1962).

Суббореальное и субатлантическое время характеризуются новой активизацией распространения на запад сибирских видов, которое успешно продолжается и сейчас. На территории Среднего Урала появились белошапочная овсянка, зеленая пеночка, пестрый дрозд. Последний вид появился в Предуралье уже в историческое время (Данилов, 1959; 1960б). Возрастание общей увлажненности и похолодание климата вызвали сокращение ареалов многих теплолюбивых видов, особенно степного орнитокомплекса. Этот процесс, очевидно, несколько приостановился в период потепления, продолжавшийся с середины I в. до н.э. до XIII-XIV вв. н.э. (Монин, Шишков, 1979; Кременецкий и др., 1994). Возможно, именно до этого периода на территории Кунгурской лесостепи сохранялся максимум видов степного орнитокомплекса, сформировавшегося в ксеротермическое время. Так, например, по мнению В.Д. Ильичева (1962), обычным обитателем Каслинского и Сысертского Урала тогда мог быть черный гриф. Вполне вероятно, что тогда же в Кунгурской и Красноуфимской лесостепи водилась дрофа, поскольку последние представители этого сте-

нотопного вида были выбиты в окрестностях г. Красноуфимска и пос. Арти лишь к 30-м гг. XIX в. (Кириков, 1959). Не исключено присутствие в Кунгурской лесостепи и стерха, сохранявшегося в зональных лесостепях Зауралья и Западной Сибири вплоть до исторического времени (Гынгазов, Миловидов, 1977).

В XIV-XV вв. Европу охватило новое похолодание, отразившееся во многих исторических хрониках и летописях как «малый ледниковый период». Из лесостепной зоны исчезают лебедь-шипун, лысуха, красноголовый нырок, озерная чайка, хохотунья, чомга (Кривенко, 1991). Виды, чье распространение не было лимитировано температурными факторами, продолжают расселяться из Сибири в Европу и из тундровой зоны – в лесную и лесостепную (например, чернозобая гагара, турпан, лебедь-кликун). Таким образом, направления, по которым шло расселение птиц во вторую половину голоцена (с атлантического времени), изменялись в зависимости от климатических обстановок и режима увлажнения: в ксеротермический максимум атлантического периода шло расширение ареалов в основном у южных и европейских видов (в северном и восточном направлениях), в суббореальный и субатлантический период – сибирских и арктических (в западном и южном направлениях).

С XIX в. наметился переход к многовековой теплой и сухой макроклиматической эпохе (Кривенко, 1991). Птицы различных орнитокомплексов отреагировали на это по-разному. Численность таких видов, как чернозобая гагара, лебедь-кликун, и особенно турпан, в лесостепной зоне значительно сократилась, южная граница их некогда сплошного распространения отодвинулась к северу. В зональной лесостепи ареал этих птиц превратился в причудливое «кружево» (Данилов, 1959; Кириков, 1959). Первые два вида, упоминавшиеся для Кунгурского уезда в XVIII в. (Горбунов, 1925) в качестве обычных, в первой половине XX в. уже безусловно таковыми не являлись (Во-

ронцов, 1949), а чернозобая гагара в настоящее время не встречается и на пролете. Подобные динамические процессы выявлены и для фауны куликов зональной лесостепи Зауралья – за последние полвека здесь перестали гнездиться многие обычные в прошлом «северные» виды: фифи, мородунка, большой улит (Тарасов и др., 2004а; Поляков, 2009).

В то же время европейские лесные и степные виды явно начали расселяться к северу. Некоторые из них как бы «балансируют» на границах Кунгурской лесостепи, встречаясь и гнездясь нерегулярно и в незначительных количествах, или даже исчезая (например, малая выпь, черная и светлокрылая крачки, зимородок, золотистая щурка), другие достаточно успешно осваивают эту территорию (красноголовый нырок, степной лушь, камышница, сплюшка, и др.). Продолжается расселение на северо-восток таких «европейцев», как белый аист, лебедь-шипун, ходулочник. Для некоторых видов возвращение в состав орнитофауны Кунгурской лесостепи сейчас вряд ли возможно по причинам антропогенного характера. Например, черный гриф – вероятный обитатель Кунгурской лесостепи в последний относительно теплый период (первое тысячелетие н. э.), совпадающий по времени с развитием скотоводческой культуры финно-угорского происхождения, – в настоящее время не нашел бы для себя достаточной кормовой базы и подходящих мест гнездования. То же можно предположить и в отношении дрофы, пеликанов, и др.

Таким образом, основные тенденции в развитии орнитофауны Кунгурской лесостепи на современном этапе отличаются следующими особенностями:

- в миграционных процессах и движениях ареалов птиц преобладает северная широтная направленность, обусловленная общим характером долговременной цикличности климата. Продолжается постепенное проникновение в южное Прикамье и расселение на север

видов степного и европейского лесного орнитокомплексов, причем для разных видов оно протекает с различной степенью успешности;

- с другой стороны, постепенно уменьшается фаунистическое значение арктических видов (гнездящихся представителей этого комплекса в настоящее время значительно меньше, чем у группы степных видов, среди них нет многочисленных);

- не прекращаются динамические процессы в системе видообмена Европа – Сибирь. Как европейские, так и сибирские виды активно и успешно осваивают новое жизненное пространство (Рябицев, 2001a);

- на эти естественные процессы существенно влияют антропогенные факторы. В целом для Кунгурской лесостепи характерны те же негативные тенденции, что и для зональных степей и лесостепей (Rjabow, 1965; 1968; Рябов, 1982) – происходит тривилизация орнитофауны за счет «вымывания» из ее состава крупных стенотопных видов, находящихся на вершинах трофических пирамид (например, рыбоядных птиц или дневных хищников), и замещение их экологически пластичными, эвритопными и синантропными видами (в основном представителями воробьинообразных). При этом на фоне увеличения видового разнообразия и роста численности у отдельных видов происходит общее уменьшение биомассы птиц на единицу площади. В последнее время на состоянии популяций птиц, обитающих или посещающих открытые ландшафты, отражаются кардинальные изменения, вызванные в сельскохозяйственном производстве экономическими причинами.

Из материалов предыдущей главы следует, что в целом орнитофауна Кунгурской лесостепи – лесного европейского облика. Возможно ли в этих условиях говорить об особом значении степных видов в составе фауны и населения птиц? По нашему мнению, да. В-первых, территория района наших исследований – Кунгурская лесостепь

степь – не случайно входит в состав Переходной (степной) орнитофаунистической провинции (Данилов, 1960а). Во-вторых, в прошлом, в периоды потепления климата и уменьшения общей увлажненности, роль степных видов, несомненно, была более значительной, поскольку на территории Кунгурской лесостепи так и не сформировался ландшафт сплошных лесов. В-третьих, в настоящее время, ввиду наступления очередной длительной сухой и теплой макроклиматической эпохи (Дж. Имбри, К.П. Имбри, 1988; Кривенко, 1990), специалистами прогнозируется устойчивый термоаридный тренд. Не исключено, что уже к середине нынешнего века зональная лесостепь Поволжья и Предуралья значительно продвинется к северу за счет деградации зоны смешанных и широколиственных лесов (Коломыц, 2006). В этих условиях фаунистическая значимость южных птиц будет, несомненно, лишь возрастать.

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКОГО РАЗНООБРАЗИЯ И СРЕДЫ ОБИТАНИЯ ПТИЦ

Антропогенная трансформация ландшафтов. Влияние антропогенных факторов

Появление первых людей в долине р. Сылвы относится к периоду неолита (IV-II вв. до н.э.). В IV-V вв. н.э. здесь обосновались степные скотоводческие племена финно-угорского происхождения из областей Южного Урала и Западной Сибири. К IX в. сложилась угорская сылвенская культура. Территория распространения памятников данной культуры в бассейне р. Сылвы и ее притоков Бабки, Ирени, Шаквы, Барды, Иргины занимает площадь протяженностью около 150 км с севера на юг, и более 100 км – с запада на восток. Если в период неолита основ-

ным занятием населения были охота и рыбная ловля, то во второй половине первого тысячелетия под влиянием кочевников развивается скотоводческая деятельность, а затем намечается переход к подсечно-му земледелию. Воздействие человека на ландшафты вплоть до XVII в. остается весьма локальным и непостоянным. В связи с этим окультуренных урочищ не образовывалось (Циберкин, Стенно, 1998).

Данные о первых русских поселениях на исследуемой территории по р. Сылве относятся к 1579 г. Местное население в то время было настолько малочисленным, что чиновники в документации XVII в. называли эти земли «пустыми» (Преображенский, 1956). В XVII в. массовый поток переселенцев направляется из северных, относительно плотно населенных (при низком уровне агротехники) уездов в южные районы Среднего Урала. Всего в Кунгурском уезде с 1648 г. по 1703 г. количество дворов увеличилось с 309 до 3769, или в 12,2 раза. Следовательно, за сопоставимое время по темпам колонизации Кунгурский край превосходил другие осваиваемые русскими районы Урала (Оборин, 1963). Крестьянский характер колонизации определил земледельческий уклон освоения территории. Вплоть до начала XX в. все разнообразие воздействующих на природную среду факторов сводилось к распашке земель, сельскохозяйственным работам, рубке леса (Накаряков, Суслонов, 2002, 2004), и неконтролируемой охоте на промысловые виды зверей и птиц. Зародившаяся в Кунгурском уезде в начале XVIII столетия металлургическая промышленность не получила дальнейшего развития из-за быстрого истощения сырьевой базы.

Как было отмечено, низкая лесистость Кунгурской лесостепи во многом связана с естественными причинами. Антропогенное вмешательство отразилось в первую очередь не столько на сокращении лесопокрытых площадей (что, безусловно, имело место), сколько на видовом составе древостоя и соотношении его возрастных категорий (Неулыбина, 1970). Так, в настоящее время участки широколиствен-

ных ильмово-кленово-липовых лесов занимают здесь ничтожную площадь и не играют особой роли в составе древесной растительности. Северная граница распространения дуба, медленно отступающая к югу приблизительно с середины суббореального периода голоцена (Нейштадт, 1957), в XIX в. сделала резкий скачок под воздействием целенаправленных рубок (дубовая древесина весьма ценилась плотниками, а кора использовалась как дубильное сырье в бурно развивающейся кожевенной промышленности Кунгурского уезда). Сократилась площадь спелых и перестойных коренных лесов: парковых березняков, остепненных сибирских сосняков и лиственничников. Если в середине XX в. спелые сосняки составляли большую часть сосновых лесов Пермского края, в том числе и в южных районах (Чазов, 1957), то сейчас их площадь значительно уменьшилась (Прокопьев, 1994). В настоящее время сосновые леса фактически утрачивают эксплуатационное и экологическое значение. Их место занимают вторичные мелколиственные и смешанные сообщества, а также молодые лесопосадки, преобладающие в настоящее время на большей части лесопокрытой территории рассматриваемого региона.

Как показали исследования, плотность населения хищных птиц мало связана с долей спелого леса в составе лесных сообществ. Однако при низкой лесистости (менее одной трети) значение спелых лесов для пернатых хищников значительно возрастает, и даже умеренная рубка спелых сообществ может негативно отразиться на плотности их населения (Демидова, 1994; 1995). Дефицит старых высокоствольных деревьев, пригодных для устройства массивных гнезд, является для многих хищников одним из существенных антропогенных факторов, определяющих их присутствие в агроландшафте. К видовому составу древостоя хищники малотребовательны. В целом вырубка лесных массивов, особенно в условиях повышенной лесистости, несомненно, благоприятствует увеличению численности и расширению ареала не-

которых из них (Кузнецов, 1996), и даже появлению на гнездовании новых видов (например, степной лунь).

Среди куриных птиц наиболее требователен к состоянию и составу лесных угодий в первую очередь глухарь. По данным исследований в таежной зоне Финляндии и Карелии (Kurhinen et al., 2007), для этого вида критически значимым является сокращение старых захламленных лесов и болот до 10-15% территории. Однако те же последствия лесопромышленной деятельности совершенно не сказываются на обилии тетерева. В пределах Кунгурской лесостепи численность всех видов тетеревиных находится в относительно благополучном состоянии. По-видимому, глухарь приспособился к жизни в мозаичных ландшафтах Кунгурской лесостепи, и оптимальные для него в этих условиях местообитания отличаются от таковых в зональной тайге.

Что касается мелких воробьиных птиц, то максимальные значения плотности их населения в условиях Кунгурской лесостепи зарегистрированы в пойменных ольшаниках и ивняках, смешанных елово-мелколиственных и елово-липовых лесах, разреженных старыми зарастающими вырубками, а в сосняках – лишь там, где имеется развитый кустарниковый ярус и примесь лиственных пород, образующих в составе древостоя второй горизонт (Симкин, 1974; Фуфаев, 1980; Петрова и др., 1998; Наумкин, 2002). Лесопосадки, представленные в Кунгурской лесостепи главным образом сосновыми насаждениями 30-40-летнего возраста, также заселяются птицами с высокой плотностью, сопоставимой с аналогичным показателем для естественных сосняков. Особое значение своеобразных «рефугиумов» для птиц имеют территории заброшенных населенных пунктов, окруженные сплошными открытыми сельхозугодьями (Демидова, Наумкин, 1996). В подобных местах гнездятся коростель, куриные, дневные хищники и совы, а плотность населения воробьинообразных достигает макси-

мальных значений – более тысячи особей на 1 км². В литературе также отмечено, что в изолированных колках и лесных фрагментах Предуралья у наземногнездящихся воробьинообразных наблюдается более высокая плотность населения и успех размножения, по сравнению с обширными ненарушенными залесенными ландшафтами (Зубцовский и др., 1984; Зубцовский, Матанцев, 1994).

Сравнение лесных массивов, испытывающих разный уровень антропогенного воздействия (сосновые и березовые леса г. Кунгура и аналогичные типы лесов в других районах), выявило типичную для лесных районов европейской части России картину (Кочанов, 1987). С увеличением антропогенной нагрузки на местообитания происходит упрощение структуры орнитоценоза: сокращается биологическое разнообразие и число гнездящихся видов, одновременно возрастает количество воробьинообразных и доля в их населении видов-доминантов. Однако в лесах разных типов влияние антропогенных факторов на орнитоценозы отражается в различной степени.

Оценивая биоценотическое (К) и фаунистическое (J) сходство орнитоценозов городских и загородных лесов, можно констатировать, что максимальным оно было между сосняками (К = 75,6% и J = 55%), сосновые посадки занимали промежуточное положение (К = 58,9% и J = 50%), и минимальное сходство наблюдалось между орнитоценозами березовых лесов г. Кунгура и прилегающих районов (К = 37,3% и J = 40%). Биоценотическое сходство населения птиц искусственных и естественных городских сосняков оказалось ниже, чем загородных (К = 55,3% и 68,6% соответственно). Это можно связать только с влиянием неблагоприятных городских условий, изолирующих городской сосняк и сосновые посадки Ледяной горы друг от друга. Кроме того, в городских сосновых лесах (как естественных, так и искусственных) антропогенное воздействие не влияет на плотность населения и уровень видового разнообразия птиц, а отражается лишь на степени до-

минирования, тогда как в обследованных городских березняках оно полностью определяет параметры орнитоценоза. Это свидетельствует о значительной деградации городских парковых березняков по сравнению с загородными.

Открытые пространства Кунгурской лесостепи, в первую очередь, суходольные и остепненные луга на водоразделах, уже давно вовлечены в сельскохозяйственный оборот. До 80% их общей площади превратились в пашни, причем сейчас встает вопрос о занесении некоторых типов лесостепных почв в специализированную Красную книгу (Бузмаков и др., 2006). В зависимости от характера использования, типичные для них растительные группировки либо полностью уничтожены, либо сильно деградировали. Так, в составе луговых степей с доминированием плотнодерновинных злаков в настоящее время преобладают типчаковые степи, несущие явные следы пастбищной дигрессии; ковыль перистый исчезает из травостоя, в котором господствует более устойчивый к вытаптыванию злак – овсяница ложноовечья, повсеместно распространены характерные виды-индикаторы пастбищной дигрессии: клевер ползучий, люцерна хмелевидная, очиток едкий, одуванчик и др.

Заливные луга в нижнем течении р. Сылвы, занимавшие в целом незначительные площади, после постройки водохранилища оказались затопленными, или превратились в переувлажненные, заболоченные уголья (Неулыбина, 1970). Необходимо отметить, что многие луга, как водораздельные, так и пойменные, возникли на месте вырубленных лесов и кустарников и существуют, главным образом, за счет хозяйственной деятельности человека. При прекращении антропогенного влияния луговая растительность начинает вытесняться лесной, что приводит впоследствии к восстановлению естественных лесных фитоценозов.

Разнообразие населения и степень использования птицами открытых пространств различны, и зависят от категории и интенсивности проводимых на них сельскохозяйственных работ (Коровин, 2004). Весенняя вспашка дает возможность многим видам (коршун, чайки, врановые, скворец, и др.) использовать пахотные земли в качестве кормовых угодий. Так, только в пределах распаханых участков в Кунгурской лесостепи нам встречались пролетные стайки рогатых жаворонков. С другой стороны, при весенних сельхозработах нередко гибнут кладки рано гнездящихся видов (обыкновенный жаворонок, чибис, и др.). Общеизвестно, что сенокосение и уборка зерновых связаны с гибелью огромного числа выводков коростеля, куриных птиц, а иногда и уток (Голованова, 1989; Коровин, 2004; и др.). Однако эти же виды работ привлекают сюда пернатых хищников, так как население мелких грызунов становится доступным для них пищевым ресурсом. Использование открытых пространств и залесенных угодий в качестве пастбищ негативно отражается как на населении мелких воробьиных птиц, так и на гнездовании пернатых хищников. Известны случаи уничтожения пасущимся скотом гнезд луней и болотной совы (Шепель, 1992). Относительно благоприятны для кормодобывающей деятельности хищников площади, занятые парами и посевами многолетних трав, тогда как посевы зерновых пессимальны, поскольку грызуны в них многочисленны, но малодоступны (Демидова, 1994).

В последнее десятилетие интенсивность сельхозработ и площадь регулярно используемых сельскохозяйственных угодий в рассматриваемом районе снизились. Многие пашни заброшены и зарастают мелколесьем. Распашка целинных участков сельхозпредприятиями практически не производится, однако известны случаи, когда лесхозы распашивают остепненные суходольные луга под посадки лесных культур. Это приводит к моментальной деградации степной растительности, зарастанию распаханых угодий высокотравьем, и

резко снижает их привлекательность для пернатых хищников как охотничьих биотопов, по сравнению с остепненными лугами.

На птицах, населяющих или периодически посещающих открытый ландшафт, несомненно, положительно отразилось резкое снижение химизации сельского хозяйства: сокращение применения минеральных удобрений и химических препаратов для борьбы с насекомыми-вредителями и грызунами (Ильичев, Галушин, 1978; и др.). Однако в настоящее время наблюдается процесс уменьшения численности отдельных видов (грач, скворец, ласточки), тесно связанных с агроландшафтами (Шураков и др., 2001; Фуфаев, Фуфаева, 2004). Причины этого явления до конца не ясны, возможно, негативную роль сыграло уменьшение числа ферм и животноводческих комплексов или какие-либо негативные ситуации, складывающиеся в местах зимовок птиц.

Произошедшая в связи с появлением водохранилища дестабилизация околоводной биоты привела к перемещению основной массы пролетных и гнездящихся водоплавающих и околоводных птиц в верховья заливов (Ананьин, 1960; Болотников и др., 1984; Еремченко, Возжаев, 1984). При этом гнездящиеся птицы мирятся с резкими колебаниями уровня воды в водохранилище, и даже выработали определенные адаптации к этому негативному фактору. Так, например, кряквы устраивают гнезда очень высоко над водой – на прибрежных скалах или крутых залесенных склонах речной долины. Сокращение площадей пойменных заливных лугов отрицательно сказалось на таких видах, как коростель и особенно перепел. Последний вид в настоящее время обычно встречается по сырым днищам и пологим склонам крупных логов. Создание прудов, начавшееся еще в XVIII столетии, благоприятно отразилось на увеличении видового разнообразия гнездящейся гидрофильной орнитофауны. Вероятно, уже в ближайшее

время на водоемах Кунгурской лесостепи будут найдены водяной пастушок, погоньш-крошка.

В советские времена одним из важнейших направлений природопользования в районах Кунгурской лесостепи стало освоение нефтяных месторождений. При этом происходило неизбежное отчуждение лесопокрываемых и степных участков, а также загрязнение нефтепродуктами не только почвы и поверхностных водоемов, но и подземных карстовых вод. До настоящего времени именно на юге Пермского края сосредоточены основные балансовые и извлекаемые запасы нефти, и, несмотря на «передислокацию» нефтяников в северные районы края, проблемы, связанные с эксплуатацией месторождений в Кунгурской лесостепи, остаются актуальными (Бузмаков, 2002). Однако в целом масштабы негативного воздействия нефтяной промышленности на ландшафты и биоту Кунгурской лесостепи, видимо, несопоставимы с тем, что происходило в 1980-е гг. в нефтедобывающих районах Башкирии (Ильичев, Фомин, 1988).

В заключение необходимо остановиться на таких факторах, как рекреационное использование и урбанизация территорий. Бассейн р. Сылвы в пределах Кунгурской лесостепи обладает огромным рекреационным потенциалом, и в последнее время фактор беспокойства, связанный с увеличением рекреации, постоянно усиливается. В первую очередь это отражается на крупных, заметных птицах, служащих «украшением» ландшафта. Беркут, скопа и филин, по-видимому, перестали гнездиться в пределах Кунгурской лесостепи (даже в условиях длительного запрета на их отстрел). В то же время другие виды краснокнижников (например, кулик-сорока) остаются достаточно обычными в долинах рек Сылвы и Ирени. В последние годы увеличилось количество гнездящихся пар сапсана (Шепель, 2000а; 2004), причем иногда птицы гнездятся в очень доступных и часто посещаемых человеком местах. Урбанизация территории неизбежно сопровождается

ется развитием дорожной сети. Нам известны случаи гибели на дорогах и высоковольтных ЛЭП неясителей, филина, луней, журавля. Однако целый ряд видов давно и успешно осваивает урбанизированный ландшафт. Это, в первую очередь, серая ворона, плотность гнездования которой в городских условиях заметно выше, чем в окрестностях города (Фуфаева, 2004), ворон, дрозды – рябинник и белобровик, черный коршун, и др. Многие из них (серая ворона, зяблик, рябинник) в условиях города приступают к яйцекладке раньше (на 5-9 дней), чем их сородичи в естественных местообитаниях (Фуфаева, 2004). Гнездящиеся в городе птицы охотно используют при строительстве гнезд различные антропогенные укрытия и материалы: вороны – алюминиевую проволоку, белобровики – капроновые шнуры, коноплянки и трясогузки – синтетические нитки и вату; рябинники образовали гнездовую колонию, строя гнезда между и внутри снарядных ящиков (оригинальной «квадратной» формы), складированных на старом полигоне ликвидированной военной части. В послегнездовой период пригородные и городские сады и огороды становятся излюбленным местом кочевок молодых рябинников, белобровиков, а иногда и певчих дроздов (!). Район городской свалки на Ледяной горе – место массовых концентраций врановых и хищных птиц. Так, в осеннее время мы наблюдали здесь скопления коршунов, состоящие из 30-40 особей. Зимой не избегают городских и сельских населенных пунктов совы, тетеревиный и перепелятник.

В целом территория г. Кунгура обеспечивает более успешное, по сравнению со многими другими средними и даже крупными (по численности населения) городами Урала, существование довольно разнообразной фауны и многочисленного населения птиц. Отсутствие значительно загрязняющих окружающую среду производств, наличие озер и рек, служащих миграционными путями для многих видов, обладание частной малоэтажной застройки, высокая озелененность, в

том числе наличие сосновых лесов естественного происхождения, – все это делает городскую территорию привлекательной не только для синантропов, но и для птиц других экологических специализаций, даже весьма стенотопных. По литературным данным, на городской территории в различные сезоны года зарегистрировано 62 вида птиц из 8 отрядов – 27,5% видового состава орнитофауны Кунгурской лесостепи (Фуфаева, 2004), в том числе 35 видов населяют городские сосновые леса (Наумкин, 2002; 2004б). Этот список продолжает увеличиваться, и, по нашему мнению, сейчас в него входит значительно больше видов – 112-113 (см. соответствующую главу).

Отдельный, особый вид рекреационной эксплуатации орнитофауны Кунгурской лесостепи – охота. Количество охотничье-промысловых видов птиц здесь достаточно высоко, и многие из них обладают высокой численностью. По данным Кунгурской районной госохотинспекции, среди добываемых охотниками видов наибольшее значение в качестве объектов охоты имеют тетерев, рябчик и утки (кряква и чирки). Кулики не играют особой роли в структуре охотничьего промысла. Необходимо отметить безответственное отношение некоторых охотников к живой природе – после открытия осенней охоты мы неоднократно находили в окрестностях г. Кунгура отстрелянных канюков, болотных и ушастых сов.

Охраняемые виды птиц Кунгурской лесостепи

В составе орнитофауны Кунгурской лесостепи отмечено 17 видов (7,5%), занесенных в Красную книгу России (2001), и еще 13 (5,3%), занесенных в Красную книгу Пермского края (2008). При этом 4 вида (пеликан, фламинго, степной орел и черный гриф) – случайные залетные птицы на нашей территории, два (чернозобая гагара и кречет) встречались в первой четверти XX в., указаны лишь на основании литературных источников (Бианки, 1911; Кузнецов, 1925; Ушков,

1927), 8 (скопа, степной лунь, большой подорлик, беркут, филин, малая крачка, серый сорокопут, белая лазоревка) встречаются крайне редко (единичные встречи), а 3 (сапсан, большой кроншнеп и кулик-сорока) – значительно чаще, их мы отмечали неоднократно. Из видов региональной Красной книги краснозобая гагара впервые отмечена на р. Сылве 31 июля 2010 г. (Наумкин, Старова, 2011), золотистая ржанка изредка встречается на пролете (Лапушкин, Казаков, 2000), большая выпь, дербник, кобчик, средний кроншнеп, серая и бородатая неясыть отмечены нами лишь 1-2 раза, лебедь-кликун, болотный лунь и воробьиный сычик – неоднократно (таблица 26). Серая куропатка переживает депрессию численности, ястребиная сова встречается в Кунгурской лесостепи редко и случайно, указана лишь по литературным данным (Шепель, 1992).

Кроме того, на территории Кунгурской лесостепи встречаются виды, включенные в списки уязвимых на территории России – перепел, коростель, поручейник. Помимо них, редкими на территории всей Европы признаны красношейная поганка, малая выпь, осоед, черный коршун, болотный, полевой и луговой луни, глухарь, погоныш, серый журавль, турухтан, большой веретенник, фифи, мородунка, речная крачка, черная крачка, белокрылая крачка, мохноногий сыч, длиннохвостая неясыть, болотная сова, козодой, золотистая щурка, зимородок, седой, белоспинный и трехпалый дятлы, желна, варакушка, малая мухоловка, сорокопут-жулан, садовая овсянка.

Таблица 26 – Птицы Кунгурской лесостепи, занесенные в Красные книги России и Пермского края

Вид	Красная книга РФ	Красная книга Пермского края	На территории Кунгурской лесостепи
Краснозобая гагара	-	III	Случайный залетный
Чернозобая гагара	II	-	Исчезла
Большая выпь	-	III	Редкий гнездящийся
Пеликан (кудрявый?)	?	-	Случайный залетный
Розовый фламинго	III	-	Случайный залетный
Лебедь-кликун	-	I	Редкий пролетный
Скопа	III	-	Редкий вид
Степной лунь	II	-	Редкий гнездящийся
Болотный лунь	-	III	Редкий гнездящийся
Большой подорлик	II	-	Редкий вид
Беркут	III	-	Редкий вид
Степной орел	III	-	Случайный залетный
Черный гриф	III	-	Случайный залетный
Кречет	II	-	Случайный залетный
Сапсан	II	-	Обычный гнездящийся
Дербник	-	II	Редкий вид
Кобчик	-	II	Редкий вид
Серая куропатка	-	III	Редкий гнездящийся
Золотистая ржанка	-	III	Редкий пролетный
Кулик-сорока	III	-	Обычный гнездящийся
Большой кроншнеп	II	-	Редкий гнездящийся (?)
Средний кроншнеп	-	III	Редкий пролетный
Малая крачка	II	-	Редкий вид
Филин	II	-	Редкий гнездящийся (?)
Воробьиный сычик	-	III	Редкий гнездящийся
Ястребиная сова	-	III	Редкий кочующий
Серая неясыть	-	III	Редкий гнездящийся
Бородатая неясыть	-	III	Редкий гнездящийся (?)
Серый сорокопут	III	-	Редкий гнездящийся
Белая лазоревка	IV	-	Редкий кочующий

Как видно из материалов, изложенных в соответствующей главе, большинство из них (красношейная поганка, осоед, черный коршун, полевой лунь, глухарь, погоныш, коростель, речная крачка, желна, садовая овсянка) вполне обычны или многочисленны, другие редки (большой веретенник, фифи, мородунка, черная крачка), численность третьих сокращается (болотный лунь, перепел, дупель, серый журавль, белокрылая крачка, болотная сова).

Некоторые виды имеют низкую, но стабильную численность (Шепель и др., 1995): луговой лунь, козодой, седой, белоспинный и трехпалый дятлы, мохноногий сыч, длиннохвостая неясыть. Наконец, золотистая щурка – редкий гнездящийся, а зимородок – редкий залет-

ный, либо, возможно, гнездящийся вид Кунгурской лесостепи. Необходимо отметить, что статус и состояние многих видов в районах Кунгурской лесостепи, как и в крае в целом, весьма неопределенны, и нуждаются в дальнейшем уточнении (Шепель и др., 1995; 1997).

Распределение охраняемых видов птиц по территории Кунгурской лесостепи отличается неравномерностью. Большая часть включенных в таблицу 26 видов встречена в северных районах, в долине р. Сылвы и Сылвенском заливе водохранилища. Это, в первую очередь, околоводные птицы. Крупные дневные хищники в основном отмечались здесь же. Такие хищники, как сапсан и филин, территориально связаны с береговыми обнажениями рек Сылвы и Ирени. В целом встречи охраняемых видов во многом зависят от интенсивности полевых орнитологических исследований на территории. В этом отношении наименее исследован Октябрьский административный район.

Охраняемые природные территории и их значение для охраны птиц

На территории Кунгурской островной лесостепи представлены особо охраняемые природные территории (ООПТ) следующих категорий: комплексный (ландшафтный) заказник; биологические (охотничьи) заказники; ландшафтные памятники природы; геологические памятники природы; ботанические памятники природы; зоологические микрозаказники; историко-природные комплексы. Их распределение по административным районам очень неравномерно; число и общая площадь ООПТ уменьшаются от северных районов (Кунгурского и Кишертского) к южным (Уинскому и Октябрьскому). К тому же большинство крупных охотничьих заказников (Белогорский, Кишертский, Суксунский, Уинский и Октябрьский) расположены за пределами Кунгурской островной лесостепи и не включены нами в общую площадь остальных ООПТ, которая равна 162,8 км² (по данным реестра «Особо охраняемые природные территории Пермской области»

(2002). Это составляет примерно 2,3% от общей территории Кунгурской лесостепи, и почти в два раза меньше, чем общая площадь расположенных в ее пределах населенных пунктов (см. таблицу 1).

В заказниках, где охота запрещена, под охраной находится фактически вся орнитофауна. В заказнике «Предуралье», отличающемся повышенной лесистостью, охраняются лесные виды (в том числе воробьиный сычик, неясыти) и гнездящийся на рифовых скалах сапсан. Здесь отмечены и другие редкие виды (большой подорлик, кобчик, кулик-сорока, серый сорокопут). В Вяткинском заказнике, помимо водоплавающих и околоводных видов, охраняются сапсан и болотный лунь. Этот заказник остается потенциальным местом гнездования серого журавля. В заказнике «Сылвенский», несмотря на отсутствие крупных лесных массивов, отмечено пребывание сапсана, филина и бородатой неясыти. Поскольку заказники имеют (по крайней мере, имели еще недавно) собственный штат охраны, на их территориях осуществляются и некоторые биотехнические мероприятия, направленные на увеличение численности гнездящихся птиц (развеска дуплянок-гоголятников, устройство порхалищ для куриных птиц и др.). На территории заказника «Предуралье» много лет ведутся работы по привлечению дуплогнездников в искусственные гнездовья.

Все остальные категории ООПТ, перечисленные выше, не имеют реальной охраны, поэтому их вклад в сохранение биоразнообразия и отдельных видов птиц невелик. В этом случае уровень биоразнообразия и успех гнездования птиц определяются в первую очередь особенностями месторасположения ООПТ (удаленность от населенных пунктов, интенсивность хозяйственной деятельности) и защитными свойствами имеющихся биотопов. Гнездование филина в прошлом было отмечено на Кленовой горе (Кишертский район) и Подкаменной горе (Кунгурский район). Сапсан отмечен в пределах многих памятников природы и историко-природных комплексов: Белый камень и

Лобач (Кишертский район), в окр. Закурьюинской пещеры и на Подкаменной горе (Кунгурский район). Организованные в Кунгурском, Кишертском, Ординском и Уинском районах орнитологические микрозаказники для охраны мест гнездования филина и беркута не смогли предотвратить исчезновение гнездовых пар этих видов, к тому же они были очень незначительны по площади.

Организация заповедников и национальных парков в пределах Кунгурской лесостепи всегда наталкивалась на непреодолимые трудности. Ни один из выдвигавшихся в прошлом проектов такого рода не воплощен в жизнь. Не останавливаясь подробно на истории безуспешных попыток заповедать последние уцелевшие лесостепные фрагменты в пределах Кунгурской лесостепи (Пономарев, Данилова, 1960; Акимов и др., 1999; Наумкин и др., 2004; Стенно, 2006; и др.), отметим, что все усилия заинтересованных организаций должны, на наш взгляд, направляться на реализацию уже выдвигавшихся предложений и принятых ранее решений по организации ООПТ высокого статуса. В настоящее время приоритетным направлением развития системы ООПТ Пермского края является создание природного парка кластерной конфигурации (Бузмаков, 2011).

В рамках этого проекта вполне возможна организация Сылвенского участка парка. Организационные и исследовательские работы велись здесь с начала 1990-х гг. Помимо лесостепных территорий, в состав парка планировалось включить пойменные угодья речной долины и верховьев Сылвенского залива. Позднее они вошли в списки ключевых орнитологических территорий Пермской области (Шепель и др., 2000). Статус парка является в данном случае оптимальным, поскольку долина нижнего течения р. Сылвы обладает высоким рекреационным потенциалом, здесь всегда много отдыхающих, а мало измененные лесостепные и заболоченные биотопы занимают незначительную площадь, которую относительно легко контролировать и охра-

нять. Из числа «краснокнижных» птиц федерального и краевого статуса (таблица 26) здесь отмечены большая выпь и лебедь-кликун, скопа, болотный лунь, беркут и сапсан, серая куропатка, кулик-сорока, большой и средний кроншнепы, филин, бородатая неясыть и серый сорокопут. Это значительно больше, чем в любом из существующих по соседству охотничьих заказников, созданных в первую очередь для охраны и воспроизводства охотничье-промысловых видов зверей и птиц.

Кроме того, в южной части Кунгурской лесостепи, на границе Октябрьского и Уинского административных районов, еще в 1980-е гг. С.И. Шилова (1983) предлагала организовать лесостепной заповедник. Ею были предложены охраняемые территории в окрестностях сел Бикбай и Енапаево на р. Ирени, в районе с. Богородск, деревень Мосино, Харино и Тюш. Именно здесь были сосредоточены хорошо сохранившиеся лесостепные и неморально-лесные сообщества. Несмотря на высокую хозяйственную освоенность, эти территории (при условии присоединения участков в Уинском районе в окр. д. Барсаи и с. Воскресенск) – единственная, буквально последняя возможность сохранить облик Кунгурской лесостепи для будущего. Рекреационный фактор здесь пока не столь значителен, как на берегах р. Сылвы, поэтому режим полного заповедания вполне уместен, при этом возможно включение этих участков в качестве заповедных зон в состав того же парка, при условии его кластерной организации. Орнитологическая изученность этого района остается недостаточной. Известно, что здесь обитал филин, гнездится сапсан, встречаются кулик-сорока и средний кроншнеп. Вполне возможны находки и других «краснокнижных», а также новых для Пермского края птиц, в том числе степного происхождения. В любом случае, заповедный статус положительно отразится как на составе орнитофауны, так и на сохранении гнездовых биотопов «краснокнижных» видов (сапсана и филина), в качестве ко-

торых они используют в первую очередь остепненные склоны с сосняками и выходами коренных пород.

ВЫВОДЫ

1. В пределах Кунгурской лесостепи Пермского края выявлено 227 видов птиц (больше, чем в северных, преимущественно таежных, регионах края). Преобладают гнездящиеся перелетные (125) и оседлые (34) виды, к последним по значению близки пролетные (24).

2. Наиболее разнообразно представлены экологические группы птиц околородных и лесных местообитаний. В населении лесных биотопов во все годы наблюдений стабильно доминировали зяблик, пеночка-весничка и зеленая пеночка, составляющие более 50% общего обилия птиц.

3. Максимальные значения плотности населения птиц зафиксированы в сосняках (382 особи на 1 км²), сосновых посадках (356 особи на 1 км²) и пойменных ивняках и ольшаниках (350 особей на 1 км²). В открытых биотопах сопоставимые показатели отмечены в естественных луговых стациях – остепненных и пойменных лугах (380 и 292 особи на 1 км²).

4. Орнитофауна Кунгурской лесостепи по различным параметрам структуры населения в основном представлена европейским фауногенетическим типом смешанных и широколиственных лесов. Характерной особенностью орнитофауны является большое количество южных залетных видов, большинство из которых в Прикамье были отмечены только здесь.

5. В настоящее время южные по происхождению виды активно осваивают территорию Кунгурской лесостепи, это обусловлено общим характером долговременной цикличности климата. В будущем эта тенденция будет, вероятно, усиливаться, в соответствии с прогнозируемыми макроклиматическими изменениями в сторону потепления и аридизации.

6. Оптимальной формой сохранения видового разнообразия орнитофауны и отдельных видов птиц должен стать природный парк, организация которого позволит обеспечить реальную охрану всей лесостепной биоты в бассейне р. Сылвы.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ РУССКИХ НАЗВАНИЙ ПТИЦ

Вид	Стр.	Вид	Стр.
Б		Обыкновенный дубонос	
Бекас		Обыкновенный жулан	
Белая сова		Обыкновенный козодой	
Белая трясогузка		Обыкновенный поползень	
Белый аист		Обыкновенный ремез	
Белобровик		Обыкновенный сверчок	
Белокрылая крачка		Обыкновенный скворец	
Белокрылый клёт		Обыкновенный снегирь	
Белолобый гусь		Обыкновенный соловей	
Белоспинный дятел		Овсянка-ремез	
Белохвостый песочник		Озёрная чайка	
Береговушка		Оляпка	
Беркут		Ополовник	
Болотная сова		Орлан-белохвост	
Болотная камышевка		Осоед	
Болотный лунь		П	
Большая выпь		Певчий дрозд	
Большая синица		Пеликан	
Большой веретенник		Пеночка-весничка	
Большой кроншнеп		Пеночка-теньковка	
Большой пёстрый дятел		Пеночка-трещотка	
Большой подорлик		Пепельная чечётка	
В		Перевозчик	
Вертишейка		Перепел	
Вертявая камышевка		Перепелятник	
Водяной пастушок		Пёстрый дрозд	
Волчок		Плосконосый плавунчик	
Воробьиный сычик		Погоньш	
Ворон		Погоньш-крошка	
Воронок		Полевой воробей	
Вяхирь		Полевой жаворонок	
Г		Полевой лунь	
Галка		Поручейник	
Галстучник		Просянка	
Глухарь		Пуночка	
Глухая кукушка		Пухляк	
Гоголь		Р	
Горная трясогузка		Речная крачка	
Грач		Речной сверчок	
Гуменник		Рогатый жаворонок	
Д		Рыжая цапля	
Деревенская ласточка		Рябинник	

Деряба
Длиннохвостая неясыть
Домовый воробей
Дроздовидная камышевка
Дубровник
Дупель
Ж
Желна
Жёлтая трясогузка
Желтоголовая трясогузка
Желтоголовый королёк
Желтолобая трясогузка
З
Зарянка
Зелёная пеночка
Зелёная пересмешка
Зелёный дятел
Зимняк
Зимородок
Золотистая ржанка
Золотистая щурка
Зяблик
И
Индийская камышевка
К
Камышовая овсянка
Камышевка-барсучок
Камышница
Канюк
Кедровка
Клёст-еловик
Клёст-сосновик
Клинтух
Князёк
Кобчик
Коноплянка
Коростель
Крапивник
Красноголовый нырок
Краснозобая гагара
Краснозобая казарка
Краснозобый конёк
Красношейная поганка
Кречет
Круглоносый плавунчик

Рябчик
С
Садовая камышевка
Садовая славка
Садовая овсянка
Сапсан
Свиристель
Связь
Северная бормотушка
Седой дятел
Серая ворона
Серая куропатка
Серая мухоловка
Серая неясыть
Серая славка
Серая утка
Серая цапля
Сероголовая гаичка
Серощёкая поганка
Серый гусь
Серый журавль
Серый снегирь
Серый сорокопуд
Сизая чайка
Сизый голубь
Скопа
Славка-мельничек
Славка-черноголовка
Сойка
Сорока
Сплюшка
Средний кроншнеп
Степная тиркушка
Степной лунь
Степной орёл
Т
Тетерев
Тетеревятник
Тонкоклювая кайра
Травник
Трёхпалый дятел
Тулес
Турухтан

Кряква

Кукша

Кулик-воробей

Кулик-сорока

Л

Лазоревка

Лапландский подорожник

Лебедь-кликун

Лебедь-шипун

Лесная завирушка

Лесной жаворонок

Лесной конёк

Луговой конёк

Луговой лунь

Луговой чекан

Луток

Лысуха

М

Малая крачка

Малая мухоловка

Малая чайка

Малый зуёк

Малый пёстрый дятел

Могильник

Морская чернеть

Мородунка

Московка

Мохноногий сыч

Мухоловка-пеструшка

О

Обыкновенная горихвостка

Обыкновенная горлица

Обыкновенная зеленушка

Обыкновенная иволга

Обыкновенная каменка

Обыкновенная кукушка

Обыкновенная овсянка

Обыкновенная пищуха

Обыкновенная пустельга

Обыкновенная чечётка

У

Удод

Урагус

Ушастая сова

Ф

Филин

Фифи

Х

Халей

Хохлатая синица

Хохлатая чернеть

Хохлатый жаворонок

Хохотунья

Ч

Чеглок

Чернолобый сорокопут

Черноголовый чекан

Черноголовый щегол

Черныш

Чечевица

Чёрная крачка

Чёрный аист

Чёрный гриф

Чёрный дрозд

Чёрный стриж

Чибис

Чирок-свистунок

Чирок-трескунок

Чомга

Ш

Шилохвость

Широконоска

Щ

Щёголь

Щур

Ю

Юрок

Я

Ястребиная славка

Ястребиная сова

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛАТИНСКИХ НАЗВАНИЙ ПТИЦ

Вид	Стр.	Вид	Стр.
А		<i>Lanius excubitor</i>	
<i>Acanthis cannabina</i>		<i>Lanius minor</i>	
<i>Acanthis flammea</i>		<i>Larus cachinnans</i>	
<i>Acanthis hornemanni</i>		<i>Larus canus</i>	
<i>Accipiter gentilis</i>		<i>Larus heuglini</i>	
<i>Accipiter nisus</i>		<i>Larus minutus</i>	
<i>Acrocephalus paludicola</i>		<i>Larus ridibundus</i>	
<i>Acrocephalus schoenobaenus</i>		<i>Limosa limosa</i>	
<i>Acrocephalus dumetorum</i>		<i>Locustella fluviatilis</i>	
<i>Acrocephalus palustris</i>		<i>Locustella naevia</i>	
<i>Acrocephalus arundinaceus</i>		<i>Loxia curvirostra</i>	
<i>Actitis hypoleucos</i>		<i>Loxia leucoptera</i>	
<i>Aegithalos caudatus</i>		<i>Loxia pytyopsittacus</i>	
<i>Aegolius funereus</i>		<i>Lullula arborea</i>	
<i>Aegypius monachus</i>		<i>Luscinia luscinia</i>	
<i>Alauda arvensis</i>		<i>Luscinia svecica</i>	
<i>Alcedo atthis</i>		<i>Lyrurus tetrix</i>	
<i>Anas acuta</i>		М	
<i>Anas clypeata</i>		<i>Mergellus albellus</i>	
<i>Anas crecca</i>		<i>Merops apiaster</i>	
<i>Anas penelope</i>		<i>Miliaria calandra</i>	
<i>Anas platyrhynchos</i>		<i>Milvus migrans</i>	
<i>Anas querquedula</i>		<i>Motacilla alba</i>	
<i>Anas strepera</i>		<i>Motacilla cinerea</i>	
<i>Anser albifrons</i>		<i>Motacilla citreola</i>	
<i>Anser anser</i>		<i>Motacilla flava</i>	
<i>Anser fabalis</i>		<i>Motacilla lutea</i>	
<i>Anthus trivialis</i>		<i>Muscicapa striata</i>	
<i>Anthus cervinus</i>		Н	
<i>Anthus pratensis</i>		<i>Nucifraga caryocatactes</i>	
<i>Apus apus</i>		<i>Numenius arquata</i>	
<i>Aquila chrysaetos</i>		<i>Numenius phaeopus</i>	
<i>Aquila clanga</i>		<i>Nyctea scandiaca</i>	
<i>Aquila heliaca</i>		О	
<i>Aquila nipalensis</i>		<i>Ocyris aureolus</i>	
<i>Ardea cinerea</i>		<i>Ocyris rusticus</i>	
<i>Ardea purpurea</i>		<i>Oenanthe oenanthe</i>	
<i>Asio flammeus</i>		<i>Oriolus oriolus</i>	
<i>Asio otus</i>		<i>Otus scops</i>	
<i>Aythya ferina</i>		Р	
<i>Aythya fuligula</i>		<i>Pandion haliaetus</i>	
<i>Aythya marila</i>		<i>Parus ater</i>	

B*Bombycilla garrulus**Botaurus stellaris**Bubo bubo**Bucephala clangula**Buteo buteo**Buteo lagopus***C***Calcarius lapponicus**Calidris minuta**Calidris temminckii**Caprimulgus europaeus**Carduelis carduelis**Carpodacus erythrinus**Certhia familiaris**Charadrius dubius**Charadrius hiaticula**Chlidonias leucopterus**Chlidonias niger**Chloris chloris**Ciconia ciconia**Ciconia nigra**Cinclus cinclus**Circus aeruginosus**Circus cyaneus**Circus macrourus**Circus pygargus**Coccothraustes coccothraustes**Columba livia**Columba oenas**Columba palumbus**Corvus corax**Corvus cornix**Corvus frugilegus**Corvus monedula**Coturnix coturnix**Crex crex**Cuculus canorus**Cuculus optatus**Cygnus cygnus**Cygnus olor***D***Delichon urbica**Dendrocopos leucotos**Dendrocopos major**Parus caeruleus**Parus cinctus**Parus cristatus**Parus cyanus**Parus major**Parus montanus**Passer domesticus**Passer montanus**Pelecanus sp.**Perdix perdix**Perisoreus infaustus**Pernis apivorus**Phalaropus fulicarius**Phalaropus lobatus**Philomachus pugnax**Phoenicurus phoenicurus**Phylloscopus collybita**Phylloscopus sibilatrix**Phylloscopus trochiloides**Phylloscopus trochilus**Pica pica**Picoides tridactylus**Picus canus**Picus viridis**Pinicola enucleator**Plectrophenax nivalis**Pluvialis apricaria**Pluvialis squatarola**Podiceps auritus**Podiceps cristatus**Podiceps grisegena**Podiceps nigricollis**Porzana porzana**Porzana pusilla**Prunella modularis**Pyrrhula cineraceae**Pyrrhula pyrrhula***R***Rallus aquaticus**Regulus regulus**Remiz pendulinus**Riparia riparia**Rufibrenta ruficollis***S***Saxicola rubetra*

Dendrocopos minor

Dryocopus martius

E

Emberiza citrinella

Emberiza hortulana

Emberiza leucocephala

Eremophila alpestris

Erithacus rubecula

F

Falco columbarius

Falco peregrinus

Falco rusticolus

Falco subbuteo

Falco tinnunculus

Falco vespertinus

Ficedula hypoleuca

Ficedula parva

Fringilla coelebs

Fringilla montifringilla

Fulica atra

G

Galerida cristata

Gallinago gallinago

Gallinago media

Gallinula chloropus

Garrulus glandarius

Gavia arctica

Gavia stellata

Glareola nordmanni

Glaucidium passerinum

Grus grus

H

Haematopus ostralegus

Haliaeetus albicilla

Hippolais caligata

Hippolais icterina

Hirundo rustica

I

Ixobrychus minutus

J

Jynx torquilla

L

Lanius collurio

Saxicola torquata

Scolopax rusticola

Schoeniclus schoeniclus

Sitta europaea

Spinus spinus

Sterna albifrons

Sterna hirundo

Streptopelia turtur

Strix aluco

Strix nebulosa

Strix uralensis

Sturnus vulgaris

Surnia ulula

Sylvia atricapilla

Sylvia borin

Sylvia communis

Sylvia curruca

Sylvia nisoria

T

Tetrao urogallus

Tetrastes bonasia

Tringa erythropus

Tringa glareola

Tringa nebularia

Tringa ochropus

Tringa stagnatilis

Tringa totanus

Troglodytes troglodytes

Turdus iliacus

Turdus merula

Turdus philomelos

Turdus pilaris

Turdus viscivorus

U

Upupa epops

Uragus sibiricus

Uria aalge

V

Vanellus vanellus

X

Xenus cinereus

Z

Zoothera varia

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимов В.А. Общая характеристика животного мира территории национального парка «Сылвенский» и района его расположения // География и регион. V. Биогеография и биоразнообразии Прикамья. Пермь: ПГУ, 2002. С. 27-36.
2. Акимов В.А., Афанасьева Л.И., Воронов Г.А., Стенно С.П. История изучения территории и современное состояние вопроса об организации национального парка «Сылвенский» // Роль музея в жизни провинциального города. Историко-культурное наследие и природный комплекс Кунгурского края. Кунгур, 1999. С. 16-24.
3. Амеличев В.Н. Численность и распределение видового состава гнездящихся птиц Магнитогорска по местообитаниям // Экология птиц Волжско-Уральского региона. Свердловск: УрО АН СССР, 1988. С. 6-9.
4. Ананьин Б.Д. Об изменениях в пролете птиц Предуралья в связи с образованием водохранилища на Каме // Зап. Перм. отдела географич. о-ва. Вып. 1. Пермь, 1960. С. 115-127.
5. Ананьин Б.Д. Редкие и исчезающие птицы Пермской области // Беречь природу Прикамья. Пермь, 1971. Вып. 2. С. 79-83.
6. Ангальт В.З. Семейство жаворонковые // Животный мир Прикамья. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1989. С. 94-95.
7. Белковская Т.П. О некоторых редких травяных сообществах Пермской области и их охране // Рациональное использование и охрана лугов Урала. Пермь, 1984. С. 75-85.
8. Бианки В.Л. Список птиц Прикамья (Предварительный список птиц Пермской губернии) // Путеводитель по реке Каме и по реке Вишере с Колвой. Пермь, 1911. С. 68-72.
9. Блинова Т.К., Блинов В.Н. Птицы Южного Зауралья: лесостепь и степь. Т. 1. Фаунистический обзор и охрана птиц. Новосибирск: Наука, 1997. 296 с.
10. Болотников А.М., Еремченко М.И. Гусеобразные // Животный мир Прикамья. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1989. С. 44-51.
11. Болотников А.М., Еремченко М.И., Габдулин Ш.Г. Дестабилизация и формирование авифауны в Камском Предуралье // Отражение достижений орнитологической науки в учебном процессе средних школ и ВУЗов и народном хозяйстве. Пермь, 1984. С. 7-8.
12. Болотников А.М., Каменский Ю.Н. Чайковые птицы в Уральском Прикамье // Экология птиц Волжско-Уральского региона. Свердловск: УрО АН СССР, 1988. С. 14-16.
13. Болотников А.М., Каменский Ю.Н., Петров Б.Г. Ржанкообразные // Животный мир Прикамья. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1989. С. 68-80.

14. Болотников А.М., Фуфаев А.А. К фенологии гнездовой жизни некоторых воробьиных птиц юга Камского Предуралья // Уч. зап. Перм. пед. ун-та. Пермь, 1974. С. 6-9.
15. Бояршинов В.Д., Шураков С.А., Семянников Г.В. Список птиц заповедника «Басеги» // Распространение и фауна птиц Урала. Екатеринбург: УрО АН СССР, 1989. С. 24-26.
16. Брауде М.И. К характеристике орнитофауны города Ижевска и анализ причин гибели птиц в условиях современного города // Птицы и урбанизированный ландшафт. Каунас, 1984. С. 39-40.
17. Будыко М.И. Климат в прошлом и будущем. Л.: Гидрометеоиздат, 1980. 350 с.
18. Бузмаков С.А. Сохранение биоразнообразия на территории нефтяных месторождений // География и регион. V. Биогеография и биоразнообразии Прикамья. Пермь: ПГУ, 2002. С. 50-54.
19. Бузмаков С.А. Современное состояние и перспективы развития особо охраняемых природных территорий Пермского края // Особо охраняемые природные территории в жизни региона. Пермь, 2011. С. 209-214.
20. Бузмаков С.А., Еремченко О.З., Каменщикова В.И., Кувшинская Л.В., Кулакова С.А. К созданию Красной книги почв Пермского края // Антропогенная динамика природной среды. Т. 1. Пермь: изд. Богатырев П.Г., 2006. С. 229-233.
21. Бурылова А.М. О видовом составе и численности нападения мокрецов на птиц, гнездящихся в укрытии // Биогеография и краеведение. Пермь, 1977. С. 5-10.
22. Бурылова А.М., Бояршинов В.Д., Наместников О.Ю., Гольд Т.А. Видовой состав мокрецов, нападающих на птиц в пойме реки Сылвы // Гнездовая жизнь птиц. Пермь, 1975. С. 93-99.
23. Бутьев В.Т. Структура населения птиц южной тайги (на примере Вологодской области) // Совр. проблемы зоологии и совершенствование методики ее преподавания в вузе и школе. Пермь, 1976. С. 204-207.
24. Быков Д.А. Зимнее питание воробьиного сыча на территории заказника «Предуралье» // Грибушинские чтения – 2004. Кунгур, 2004. С. 237.
25. Валуев В.А. К авифауне лесостепи Предуралья Башкирии // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Екатеринбург: Академкинга, 2002. С. 69-71.
26. Валуев В.А. К распространению черноголового чекана в Башкирии // Там же. Екатеринбург: УрГУ, 2005. С. 43-45.
27. Валуев В.А., Валуев К.В. К редким видам птиц Башкирии // Там же. Екатеринбург: УрГУ, 2003. С. 73-74.
28. Варущенко С.И., Варущенко А.Н., Клиге Р.К. Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремени. М.: Наука, 1987. 239 с.

29. Волегова Л.В., Шепель А.И. Некоторые данные о гнездовании птиц-дуплогнездников в искусственных гнездовьях заказника «Предуралье» // Гнездовая жизнь птиц. Пермь, 1980. С. 65-66.
30. Волчанецкий И.Б. К орнитофауне Зауралья // Записки УОЛЕ. Т. XL. Вып. 2. Свердловск, 1927. С. 12-48.
31. Воронецкий В.И., Тишечкин А.К., Демянчик В.Т. Методы учета сов // Методы изучения и охраны хищных птиц (методические рекомендации). М., 1990. С. 23-36.
32. Воронин Ю.К. Некоторые фаунистические и экологические особенности гамазоидных клещей, обитающих в гнездах грачей // Фауна и экология насекомых. Пермь, 1981. С. 98-104.
33. Воронов А.Г. Животный мир заповедника «Предуралье» // Кунгурский заповедник «Предуралье». Молотов, 1950. С. 50-63.
34. Воронов Г.А. География мелких млекопитающих южной тайги Приуралья, Средней Сибири и Дальнего Востока (антропогенная динамика фауны и населения). Пермь: ПГУ, 1993. 223 с.
35. Воронов Г.А., Мычелкин В.С. Млекопитающие // На Западном Урале. Пермь, 1974. Вып. 6. С. 157-171.
36. Воронцов Е.М. Птицы Камского Приуралья. Горький, 1949. 114 с.
37. Галушин В.М. Численность и территориальное распределение хищных птиц Европейского центра СССР // Тр. Окского гос. заповедника. М.: Лесная промышленность, 1971. Вып. 8. С. 5-127.
38. Галушин В.М., Белик В.П., Зубакин В.А. Реакции птиц на современные социально-экономические преобразования в Северной Евразии // Достижения и проблемы орнитологии Северной Евразии на рубеже веков: Тр. Междунар. конф. «Актуальные проблемы изучения и охраны птиц Восточной Европы и Северной Азии». Казань, 2001. С. 429-449.
39. Генкель А.А. Торфяники воронок кунгурского карста // Землеведение. Т. IV. М.: МОИП, 1957. С. 81-98.
40. Генкель А.А. Болота Пермской области // Биогеография и краеведение. Т. 131. Пермь, 1974. Вып. 2. С. 4-85.
41. Герасимов Д.А. Геоботаническое исследование торфяных болот Среднего Урала // Торфяное дело, 1926. Вып. 3. С. 6-21.
42. Герасимов Д.А. Торф, его происхождение, залегание и распространение. М.-Л.: Горное изд-во, 1932. 145 с.
43. Голованова Э.Н. Биологические предпосылки синантропизации некоторых видов птиц сельскохозяйственных угодий // Синантропизация и domestикация животного населения. М., 1969. С. 23-25.
44. Голованова Э.Н. Птицы над полями. Л.: Гидрометиздат, 1989. 232 с.
45. Горбунов А.Г. Город Кунгур и Кунгурский уезд в 1781 году // Кунгурско-Красноуфимский край. Кунгур, 1925. № 11-12. С. 14-21.

46. Горбунова К.А. Особенности гипсового карста. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1965. 119 с.
47. Горбунова К.А., Андрейчук В.Н., Костарев В.П., Максимович Н.Г. Карст и пещеры Пермской области. Пермь: ПГУ, 1992. С. 45-102.
48. Горбунова К.А., Бутырина К.Г., Ященко Р.В. Химическая география озерных вод и льда // Химическая география и гидрогеохимия Пермской области. Пермь, 1967. С. 62-64.
49. Гордиенко Н.С. Очерк экологии поганок Северного Казахстана // Орнитология. М., 1981. Вып. 16. С. 33-41.
50. Гордиенко Н.С. К распространению редких видов водно-болотных птиц Южного Зауралья // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. С. 15-16.
51. Гордиенко Н.С. Водоплавающие птицы Южного Зауралья. Миасс: ИГЗ УрО РАН, 2001. 100 с.
52. Гордиенко Н.С. Новые материалы по фауне и распространению птиц в Челябинской области // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Екатеринбург: Академкнига, 2002. С. 104-108.
53. Горчаковский П.Л. История развития растительности Урала. Свердловск: областное гос. изд-во, 1949. 99 с.
54. Горчаковский П.Л. История растительности Урала в плейстоцене и голоцене в свете изучения реликтовых элементов флоры // Тез. докл. Всесоюз. ботанич. о-ва. 1957. Вып. 3. С. 11-14.
55. Горчаковский П.Л., Ромахина Н.П. Северные форпосты степной растительности на предгорьях Урала (в пределах Красноуфимской лесостепи) // Уч. зап. Свердл. отд. Всесоюз. ботанич. о-ва. 1966. Вып. 4. С. 37-52.
56. Гынгазов А.М., Миловидов С.П. Орнитофауна Западно-Сибирской равнины. Томск: ТГУ, 1977. 352 с.
57. Давыгора А.В. Заметки по авифауне степного Зауралья // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Екатеринбург: УрО РАН, 1998. С. 55-63.
58. Давыгора А.В. Орнитологическая фауна Оренбургской области. Оренбург: ОГПУ, 2000. 84 с.
59. Данилова М.М. Леса южных районов Молотовской области // Уч. зап. Перм. ун-та. 1955. Т. 7. № 3. С. 159-170.
60. Данилова М.М. Геоботанические районы Пермской области // Доклады IV Всеуральского совещания по физико-географическому и экономико-географическому районированию Урала. Пермь, 1958. Вып. 1. С. 1-5.
61. Данилов Н.Н. Изменения в фауне птиц Среднего Урала за последнее столетие // Тр. Уральского отд. МОИП. Свердловск, 1959. Вып. 2. С. 93-97.

62. Данилов Н.Н. Орнитогеографическое районирование Урала // Зап. Уральск. фил. Географич. о-ва СССР. Свердловск, 1960а. Вып. 1(3). С. 123-132.
63. Данилов Н.Н. Орнитофауна Среднего Урала и история ее формирования // Тр. проблемных и тематических совещаний. Вып. IX. Первая Всесоюз. орнитол. конф., посв. памяти академика М.А. Мензбира. М.: АН СССР, 1960б. С. 73-80.
64. Данилов Н.Н. Птицы Среднего и Северного Урала // Тр. Уральск. отд. МОИП. Ч. 1. Вып. 3. Свердловск, 1969. С. 5-123.
65. Данилов Н.Н. Состояние орнитологических исследований на Урале // Отражение достижений орнитологической науки в учебном процессе средних школ и ВУЗов и народном хозяйстве. Пермь, 1984. С. 4-5.
66. Данилов Н.Н., Рыжановский В.Н., Рябицев В.К. Птицы Ямала. М.: Наука, 1984. 332 с.
67. Дементьев Г.П., Гладков Н.А. Инструкция по изучению фауны птиц в заповедниках // Среди природы. Вып. 3: Что и как наблюдать в жизни птиц. М.: МОИП, 1948. С. 97-120.
68. Демидов В.В., Маяков А.А., Шепель А.И. Полевой определитель мелких млекопитающих Прикамья. Пермь: ПГУ, 1985. 39 с.
69. Демидов В.В., Шепель А.И. Определитель пола и возраста мелких млекопитающих Прикамья. Пермь: ПГУ, 1985. 42 с.
70. Демидова М.И. Численность и особенности распространения дневных хищных птиц и сов Пермского Прикамья: Автореф. дис.... канд. биол. наук. Екатеринбург, 1994. 17 с.
71. Демидова М.И. Особенности распределения хищных птиц и сов Пермского Прикамья в связи с характером лесных массивов // Экология и охрана окружающей среды. Пермь, 1995. Ч. 4. С. 15-16.
72. Демидова М.И. О залете белого аиста в Пермскую область // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Екатеринбург, 1997. С. 56.
73. Демидова М.И., Наумкин Д.В. Предварительные данные по орнитофауне проектируемого национального парка «Сылвенский» // Самарская Лука: Бюллетень. Самара, 1996. № 8. С. 334-337.
74. Диковская С.М. Растительность восточной окраины Кунгурской лесостепи // На Западном Урале. Пермь, 1964. Вып. 4. С. 122-132.
75. Диковская С.М. Растительность южных каменистых склонов восточной окраины Кунгурской лесостепи // Уч. зап. Перм. пед. ин-та. 1974. Т. 131. Вып. 2. С. 100-103.
76. Дьяконов Ю.В., Соколова Т.И., Шураков А.И. Ергачинская колония грачей // Памятники природы Пермской области. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1983. С. 95-99.
77. Есюнин С.Л. К вопросу охраны локальных популяций русского тарантула в Пермской области // Проблемы охраны природных ресурсов Южного Урала. Челябинск, 1990. С. 20-21.

78. Еремченко М.И., Возжаев Н.С. Размещение птиц на Камском водохранилище // Животный мир Южного Урала и Северного Прикаспия. Оренбург: ОГУ, 1984. С. 61.

79. Еремченко М.И., Женина Н.В., Морозова Е.А. Утиные в орнитологических комплексах водохранилищ // Экология птиц Волжско-Уральского региона. Свердловск: УрО АН СССР, 1988. С. 36-37.

80. Жуйкова И.А. Палеогеографические обстановки голоцена Вятско-Камского региона в курсе географии Кировской области // Природное наследие и географическое краеведение Прикамья. Пермь: ПГУ, 2000. С. 75-77.

81. Захаров В.Д. Птицы Челябинской области: Препринт. Свердловск, 1989. 75 с.

82. Захаров В.Д. Птицы Южного Урала (видовой состав, распространение, численность). Екатеринбург, Миасс: ИГЗ УрО РАН, 2006. 228 с.

83. Захаров В.Д., Мигун Н.Н. К распространению золотистой щурки в Челябинской области // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Екатеринбург, 2001. С. 85.

84. Зиновьев Е.А., Пушкин Ю.А., Костарев Г.Ф. Рыбы // Животный мир Прикамья. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1989. С. 10-28.

85. Зубцовский Н.Е., семячкин В.Б., Стремоусова Н.А. К экологии и структуре изолированных сообществ птиц аграрного ландшафта // Отражение достижений орнитологической науки в учебном процессе средних школ и вузов и народном хозяйстве. Пермь, 1984. С. 136-137.

86. Зубцовский Н.Е., Матанцев В.А. Компенсаторный репродуктивный эффект в малых сообществах птиц // Экология и охрана окружающей среды. Пермь, 1995. Ч. 4. С. 90-91.

87. Иванов А.И. Орнитофаунистические исследования в СССР // Тр. проблемных и тематических совещаний. Вып. IX. Первая Всесоюз. орнитол. конф., посв. памяти академика М.А. Мензбира. М.: АН СССР, 1960. С. 33-38.

88. Иванов А.И. Каталог птиц СССР. Л.: Наука, 1976. 276 с.

89. Иванов С.А., Погребной И.П. К фауне птиц окрестностей Верхней Салды // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Екатеринбург: Академкнига, 2002. С. 129-131.

90. Измайлов И.В. Многолетние изменения населения птиц в Пенкинском сосновом лесу (Владимирская область) // География и экология наземных позвоночных Нечерноземья. Владимир, 1981. С. 5-21.

91. Измайлов И.В., Сальников Г.М. Фауна и население птиц поймы реки Клязьмы // Совр. проблемы зоологии и совершенствование методики ее преподавания в вузе и школе. Пермь, 1976. С. 256-258.

92. Измайлов И.В., Сербин В.А. Опыт орнитофаунистического анализа Волжско-Окского междуречья // География и экология наземных позвоночных Нечерноземья. Владимир, 1981. С. 22-33.
93. Ильичев В.Д. Некоторые редкие для Башкирии виды птиц и их охрана // Состояние и задачи охраны природы в Башкирии. Уфа, 1960. С. 47-51.
94. Ильичев В.Д. Некоторые вопросы формирования уральской фауны птиц // Орнитология. М.: МГУ, 1962. Вып. 4. С. 135-141.
95. Ильичев В.Д. Многолетняя динамика орнитофауны Южного Урала и региональная стратегия изучения и охраны птиц // Распространение и фауна птиц Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1989. С. 5-6.
96. Ильичев В.Д., Галушин В.М. Птицы как индикатор загрязненности среды ядохимикатами // Биологические методы оценки природной среды. М.: Наука, 1978. С. 159-180.
97. Ильичев В.Д., Фомин В.Е. Орнитофауна и изменение среды (на примере Южно-Уральского региона). М.: Наука, 1988. 248 с.
98. Имбри Дж., Имбри К.П. Тайны ледниковых эпох: полтора века в поисках разгадки. М.: Прогресс, 1988. 264 с.
99. Исаков Ю.А. Учет и прогнозирование численности водоплавающих птиц // Организация и методы учета птиц и вредных грызунов. М.: АН СССР, 1963. С. 36-82.
100. Казаков В.П. Гнездование ястребиной славки и обыкновенного ремеза у города Перми // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Екатеринбург, 1998. С. 93-94.
101. Казаков В.П. Дополнительные сведения по орнитофауне окрестностей Перми // Там же. Екатеринбург, 2001. С. 85-87.
102. Казаков В.П., Лапушкин В.А., Фишер С.В., Шепель А.И. Краткие заметки по орнитофауне Пермской области за 2002-2003 гг. // Там же. Екатеринбург: УрГУ, 2003. С. 108-109.
103. Казаков В.П., Шепель А.И. О гнездовании краснозобой гагары в Пермской области // Там же. Екатеринбург: УрГУ, 2003. С. 110-112.
104. Каменский Ю.Н. Семейство славковые // Животный мир Прикамья. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1989. С. 108-115.
105. Карноухова Н.Г. Определение возраста серых и черных крыс // Экология. 1971. № 2. С. 71-76.
106. Карякин И.В. Конспект фауны птиц Пермской области. Пермь: Изд. Центра полевых исследований Союза охраны животных Урала. 1998. 261 с.
107. Кинд Н.В. Палеоклиматы и природная среда голоцена // История биогеоценозов СССР в голоцене. М.: Наука, 1976. С. 5-14.
108. Кириков С.В. Птицы и млекопитающие в условиях ландшафтов южной оконечности Урала. М.: АН СССР, 1952. 411 с.

109. Кириков С.В. Изменение животного мира в природных зонах СССР (XIII – XIX вв.): степная зона и лесостепь. М.: АН СССР, 1959. 174 с.
110. Кирсберг Л.В. Предварительные материалы по учету ткачиковых птиц в населенных пунктах юго-востока Пермской области // Региональный компонент в преподавании биологии, валеологии и химии. Пермь, 1999. Вып. 1. С. 28-30.
111. Кирсберг Лидия В., Кирсберг Людмила В. К экологии размножения полевого и домового воробьев на юго-востоке Пермской области // Там же. Пермь, 2001. Вып. 2. С. 28-30.
112. Кирсберг Лидия В., Кирсберг Людмила В. Динамика численности и плотность населения ткачиковых птиц в сельских населенных пунктах на юго-востоке Пермской области // Там же. Пермь, 2004. Вып. 3. С. 34-42.
113. Коблик Е.А., Редькин Я.А., Архипов В.Ю. Список птиц Российской Федерации. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. 256 с.
114. Ковязин Н.Я. Лучше использовать и охранять заросли вишни степной и орешника // Охрана природы на Урале. Пермь, 1961. Вып. 2. С. 89-98.
115. Козлова Е.В. К методике изучения истории региональных орнитофаун // Тр. проблемных и тематических совещаний. Вып. IX. Первая Всесоюз. орнитол. конф., посв. памяти академика М.А. Мензбира. М.: АН СССР, 1960. С. 56-60.
116. Козьминых О.В., Козырев С.Л., Есюнин С.Л., Гридина Т.И. Жужелицы (Coleoptera, Carabidae) заповедных и охраняемых территорий Пермской области: библиографический и краткий фаунистический обзоры // Охраняемые природные территории. Проблемы выявления, исследования, организации систем. Пермь: ПГУ, 1994. Ч. 2. С. 63-64.
117. Колбин В.А. Птицы заповедника «Вишерский» // Заповедник «Вишерский»: итоги и перспективы исследований (15 лет с основания). Пермь: ПГУ, 2006. С. 105-115.
118. Коломыц Э.Г. Прогноз влияния глобальных изменений климата на зональные экосистемы Волжского бассейна // Экология. 2006. № 6. С. 429-439.
119. Константинов В.М. Синантропизация птиц и значение синантропных популяций // Отражение достижений орнитологической науки в учебном процессе средних школ и вузов и народном хозяйстве. Пермь, 1984. С. 10-12.
120. Коровин В.А. Материалы к распространению птиц на Среднем и Южном Урале // Распространение и фауна птиц Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1989. С. 49-50.

121. Коровин В.А. Особенности экологии могильника и проблема его сохранения в степном Зауралье // Вопросы орнитологии. Барнаул, 1995. С.50-52.
122. Коровин В.А. Птицы южной оконечности Челябинской области // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Екатеринбург: УрО РАН, 1997. С. 74-94.
123. Коровин В.А. К распространению птиц на севере лесостепного Зауралья // Там же. Екатеринбург, 2000. С. 114-118.
124. Коровин В.А. Динамика населения птиц степного агроландшафта в связи с изменениями в характере землепользования // Достижения и проблемы орнитологии Северной Евразии на рубеже веков: Тр. Междунар. конф. «Актуальные проблемы изучения и охраны птиц Восточной Европы и Северной Азии». Казань, 2001. С. 469-477.
125. Коровин В.А. Птицы в агроландшафтах Урала. Екатеринбург: УрГУ, 2004. 504 с.
126. Коршиков Л.В., Корнев С.В. Новые интересные орнитологические наблюдения в Оренбуржье в 2003 г. // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Екатеринбург: УрГУ, 2003. С. 130-133.
127. Кочанов С.К. Влияние хозяйственной деятельности человека на структуру летнего населения птиц таежной зоны европейского Северо-Востока СССР // Тр. Коми НЦ АН СССР, 1987. № 89. С. 55-60.
128. Кошелев А.И. Размещение и поведение выводков некоторых водоплавающих птиц на водоемах Барабинской лесостепи // Размещение и численность позвоночных Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С. 135-153.
129. Красная книга Российской Федерации (животные). М.: АСТ, Астрель, 2001. 861 с.
130. Красная книга Пермского края / Отв. ред. д.б.н. А.И. Шепель. Пермь: Кн. мир, 2008. 256 с.
131. Кременецкий К.В., Тарасов П.Е., Черкинский А.Е. История островных боров Казахстана в голоцене // Бот. журн. С.-П.: Наука, 1994. Т. 79. Вып. 3. С. 13-29.
132. Кривенко В.Г. Водоплавающие птицы и их охрана. М.: Агропромиздат, 1991. 271 с.
133. Кривошеков В.В., Иммамеев З.И. Длиннохвостый снегирь в Пермской области // Экология птиц Волжско-Уральского региона. Свердловск: УрО АН СССР, 1988. С. 51.
134. Круликовский Л.К. К сведению о птицах южных уездов Вяткой губернии // Зап. УОЛЕ. Т. XXXII. Екатеринбург, 1913. С. 1-43.
135. Крылов П.Н. Материалы к флоре Пермской губернии // Тр. общества естествоиспытателей при Казан. ун-те. 1878. Т. 6. Вып. 6. 110 с.

136. Кузнецов Д.Н. Календарь природы // Кунгурско-Красноуфимский край. Кунгур, 1925. № 2. С. 9-10.
137. Кузнецов Л.А. Золотистая щурка в Пермской области // Орнитология. М.: МГУ, 1979. Вып. 14. С. 192.
138. Кузнецов А.В. Изменение биоразнообразия под влиянием антропогенной трансформации ландшафта и режима заповедности на примере сообщества хищных птиц // Самарская Лука: Бюллетень. Самара, 1996. № 8. С. 328-334.
139. Кузьмич А.А. К орнитофауне севера Челябинской области // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Екатеринбург: Академкнига, 2002. С. 149-152.
140. Кузьмич А.А., Попов С.В., Таушканов Е.А., и др. Орнитофауна озера Маян и его окрестностей // Там же. Екатеринбург: УрГУ, 2005. С. 161-186.
141. Кузякин А.П. Зоогеография СССР // Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та. Т. 109. Вып. 2. М., 1962. С. 3-182.
142. Кузякин А.П. Метод учета лесных птиц // География и экология наземных позвоночных Нечерноземья. Владимир, 1981. С. 38-48.
143. Куклин С.А. Птицы Урала // Природа Урала. Свердловск, 1936. С. 183-201.
144. Куклин С.А. Охота в Молотовской области в прошлом и настоящем // На Западном Урале. Молотов, 1951. С. 156-181.
145. Куклин С.Б. Интересные встречи птиц в Челябинской области // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. С. 42.
146. Куклин С.Б. Встречи зимородков в Челябинской области // Там же. Екатеринбург, 2000. С. 124.
147. Курулюк В.М. Биотопическое распределение птиц заповедника «Басеги» // Исследования эталонных природных комплексов Урала. Екатеринбург: «Екатеринбург», 2001. С. 118-120.
148. Лапушкин В.А., Демидова М.И., Шепель А.И., Фишер С.В. Гнездование степного луня в Пермской области // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Екатеринбург: УрО РАН, 1995а. С. 45-46.
149. Лапушкин В.А., Казаков В.П. Птицы окрестностей Кишерти // Там же. Екатеринбург, 2000. С. 125-129.
150. Лапушкин В.А., Казаков В.П., Фишер С.В., Шепель А.И. О гнездовании сплюшки и золотистой щурки в Пермской области // Там же. Екатеринбург: УрГУ, 2003. С. 136-137.
151. Лапушкин В.А., Шепель А.И., Фишер С.В., Казаков В.П. Новые виды птиц Пермской области // Там же. Екатеринбург: УрО РАН, 1995б. С. 43-44.

152. Лоскутова Н.М. Современное состояние редких видов птиц Башкирского заповедника // Практическое использование и охрана птиц Южно-Уральского региона. М., 1983. С. 63-66.
153. Лоскутова Н.М. Хищные птицы и совы Башкирского заповедника // Хищные птицы и совы в заповедниках РСФСР. М., 1985. С. 45-58.
154. Лоскутова Н.М. Распределение, численность, охрана хищных птиц Южного Урала: Автореф. дис. ...канд. биол. наук. М., 1990. 15 с.
155. Лоскутова Н.М., Бояршинов В.Д., Адиев М.Я. Птицы // Флора и фауна заповедников. Вып. 73: Позвоночные животные заповедника «Басеги». М., 1998. С. 10-30.
156. Лоскутова Н.М., Курулюк В.М. Перепел в горно-лесных районах северо-востока Пермской области // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Вып. 73. Екатеринбург, 1999. С. 95-96.
157. Лоскутова Н.М. К распространению и численности редких видов хищных птиц горно-лесной части Башкортостана // Изучение природы в заповедниках Башкортостана. Миасс: Геотур, 1999. С. 190-193.
158. Лоскутова И.А. Птицы // Флора и фауна заповедников. Вып. 67: Позвоночные животные заповедника «Шульган-Таш». М., 1998. С. 12-32.
159. Лоскутова И.А. Выявление мест обитания и определение численности видов животных, растений и грибов, занесенных в Красную книгу Пермской области, на территории Кунгурского района: Отчет по теме НИР. 2003 / Архив Управления по охране окружающей среды Пермской области.
160. Луговой А.Е. О самостоятельности лесостепного комплекса птиц // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1994. Т.99. вып. 2. С. 10-19.
161. Максимов А.А. История развития сельскохозяйственного ландшафта в лесной зоне европейской части СССР // Охрана природы и заповедное дело. Вып. 7. М.: АН СССР, 1962. С. 102-132.
162. Максимов А.А. Многолетние колебания численности животных, их причины и прогноз. Новосибирск: Наука, 1984. 249 с.
163. Маматов А.Ф., Афтаева Т.И., Сунгарина Г.Р. Лебедь-шипун – новый гнездящийся вид фауны Башкирии // Практическое использование и охрана птиц Южно-Уральского региона. М., 1983. С. 67-68.
164. Маяков А.А., Шепель А.И. Определение вида и пола некоторых млекопитающих по костям таза, голени и бедра // Зоол. журн. М., 1987. Т. 66. Вып. 2. С. 288-293.
165. Меньшиков А.Г., Пятак Л.П. Региональные ключевые орнитологические территории в Удмуртии // Инвентаризация, мониторинг и охрана ключевых орнитологических территорий России. М.: Союз охраны птиц России, 2001а. Вып. 3. С. 77-79.

166. Меньшиков А.Г., Пятак Л.П. Ключевые орнитологические территории международного значения в Удмуртской республике // Там же. 2001б. С. 114-125.
167. Михеев А.В. Определитель птичьих гнезд. М.: Просвещение, 1975. 171 с.
168. Монин А.С., Шишков Ю.А. История климата. Л.: Гидрометеиздат, 1979. 405 с.
169. Морозов В.В. Современный статус южного среднего кроншнепа *Numenius phaeopus alboaxillaris* Lowe в России и Казахстане // Русский орнитологический журнал. 1998. Экспресс-выпуск, № 34. С. 3-15.
170. Морозов В.В., Корнев С.В. К орнитофауне Южного Зауралья // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Екатеринбург: Академкнига, 2002. С. 161-164.
171. Морозов Н.С. Сравнение результатов учета птиц методом трансект и точечно-картографическим методом в сероольшанике Валдая // Зоол. журн. М., 1989. Т. 68. Вып. 4. С. 114-123.
172. Надеинский Н.П. Заметка о появлении малой выпи на Зауральских озерах // Зап. УОЛЕ. Т. XXIX. Екатеринбург, 1909. С. 134.
173. Накаряков А.В., Суслонов А.В. Эволюция аграрного хозяйства на Западном Урале // Образование и развитие многонационального государства в России: сущность, формы и значение. Элиста, 2002. С. 143-150.
174. Накаряков А.В., Суслонов А.В. Современные проблемы производства продовольствия в Кунгурском крае по сравнению с грибушинскими временами // Грибушинские чтения – 2004. Кунгур, 2004. С. 97-103.
175. Наумкин Д.В. Питание филина в условиях пойменных экосистем долины р. Сылвы // Экология и охрана окружающей среды. Пермь, 1995. Ч. 4. С. 40-41.
176. Наумкин Д.В. Дополнительные данные по орнитофауне Пермской области // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Екатеринбург, 2001а. С. 126-127.
177. Наумкин Д.В. Редкие виды орнитофауны в фондах Кунгурского краеведческого музея // Словцовские чтения – 2001. Тюмень, 2001б. С. 163-164.
178. Наумкин Д.В. Птицы как индикатор состояния памятников природы в условиях городской среды // Вопросы практической экологии. Пенза, 2002. С. 158-161.
179. Наумкин Д.В. История формирования и современное состояние таксидермической коллекции Кунгурского музея // Тр. гос. Дарвиновского музея. М., 2003. Вып. VI. С. 173-178.
180. Наумкин Д.В. К изучению орнитофауны Вяткинского заказника // Грибушинские чтения – 2004. Кунгур, 2004а. С. 227-228.

181. Наумкин Д.В. Птицы городских сосновых лесов города Кунгура // Региональный компонент в преподавании биологии, валеологии и химии. Пермь, 2004б. Вып. 3. С. 43-48.
182. Наумкин Д.В. Водоплавающие и околоводные птицы водоемов Кунгурской лесостепи (Пермская область) // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Екатеринбург: УрГУ, 2005а. С. 212-219.
183. Наумкин Д.В. Гусеобразные птицы в условиях сельскохозяйственных ландшафтов юго-востока Пермской области // Гусеобразные птицы Северной Евразии: Тез. докл. III Междунар. симпозиума. С.-Пб.: Картфабрика ВСЕГЕИ, 2005б. С. 206-207.
184. Наумкин Д.В. Материалы по питанию филина в Кунгурском районе // Грибушинские чтения – 2006. Кунгур, 2006. С. 256-258.
185. Наумкин Д.В. Экологические аспекты пролета и гнездования гусеобразных в нижнем течении реки Сылвы (Пермский край) // Современные проблемы природопользования, охотоведения и звероводства: матер. Междунар. науч.- практич. конф., посв. 85-летию ВНИИОЗ. Киров: ГНУ ВНИИОЗ, 2007. С. 312-314.
186. Наумкин Д.В., Демидова М.И. Птицы Вяткинского заказника и прилегающих территорий в верховьях Сылвенского залива Камского водохранилища // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Екатеринбург: Академкинига, 2002. С. 188-203.
187. Наумкин Д.В., Лоскутова Н.М. Орнитологическое разнообразие заповедника «Басеги» и его окрестностей (Пермский край) // Антропогенная динамика природной среды. Пермь: ПГУ, 2010. Т. 2. С. 151-156.
188. Наумкин Д.В., Севастьянов В.М., Лавров И.А. Кунгурский заповедный край. Пермь: Раритет-Пермь, 2004. 120 с.
189. Наумкин Д.В., Соснин Е.А. Результаты зимних наблюдений птиц в г. Кунгуре // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Екатеринбург: Академкнига, 2002. С. 203-205.
190. Наумкин Д.В., Старова О.С. Краснозобая гагара в Кунгурской лесостепи // Грибушинские чтения – 2011. Кунгур, 2011. С. 329.
191. Наумкин Д.В., Фуфаева А.А., Чуприянов С.В. О зимних встречах некоторых птиц в городе Кунгуре (Пермская область) // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Екатеринбург: УрГУ, 2004. С. 111-112.
192. Наумкин Д.В., Чуприянов С.В. Формирование коллекции птичьих гнезд и возможности музейного использования подобных экспонатов // Грибушинские чтения – 2004. Кунгур, 2004. С.82-84.
193. Наумов Р.Л. Методика абсолютного учета птиц в гнездовой период на маршрутах // Зоол. журн. М., 1965. Т. 44. Вып. 1. С. 81-94.

194. Нейштадт М.И. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М.: АН СССР, 1957. 403 с.
195. Некрасов Е.С. Изменения в орнитофауне города Свердловска за последние 10 лет // Птицы и урбанизированный ландшафт. Каунас, 1984. С. 104-105.
196. Неулыбина А.А. Физико-географическая характеристика Кунгурского района. Пермь, 1966. С. 18. / Научный архив Кунгурского музея, д. 137.
197. Неулыбина А.А. О роли антропогенного фактора в формировании природных комплексов Иренско-Сылвенского поречья // Уч. зап. Перм. гос. ун-та. Пермь, 1970. № 230. С. 15-22.
198. Нефедов Н.А. Гнездовая колония серой цапли на юге Свердловской области // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Екатеринбург: Академкнига, 2002. С. 208.
199. Нешатаев Н.И. Естественные сезоны природы Пермского Прикамья // Матер. по физической географии, охране природы Урала и сопр. территорий. Пермь, 1973. № 281. С. 100-107.
200. Николаев С.Ф. Кунгур. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1958. 146 с.
201. Никольская В.И. Семейство ласточковые // Животный мир Прикамья. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1989. С. 93-94.
202. Никонов Н.Г. Певчие птицы. Свердловск: Средне-Уральск. кн. изд-во, 1973. 424 с.
203. Новиков Г.А. Географическая изменчивость плотности населения лесных птиц европейской части СССР и сопредельных стран // Зоол. журн. М., 1960. Т. 39. Вып. 3. С. 433-447.
204. Оборин В.А. Социально-экономическое развитие Урала в XVIII веке // История Урала. Пермь, 1963. Т. 1. С. 73-86.
205. Овеснов С.А. Конспект флоры Пермской области. Пермь: ПГУ, 1997. 252 с.
206. Овеснов С.А. Сосудистые растения Пермской области: ресурсное значение и вопросы охраны // Растительный покров Пермской области и его охрана. Пермь: ПГУ, 2003. С. 5-19.
207. Овеснов С.А., Ефимик Е.Г., Козьминых Т.В., и др. Иллюстрированный определитель растений Пермского края. Пермь: Кн. мир, 2007. 743 с.
208. Особо охраняемые природные территории Пермской области: Реестр / Отв. ред. д.б.н. С.А. Овеснов. Пермь: Кн. мир, 2002. 463 с.
209. Охраняемые природные территории России после распада СССР: 1992-2003. М.: MC PRINT, 2003. 14 с.
210. Палеогеография Северной Евразии в позднем плейстоцене – голоцене и географический прогноз / Отв. ред. К.К. Марков. М.: Наука, 1978. 76 с.

211. Пантелеев М.Ф., Болотников А.М. Птицы-дуплогнезники лесов Прикамья // Уч. зап. Перм. гос. пед. ин-та, 1976. Т. 150. С. 293-294.
212. Пантелеев М.Ф., Кривошеков В.В. Семейство длиннохвостые синицы // Животный мир Прикамья. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1989. С. 123-124.
213. Пантелеев М.Ф., Полушкина П.А. Фауна и население птиц поймы рек Сылва и Лек // Распространение и фауна птиц Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1989. С. 78-79.
214. Панченко С.Г. Численность птиц в лесах различных типов Ворошиловградской области // Вестн. зоол., 1976. № 4. С. 55-62.
215. Песенко Ю.А. Принципы и методы качественного анализа в фаунистических исследованиях. М.: Наука, 1982. 287 с.
216. Петрова А.К., Цепелев М.В., Наумкин Д.В. Фауна и население птиц долины нижнего течения р. Сылвы // Природное наследие и географическое краеведение Прикамья. Пермь: ПГУ, 1998. С. 40-41.
217. Поляков В.Е. Ржанкообразные птицы лесостепной зоны Зауралья: сравнительный анализ фауны, распространения и биотопического распределения: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Екатеринбург, 2009. 18 с.
218. Пономарев А.Н. О распространении сосновых лесов и сибирской лиственницы по восточной окраине Кунгурской лесостепи // Изв. биол. НИИ при Перм. ун-те, 1941. Т. 12. Вып. 2. С. 53-64.
219. Пономарев А.Н. Лесостепной комплекс северной окраины Кунгурской лесостепи // Изв. ЕНИ при Молотовском ун-те. 1948. Т. 12. Вып. 6. С. 225-236.
220. Пономарев А.Н., Данилова М.М. О ботанических объектах, подлежащих охране в Пермской области // Докл. V Всеурал. совещ. по вопр. географии и охраны природы Урала. Пермь, 1960. 4 с.
221. Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию в отношении к земледелию, многочисленным рудным заводам, промышленности и домоводству. С.-Пб., 1813. С. 211-270.
222. Постников С.Н. Численность, плотность и энергетические потребности птиц в лесных биоценозах Среднего Урала // Распространение и фауна птиц Урала. Свердловск, 1989. С. 85-86.
223. Преображенская Е.С., Боголюбов А.С. Результаты зимних учетов птиц России и сопредельных регионов. М.: Мензбирское орнитологическое об-во РАН, 1996. Вып. 8-9. С. 39-40.
224. Преображенский А.А. Очерк колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII века. М., 1956.
225. Прокопьев М.Н. Сосна обыкновенная в лесах Западного Урала // Экология и охрана окружающей среды. Пермь, 1995. Ч. 4. С. 56-57.

226. Птицы Прикамья: Каталог коллекций Пермского и Коми-Пермяцкого краеведческих музеев. Сост.: Еремченко М.И. Пермь, 1990. 82 с.
227. Ресурсы поверхностных вод СССР. М.: Планета, 1978. 98 с.
228. Редько П.С. Птицы Еткульского района Челябинской области // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Екатеринбург, 1998. С. 80.
229. Рычагов Г.И. Плейстоценовая история Каспийского моря // Комплексное исследование Каспийского моря. М.: МГУ, 1974. Вып. 4. С. 12-35.
230. Рябицев В.К. Гнездовая находка чечетки на севере Челябинской области // Фауна и экология птиц Челябинской области. Мисс, 1996. С. 74-79.
231. Рябицев В.К. Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири: Справочник-определитель. Екатеринбург: УрГУ, 2001а. 608 с.
232. Рябицев В.К. Авифаунистические исследования на Урале, в Приуралье и Западной Сибири за последнюю четверть века и взгляд на будущее // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Екатеринбург, 2001б. С. 4-12.
233. Рябицев В.К. Сплюшка на юге Свердловской области // Там же. Екатеринбург: УрГУ, 2005. С. 235.
234. Рябицев В.К., Бойко Г.В., Москвитин С.С., и др. Фауна птиц регионов Западной Сибири // Инвентаризация, мониторинг и охрана ключевых орнитологических территорий России. М.: Союз охраны птиц России, 2001. Вып. 3. С. 140-168.
235. Рябицев В.К., Тарасов В.В., Примаков И.В., и др. К фауне птиц юга Курганской области // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Екатеринбург: Академкнига, 2002. С. 211-228.
236. Рябов В.Ф. Авифауна степей Северного Казахстана. М.: Наука, 1982. 176 с.
237. Сабанеев Л.П. Каталог зверей, птиц, гадов и рыб Среднего Урала. М.: МОИП, 1872. 69 с.
238. Сабанеев Л.П. Позвоночные Среднего Урала и географическое распределение их в Пермской и Оренбургской губерниях. М.: МОИП, 1874. 206 с.
239. Самарин С.С. Об орнитофауне Пермской области // Науч. доклады высшей школы. Биол. науки. 1959. № 4. С. 47-49.
240. Симкин Г.Н. Биогеоценозы таежного леса (на примере Пермской области). М.: МГУ, 1974. 174 с.
241. Симкин Г.Н. Певчие птицы: Справ. пособие. М.: Лесная промышленность, 1990. 399 с.
242. Стенно С.П. История заповедного дела в Пермском крае. Пермь: издатель Богатырев П.Г., 2006. 238 с.

243. Стенно С.П., Воронов Г.А. К истории учебно-научной базы «Предуралье» Пермского университета // Вестник Перм. ун-та. Пермь: ПГУ, 2000. Вып. 3. С. 11-19.
244. Степанян Л.С. Конспект орнитологической фауны России и сопредельных территорий (в границах СССР как исторической области). М.: Академкнига, 2003. 808 с.
245. Сюезев П.В. Необычайно северный залет черного грифа // Материалы по изучению Пермского края. Пермь, 1911. Вып. 4. С. 9-10.
246. Тарасов О.В. Обзор орнитофауны Восточно-Уральского заповедника и сопредельных территорий // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Екатеринбург: УрГУ, 2004. С. 166-177.
247. Тарасов В.В., Примак И.В., Поляков В.Е. Дополнения к орнитофауне северо-востока Курганской области // Там же. Екатеринбург: УрГУ, 2004б. С. 163-166.
248. Тарасов В.В., Рябицев В.К., Грехов Р.Г., Ляхов А.Г. К фауне птиц окрестностей Макушино // Там же. Екатеринбург, 2001. С. 160-166.
249. Тарасов В.В., Рябицев В.К., Примак И.В., и др. Орнитофауна северо-восточных районов Курганской области // Там же. Екатеринбург: УрГУ, 2003. С. 193-213.
250. Тарасов В.В., Рябицев В.К., Примак И.В., Поляков В.Е. Тенденции изменений в фауне куликов лесостепного Зауралья во второй половине XX века // Кулики Восточной Европы и Северной Азии: изучение и охрана: Мат. VI совещ. Екатеринбург: УрГУ, 2004а. С. 197-204.
251. Торгашов О.А. Гусеобразные и ржанковые поймы реки Белой в черте города Мелеуза // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Екатеринбург: Академкнига, 2002. С. 254-258.
252. Торгашов О.А. Птицы национального парка «Башкирия» // Там же. Екатеринбург: УрГУ, 2003. С. 213-241.
253. Торгашов О.А. К фауне птиц национального парка «Башкирия» // Там же. Екатеринбург: УрГУ, 2004. С. 178-182.
254. Таскаева Н.Я. К познанию лесов средней части Молотовской области // Бот. журн. 1943. Т. 28. № 6. С. 248-255.
255. Ушков С.Л. О редких в Пермском крае залетах птиц // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1924. Вып. 1. С. 57.
256. Ушков С.Л. Список птиц Пермского округа Уральской области // Бюл. МОИП. Новая сер. Отд. биол. 1927. Т. 36. Вып. 1-2. С. 68-116.
257. Ушков С.Л. Звери и птицы Ильменского заповедника. Екатеринбург: Наука, 1993. 268 с.

258. Файзуллина Н.Ю., Кирсберг А.В., Надымов Н.Н. Некоторые параметры размножения береговой ласточки в Прикамье // Экология и охрана окружающей среды. Пермь, 1995. Ч. 4. С. 121-122.
259. Фишер С.В., Казаков С.П. Современное распространение горной трясогузки в Пермской области // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Екатеринбург, 2003. С. 243-244.
260. Формозов А.Н. Изменение природных условий степного юга Европейской части СССР за последние 100 лет и некоторые черты современной фауны степей // Исследование географии природных ресурсов животного и растительного мира. М.: АН СССР, 1962. С. 114-161.
261. Фуфаев А.А. Топические связи в гнездовой жизни воробьиных птиц в биогеоценозах подзоны широколиственно-хвойных лесов Камского Предуралья // Гнездовая жизнь птиц. Пермь, 1980. С. 99-106.
262. Фуфаев А.А. Предгнездовой период у воробьиных птиц Камского Предуралья // Там же. Пермь, 1984. С. 10-13.
263. Фуфаев А.А. Продолжительность гнездовой жизни воробьиных птиц Камского Предуралья // Там же. Пермь, 1986. С. 73-80.
264. Фуфаев А.А. К вопросу о состоянии популяции серой куропатки в Кунгурской лесостепи // Проблемы региональной Красной книги. Пермь, 1997. С. 109-110.
265. Фуфаев А.А., Фуфаева А.А. Изучение орнитофауны Кунгурского района // Педагогический опыт: поиск, находки, творчество. Кунгур, 1999. С. 70-74.
266. Фуфаев А.А., Фуфаева А.А. Фенологические индикаторы сезонных биоритмов у птиц Прикамья // Гнездовая жизнь птиц. Пермь, 2001. С. 125-127.
267. Фуфаев А.А., Фуфаева А.А. К вопросу о динамике численности некоторых видов птиц в Прикамье // Грибушинские чтения – 2004. Кунгур, 2004. С. 234-236.
268. Фуфаев А.А., Шураков А.И., Петров Б.Г. Семейство вьюрковые // Животный мир Прикамья. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1989. С. 128-134.
269. Фуфаева А.А. Птицы города Кунгура // Грибушинские чтения – 2004. Кунгур, 2004. С. 231-234.
270. Фуфаева А.А. Календарь сезонных явлений природы в южном (Кунгурском) зоогеографическом районе Пермского края // Грибушинские чтения – 2006. Кунгур, 2006. С. 261-263.
271. Фуфаева А.А., Фуфаев А.А. Морфологическая характеристика яиц и кладок галки // Региональный компонент в преподавании биологии, валеологии и химии. Пермь, 2004. Вып. 3. С. 53-59.
272. Циберкин Н.Г., Стенно С.П. Основные этапы природопользования в Пермском Прикамье в докапиталистический период // При-

родное наследие и географическое краеведение Прикамья. Пермь: ПГУ, 1998. С. 148-151.

273. Чазов Б.А. О географии лесов Кунгурского района // Уч. зап. Перм. ун-та. 1957. Т. 11. Вып. 2. С. 145-154.

274. Чазов Б.А. К ландшафтной географии Пермской области // Записки Пермского отдела Географического общества СССР. Пермь, 1960. Вып. 1. С. 91-114.

275. Чуприянов С.В., Фуфаева А.А., Наумкин Д.В. Водоплавающие и околородные птицы Кишертских озер // Грибушинские чтения – 2004. Кунгур, 2004. С. 228-231.

276. Шалыбков А.М., Сторчевой К.В. Природные заказники: Справочник. М.: Агропромиздат, 1985. 156 с.

277. Шепель А.И. Птицы учлесхоза «Предуралье» (методическая разработка для летней полевой практики). Пермь, 1981а. 40 с.

278. Шепель А.И. Характер пребывания, территориальное распределение и особенности гнездования хищных птиц и сов юга Пермской области // Гнездовая жизнь птиц. Пермь, 1981а. С. 66-71.

279. Шепель А.И. Хищные птицы и совы Пермского Прикамья. Иркутск: ИГУ, 1992. 296 с.

280. Шепель А.И. Черный аист в Пермском регионе // I Межд. конгресс по черному аисту. Рига, 1993. С. 83.

281. Шепель А.И. Современное состояние редких и исчезающих птиц Пермской области, занесенных в Красную книгу Среднего Урала // Проблемы региональной Красной книги. Пермь, 1997. С. 111-112.

282. Шепель А.И. Сапсан в заказнике «Предуралье» // Вестник Перм. ун-та. Пермь: ПГУ, 2000а. Вып. 3. С. 268-269.

283. Шепель А.И. Ведение зоологического мониторинга на территории Пермской области // Природное наследие и географическое краеведение Прикамья. Пермь: ПГУ, 2000б. С. 41-43.

284. Шепель А.И. Животный мир (наземные позвоночные) Кунгурского района: состояние, проблемы охраны // Грибушинские чтения – 2004. Кунгур, 2004. С. 220-222.

285. Шепель А.И. Видовое разнообразие животного мира // Состояние и охрана окружающей среды Пермской области в 2005 г. Пермь, 2006. С. 160-172.

286. Шепель А.И. Фауна Пермского края // Состояние и охрана окружающей среды Пермского края в 2007 г. Пермь, 2008. С. 150-157.

287. Шепель А.И. Воробьиный сыч *Glaucidium passerinum* (Linnaeus, 1758) в Волжско-Камском крае // Вестник Перм. ун-та. Сер. биология. 2012. Вып. 1. С. 49-53.

288. Шепель А.И., Зверева С.В. Некоторые итоги кольцевания птиц в заказнике «Предуралье» // Вестник Перм. ун-та. Пермь: ПГУ, 2000. Вып. 3. С. 70-71.

289. Шепель А.И., Зиновьев Е.А. Животный мир заказника «Предуралье» (позвоночные). Пермь: ПГУ, 1999. 144 с.

290. Шепель А.И., Казаков В.П. Европейская белая лазоревка, или князек // Красная книга Пермского края. Пермь: Кн. мир, 2008. С. 47.

291. Шепель А.И., Казаков В.П., Лапушкин В.А., Фишер С.В. Пермская область и Коми-Пермяцкий автономный округ // Ключевые орнитологические территории России. Т. 1. Ключевые орнитологические территории международного значения в Европейской России. М.: Союз охраны птиц России, 2000. С. 517-526.

292. Шепель А.И., Лапушкин В.А., Фишер С.В. Колония кобчиков на севере республики Башкортостан // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Екатеринбург, 2001. С. 166.

293. Шепель А.И., Львовский Л.М. Кольцевание птиц в «Приуралье» // Актуальные проблемы общественных, естественных и технических наук. Рез. отчетной научной конф. молодых ученых и специалистов. Пермь, 1984. С. 36.

294. Шепель А.И., Мусихин А.Э., Рыбкин А.В., и др. Новые регистрации степного луны в Пермской области // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Екатеринбург, 1998. С. 185-186.

295. Шепель А.И., Петровских А.И., Маяков А.А. Некоторые орнитологические находки в Пермской области // Гнездовая жизнь птиц. Пермь, 1981. С. 64-66.

296. Шепель А.И., Петровских А.И., Фишер С.В. Филин в Пермском Прикамье // Филин в России, Белоруссии и на Украине. М.: МГУ, 1994. С. 32-54.

297. Шепель А.И., Фишер С.В., Лапушкин В.А., Казаков В.П. Состояние редких видов птиц Пермского Прикамья // Экология и охрана окружающей среды. Пермь, 1995. Ч. 4. С. 71-73.

298. Шепель А.И., Фишер С.В., Лапушкин В.А., Казаков В.П. Видовой состав редких и исчезающих видов птиц Пермской области, нуждающихся в охране // Проблемы региональной Красной книги. Пермь, 1997. С. 113-114.

299. Шепель А.И., Фишер С.В. Класс птицы // Животный мир Вишерского края: Позвоночные животные. Пермь: Книжный мир, 2004. С. 35-135.

300. Шепель А.И., Шохрин В.П., Казаков В.П. Орнитологические находки в Пермской области // Орнитология. М.: МГУ, 1987. Вып. 22. С. 197-198.

301. Шилова С.А., Чабовский В.И., Морозов Ю.В., и др. Эпизоотологическое значение птиц в очагах клещевого энцефалита на Среднем Урале // Орнитология. М.: МГУ, 1963. Вып. 6.

302. Шилова С.И. Флора островной Кунгурской лесостепи: Автореф. дис.. канд. биол. наук. Л., 1982. 18 с.

303. Шилова С.И. Кунгурская лесостепь // Памятники природы Пермской области. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1983. С. 69-73.
304. Шнитников А.В. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария // Зап. Геогр. общества СССР. М.-Л.: АН СССР, 1957. Т. 16. 336 с.
305. Штегман Б.К. Основы орнитогеографического деления Палеарктики // Фауна СССР. Птицы. М., Л.: АН СССР, 1938. Т. 1. Вып. 2. 156 с.
306. Шураков А.И. Ракшеобразные // Животный мир Прикамья. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1989. С. 89.
307. Шураков А.И., Ахметова Р.Т. Типы искусственных гнездовий и их заселенность в населенных пунктах Уинского района Пермской области // Региональный компонент в преподавании биологии, валеологии и химии. Пермь, 2004. Вып. 3. С. 64-71.
308. Шураков А.И., Бушуев В.М. Величина грачевников в Камском Предуралье // Гнездовая жизнь птиц. Пермь, 1978. С. 97-105.
309. Шураков А.И., Каменский Ю.Н. Расширение ареала пеночки-трещетки // Там же. Пермь, 1980. С. 97-98.
310. Шураков А.И., Каменский Ю.Н. О попытке гнездования скопы в Кишертском районе // Там же. Пермь, 1982. С. 90-91.
311. Шураков А.И., Каменский Ю.Н. Птицы Камского Приуралья, задачи их изучения и охраны // Там же. Пермь, 1986. С. 58-76.
312. Шураков А.И., Каменский Ю.Н., Пантелеев М.Ф. Некоторые тенденции в изменении орнитофауны Камского Приуралья // Распространение и фауна птиц Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1989. С. 102-104.
313. Шураков А.И., Климова И.Г., Яценко Р.В. Чаечное озеро // Физико-географические основы развития и размещения производительных сил нечерноземного Урала. Пермь, 1985. С. 111-116.
314. Шураков А.И., Пантелеев М.Ф. Камышница – гнездящийся вид Пермской области // Гнездовая жизнь птиц. Пермь, 1984. С. 59-60.
315. Шураков А.И., Фефилов С.А., Козлов С.Л., Климова И.Г. Некоторые параметры размножения озерной чайки в Камском Предуралье // Там же. Пермь, 1981. С. 151-155.
316. Шураков А.И., Шураков С.А., Бушуев В.Л. Семейство врановые // Животный мир Прикамья. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1989. С. 101-105.
317. Шураков А.И., Шураков С.А., Литвинов Н.А., и др. О птицах города Перми // Региональный компонент в преподавании биологии, валеологии и химии. Пермь, 1999. С. 42-55.
318. Шураков А.И., Шураков С.А. О гнездовании камышницы в Пермской области // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. С. 76.
319. Шураков С.А. Динамика численности грача в Камском Приуралье // Гнездовая жизнь птиц. Пермь, 1984. С. 84-87.

320. Шураков С.А. Встречи длиннохвостой чечевицы в Кишертском районе Прикамья // Региональный компонент в преподавании биологии, валеологии и химии. Пермь, 2004. Вып. 3. С. 59-60.

321. Шураков С.А., Болдина И.С., Шураков А.И. Серая куропатка в Прикамье (проблемы изучения, охраны, восстановления численности) // Проблемы региональной Красной книги. Пермь, 1997. С. 115-116.

322. Шураков С.А., Светлова А.С., Матвеева Г.К. Многолетняя динамика численности поселений грача в городах Перми и Очере // Гнездовая жизнь птиц. Пермь, 2001. С. 82-88.

323. Юшков Р.А., Воронов Г.А. Амфибии и рептилии Пермской области: Предварительный кадастр. Пермь: изд-во Перм. ун-та, 1994. 158 с.

324. Kurhinen J., Linden H., Danilov P., Helle P. Impact of forestry in taiga ecosystems on forest grouse species in eastern Fennoscandia // Recent problems of nature use, game biology, and fur farming. Kirov: SSI VNIPOZ, RAAS, 2007. P. 513-515.

325. Rjabow W. Zur Biologie und Nahrung des Steinschmatzers in den Nordkasachischen Steppen // Der Falke, 1965. № 2. S. 409-411/

326. Rjabow W. Die Nahrung der Feldlerche in der Kustanai Steppe // Ibid., 1968. № 4. S. 112-118.